

А. И. Свирский
РЫЖИК

Алексей Иванович Свирский

Рыжик

(повесть)

Часть Первая

I

Откуда взялся Рыжик и кто его приютил

Птицы еще спали, когда Акси́нья вышла открывать ставни. Молодая женщина тихо скрипнула в сенях дверьми и перешагнула порог.

Солнце еще не взошло, но рассвет уже был близок. На востоке небосклон окрашивался в золотисто-сиреневый цвет. Звезды быстро гасли одна за другой. Береговая улица, или, как ее иначе называли, Голодаевка, спала крепким сном. Улица эта была застроена с одной только стороны, другая же сторона представляла собой высокий крутой обрыв, спускавшийся к реке.

Акси́нья, прежде чем открыть ставни, перешла босыми ногами пыльную немощеную улицу и остановилась на краю речного обрыва. Над рекой медленно расплывались серые клочья тумана. Маленькие, хилые домишки тесной ломаной шеренгой толпились на краю обрыва.

Хозяева этих хижин хотя и называли себя домовладельцами, но были бедняками родовитыми: бедность, нужда и всякие невзгоды переходили к ним из рода в род, как переходят к богатым громкие титулы или миллионные наследства. На Голодаевке никто не мог похвастать ни богатым дедушкой, ни промотанным именем.

Бедность жила здесь с незапамятных времен, так что голодаевцы давно уже привыкли к своей нужде, как негры привыкли к тропическому зною или как эскимосы — к жестоким морозам.

Не богаче других была и Акси́нья, жена Тараса Зазули. Муж ее хотя и был по ремеслу столяр и гробовщик, но денег у него никогда почти не было. Единственно, когда Зазули считали себя богачами, — это только во время Проводской или Успенской ярмарок, когда Тарас продавал партиями столы и табуреты, заранее заготавливаемые им в своей мастерской.

В последние дни Тарас был занят именно этим делом. До ярмарки оставалось немного, и он очень спешил.

Просыпался Зазуля раньше обыкновенного и работал до глубокой ночи. Вот почему жена его в тот день, когда начинается наш рассказ, так рано вышла открывать ставни.

Зазулиха (так за глаза называли соседки Аксиною) постояла с минуту на берегу, бросила сонный взгляд на небо, громко зевнула, перекрестила рот и направилась к своей хате.

Она стала открывать ставни. Всех окон в доме Зазулей было три. Молодая женщина открыла ставни, прикрепила их веревочками к стене, чтобы ветер ими не хлопал, и направилась было в хату, как вдруг услышала чьи-то тихие, жалобные стоны. Смуглое, загорелое лицо Аксины вытянулось от удивления и любопытства.

— Ой, ой, ой!.. — стонал кто-то за домом.

Аксинье показалось, что стонет женщина. Несколько секунд прислушивалась она к странным звукам, пугливо озираясь по сторонам. Но вокруг не было ни одной живой души. Наконец Аксины победила страх, и когда стоны особенно усилились, она подобрала ситцевую юбку и бросилась бежать, перепрыгивая через бурьян и крапиву, росшие около дома, в ту сторону, откуда слышались стоны. Аксины скрылась. Наступила тишина. Спустя немного Зазулиха с искаженным от страха лицом выбежала из-за угла дома и бросилась прямо в хату.

Тарас стоял перед верстаком и налаживал доски. Его громадная наклоненная фигура занимала чуть ли не половину комнаты. Одет он был в широкие шаровары и серую рубаху, а на босых ногах — мягкие самодельные шлепанцы.

— Тарас, выйди скорей на улицу! — крикнула запыхавшаяся Аксины, вбежав в мастерскую.

Лицо у нее было бледное, испуганное. Она вся дрожала.

— А что я там забыл, на улице?.. — проговорил равнодушным тоном Тарас, не отрываясь от дела.

— Иди скорей, иди же, говорю тебе... Посмотри, что случилось! — воскликнула Аксины.

— А что случилось? Курица удавилась?.. — засмеялся Зазуля.

— У, каменный ты человек!.. — озлилась жена. — Выйдешь ли ты из хаты, аль нет?

— Как не выйти... От бабьего крика не только что из хаты, а из кабака и то выйдешь, — сказал Тарас и, низко наклонив голову, чтобы не стукнуться о косяк, вышел из мастерской.

Аксины забежала вперед.

— Вот здесь, за сарайчиком... Слышишь, стонет? Сюда иди!.. Слышишь?.. — задыхаясь от волнения, шептала Аксины.

Тарас молча следовал за нею, пыхтя трубкой, которую он успел закурить по дороге.

— Вот здесь, смотри!.. Слышишь? — шепнула Аксины.

Тарас остановился. Перед ним на траве лежала женщина, а рядом с нею мирно спал завернутый в тряпки крошечный ребенок. Из полуоткрытого рта женщины вылетали слабые, хриплые стоны. Голова ее, повязанная темным дырявым платком, лежала на серой котомке. Бледная, с почерневшими губами, она имела вид умирающей. Глаза ее, неподвижные и как будто стеклянные, были устремлены в одну точку. Одежда ее состояла из грязных

бесформенных лохмотьев.

Тарас с Аксиньей молча, но значительно переглянулись, когда подошли к умирающей.

— Спроси-ка, кто она и как сюда попала, — тихо сказал Тарас жене.

— Послушай, милая, откуда ты? — приступила к допросу Аксинья, наклонившись над больной. — Ты больна? Это твой ребенок?.. Как ты сюда попала?..

Аксинья задавала вопрос за вопросом, но ответа не последовало. Незнакомка умирала — это было ясно.

— Я людей позову, — решительно заявила Зазулиха, взглянув на мужа.

— И то правда... Разбуди соседей, а то еще невесть что подумают, — согласился Тарас.

Аксинья убежала. Вскоре ее звонкий голос нарушил тишину наступающего утра.

— Выходите!.. — кричала Аксинья, стуча в ставни соседних домов.

Минут через десять небольшой дворик Зазулей был полон народа.

Солнце еще не успело взойти, когда неизвестная женщина умерла. В ту самую минуту, когда она испустила последний вздох, проснулся ее ребенок. Он заметался и заплакал. Прибежавшие бабы, у которых были свои дети, услышав голос плачущего ребенка, сейчас же определили, что ему всего три месяца от роду.

Аксинья, отвечая на вопросы, рассказывала, как она встала, как вышла открывать ставни и как услышала стоны.

— Она, стало быть, живая была? — перебивали ее слушатели.

— Конечно, живая, ежели стонала! Мертвые не стонут, — пояснила Зазулиха и продолжала свой рассказ.

А ребенок не переставал кричать, надрывая грудь.

— Его накормить надо, — догадалась одна из женщин и взяла его на руки.

Женщину эту звали Агафья-портниха. Муж ее был портной, человек слабый и пьющий. У Агафьи было пятеро ребят, из них один грудной.

Ребенок, как только очутился на руках у Агафьи, сейчас же замолк и припал к ее груди, точно замер.

— Ишь, как сосет! — удивлялся Тарас, у которого своих детей не было.

— Дитя есть хочет, известное дело... У покойницы, может, и молока-то не было, — хором заговорили женщины, перебивая друг друга.

— Эй, вы, тише, начальство едет! — крикнул кто-то.

Бабы умолкли.

Вдали показался голодаевский городской, Прохор Гриб, как его прозвали обыватели Береговой улицы. Это был старый отставной солдат, с мягким, точно вымоченным и выжатым лицом. На его сухом отвислом подбородке серебрилась белая щетина давно не бритой бороды. Прохор нюхал табак, и от этого его седые жидкие усы возле носа были покрыты

темно-коричневыми пятнами. Сколько ему было лет, он сам не знал. Иногда он говорил, что ему восемьдесят, а иногда утверждал, что ему давно уже стукнуло сто. Городовым он был поставлен с незапамятных времен. Голодаевцы привыкли к Грибу, видя его перед собой всю жизнь, и смотрели на него так, как люди обыкновенно смотрят на речку, что вечно течет по одному и тому же направлению, или на дерево, пережившее несколько человеческих поколений.

— Что здесь такое? — жуя губами, спросил Гриб, подойдя ближе.

— Нищая померла, — ответил Тарас и снова раскурил трубку.

— Человек помер, а тебе курить надо! — упрекнул старик Зазулю и укоризненно покачал головой.

Потом он достал табакерку, воткнул в ноздри две щепотки табаку и громко чихнул.

— Будь здоров, дедушка!..

— Проживи еще двести лет!..

— Расти большой!.. — приветствовали Гриба мальчишки, прибежавшие, как и взрослые, на крик Аксины.

— Пошли вон отсюда!.. Я вам!.. — закричал на детей старик и пригрозил им своей шашкой, имевшей такой же древний вид, как и он сам.

— Ой, дедушка, не пужай: со мной родимчик будет! — воскликнул один из мальчишек.

Другие покатались со смеху.

— Эй, вы, чего ржете?.. Проваливайте, пока целы! — крикнул на них Тарас и топнул ногой.

Ребята мгновенно притихли.

Проход Гриб подошел к трупам женщины и обнажил свою желтую безволосую голову. Издали голова его была похожа на большой бильярдный шар.

В толпе по поводу случившегося стали высказывать всевозможные догадки и предположения. Одни говорили, что покойница — крестьянка и что она умерла с голоду; другие полагали, что она отстала от партии рабочих, что вчера проходила через город; а Арина Брехуха, жена Сидора-печника, толстая плосколицая женщина, известная сплетница, настойчиво утверждала, что покойницу задушили грабители.

— Полно врать, Ариша! — пробовал остановить ее муж, присутствовавший тут же. — От твоей лжи вон, гляди, даже галка на заборе и та покраснела...

— Не галка, а нос твой от водки покраснел, пьяница несчастный! — закричала на мужа жена.

— Да ну вас!.. Что вы, на базаре, что ли — орете-то? — остановил супругов Тарас, а затем, обращаясь к Прохору, проговорил: — Послушай, дедушка, убери ты, пожалуйста, покойницу... Мне некогда: у меня работа спешная.

— Ишь ты, чего захотел! — зашамкал голодаевский городовый. — Я, брат, не главное начальство... Тут, хлопче (Прохор всех, и молодых и старых, называл хлопцами), надо, чтобы все по закону вышло... Перво-наперво надо квартального, Андрея Андреича, попросить, а он попросит пристава, а пристав попросит доктора, а доктор — следователя, а следователь — прокурора, а прокурор...

— А прокурор, — сердито перебил старика Тарас, — попросит тебя, старого гриба, а ты нос табаком набьешь и чихнешь — покойница, гляди, и воскреснет...

Тарас безнадежно махнул рукой и сам отправился за квартальным. А Прохор Гриб снова зашамкал беззубым ртом, объясняя кому-то закон, но его никто не слушал.

Ребенок только что умершей женщины перешел к Аксинье. Агафья, накормив его, отдала малютку Зазулихе, а сама отправилась домой, к своим детям.

— Вот у тебя нет ребят, возьми этого младенца к себе, — сказала Агафья, когда передавала Аксинье ребенка, — доброе дело сделаешь...

— Что вы, что вы! Где нам чужих кормить? Нам бы самим как-нибудь прожить... — возразила Аксинья, испугавшись слов Агафьи.

В это время ребенок благодаря неумелости молодой женщины высвободился из тряпок, в которые он был завернут, и заиграл крошечными ножками. Аксинья, боясь, чтобы он не выпал из рук, крепко прижала его к груди. Ребенок улыбнулся ей, обнажив беззубые десны. Это был красивый трехмесячный мальчик. Тельце у него было круглое, розоватое. Крошечные ножки и ручонки находились в непрерывном движении, большие карие глаза глядели открыто и весело.

— Какой славный мальчуган! — воскликнула одна из женщин. — И не похоже, чтобы мать его больна была... Вишь, какой он плотный да круглый!

— А волосенки-то как быстро у него выросли! — удивилась другая.

— Он рыжий будет, уж теперь и то головка у него будто из красной меди...

— Не прожить ему долго на свете...

— Уж какая жизнь круглой сироты!..

— Чего вы каркаете? Тьфу на вас! — крикнула на болтавших баб Аксинья и отвернулась от них.

Ребенок почему-то сразу стал ей дорог и мил. Полюбила она его в ту самую минуту, когда, трепетно прижавшись к ее груди, он впервые улыбнулся ей беззубым ротиком, устремив на нее большие карие глаза. Этот доверчивый взгляд наивных детских глаз пробудил в молодой женщине неведомое ей до этого чувство материнской любви и нежности.

«А и впрямь, не взять ли его к себе? — мысленно рассуждала сама с собою Аксинья, глазами лаская ребенка. — Попрошу Тараса: он добрый — позволит. Дитя нас не объест, а вырастет — помощником будет...» Так думала Зазулиха, любуясь крошечным мальчиком.

А Тарас в это время возвращался в сопровождении Андрея Андреича, квартального надзирателя. Они шли вдоль речного обрыва. Андрей Андреич, полный мужчина, с большим круглым животом, был одет в белый китель. Несмотря на то что солнце еще не поднялось из-за рощи, зеленевшей на той стороне реки, Андрей Андреич пыхтел, отдувался и, снимая фуражку, вытирал носовым платком влажный от пота лоб.

— И жарко же сегодня будет! — пробасил квартальный.

— Н-да... Сегодня не холодно... — желая поддержать разговор, сказал Тарас.

— Постой-ка, — вдруг остановил Зазулю квартальный, — посмотрим, кто там рыбу удит. Не Яков ли это Иваныч, наш доктор?

Тарас подошел к самому краю обрыва и посмотрел вниз. Там, недалеко от берега, стоял по икры в воде и удил рыбу какой-то человек высокого роста. Шляпа, сапоги и носки удильщика лежали на берегу, на широком плоском камне.

— Доктор и есть! — подтвердил Тарас, хорошенько взглядевшись в спину рыболова.

— Вот и отлично... Он-то нам и нужен, — сказал квартальный и также подошел к краю обрыва.

— Яков Иваныч! — крикнул он, слегка нагибаясь.

Голос квартального глухими раскатами пронесся над сонной поверхностью реки. Удивленный рыбу даже не шелохнулся, точно не его и звали. Резким желтым пятном вырисовывалась его длинная, худая фигура на светлом фоне спокойной реки. Он одновременно удил двумя удочками, и обе руки были у него заняты.

В тот самый момент, когда Андрей Андреич крикнул, Яков Иваныч заметил, что у него клюет, и весь насторожился.

— Яков Иваныч, пожалуйста к нам! — вторично окликнул врача квартальный.

Но ответа не последовало. У доктора оба поплавка запрыгали на воде, и он весь ушел в свое дело. Окрики квартального выводили его из себя, но он молчал: он боялся испугать рыбу.

— Яков Иваныч, мертвое тело усмотрено, пожалуйста! — не унимался Андрей Андреич.

У доктора от злости зеленые круги завертелись перед глазами. «Разгонит, разгонит рыбу мою, негодный толстяк!» — с тревогой в душе подумал Яков Иваныч и хотел было квартальному махнуть рукой, но вспомнил, что руки у него заняты, и решил сделать это иначе. Когда Андрей Андреич в третий раз позвал его, он осторожно поднял из воды одну ногу и задрыгал ею, желая этим жестом дать понять квартальному, чтобы тот убирался. В то самое время, когда доктор жестикулировал ногой, клевавшие рыбы, съев приманку, преспокойно ушли.

— Скажите, пожалуйста, господин квартальный, вы клятву дали меня преследовать? — дрожа от негодования, воскликнул Яков Иваныч и обернулся лицом к берегу.

— Я по делу... честное слово, по делу!.. Мертвое тело вот у него во дворе усмотрено... — оправдывался Андрей Андреич, указывая на Зазулю.

— Истинная правда — усмотрено! — подтвердил Тарас.

Доктор тяжело вздохнул и стал вытаскивать удочки.

Спустя немного он сидел на камне и, все еще волнуясь, надевал сапоги.

— «Усмотрено»... — ворчал доктор, натягивая на ногу сапог. — А вот у меня окунь был усмотрен, а вы его испугали своим мертвым телом... Нарочно встал до рассвета, чтобы никто не мешал, а тут на, принесла вас нелегкая...

Через минуту доктор оделся, свернул удочки и поднялся вверх. В это время показался пристав, бравый, рослый мужчина, со шпорами и лихо закрученными усами.

О случившемся приставу дал знать квартальный раньше, чем отправиться с Зазулей.

— А вы уже здесь, доктор?... Здравствуйте, здравствуйте! — приветствовал врача пристав.

— Да, я уже здесь, а вот окунь далече...

— Какой такой окунь?! — удивился пристав.

— Яков Иваныч рыбу удил... — пояснил квартальный.

— Ах, вот оно что! — усмехнулся пристав. — Неужто, Яков Иваныч, вы не можете отказаться от своей страсти? Помните, в прошлом году, когда вы бултыхнулись в воду в одежде, а вас из реки вытащила моя прачка...

— Что вы этим хотите сказать? — с досадой перебил пристава Яков Иваныч.

— А то, что вы тогда слово дали...

— Эти воспоминания никого не интересуют, — пробурчал Яков Иваныч.

Пристав улыбнулся, расправил усы и умолк. Так они все молча и дошли до места происшествия.

Толпа, завидя начальство, расступилась и притихла. Пристав, доктор и квартальный подошли к труп женщины. Их встретил Прохор. Старик, не спуская тусклых глаз с пристава, все время отдавал ему честь, держа руку под козырек. При этом он старался как можно больше выпрямить свою сутуловатую, дряхлую фигуру.

— Кто она такая? — спросил пристав, вглядываясь в пожелтевшее лицо покойницы.

— Не могу знать, ваше благородие! — ответил по-военному Прохор.

— Она не здешняя?

— Никак нет, ваше благородие! — отчеканил Гриб.

Толпа с большим интересом следила за всем происходившим. «Вишь, как ловко начальству лепортует... Ай да Гриб!..» — перешептывались голодаевцы, наблюдая за городовым. А ребятишки — те положительно пожирали глазами всю сцену: они всё замечали, всё улавливали. От их зорких глаз ничто не укрылось: ни шпоры пристава, ни его молодецкие усы, ни заплаты на ветхом мундире Прохора, ни тучная, слоновобразная фигура квартального, ни козлиная борода доктора.

Началось следствие, которое, к слову сказать, ни к чему ни привело. Никто не знал покойницы, и никто не мог удостоверить, откуда она, кто она и отчего умерла. Впрочем, доктор нашел было, что она умерла от разрыва сердца, но тут же добавил, что не ручается за это определение и что покойницу необходимо будет анатомировать.

Когда протокол был составлен, вспомнили про ребенка. Аксиныя все еще держала его на руках. Она успела уже переговорить о нем с Тарасом и разговором осталась недовольна: муж наотрез отказался взять мальчика к себе.

— Вот это мальчик покойницы? — спросил пристав у Аксины.

— Он самый.

— Гм... Как же теперь быть с ним?.. Его надо будет в полицию... А скажи, — возвысил голос пристав, обращаясь к Аксины, — он грудной?

— Грудной.

— Гм... вот беда! Куда мы его денем?..

— Я хотела его к нам в дом, — вдруг робко проговорила Акси́нья. — Хотела, стало быть, чтоб он завсегда у нас жил...

— Ну и прекрасно! — обрадовался пристав. — Возьмите его... И вам и нам приятно будет...

— Ах, — осмелев, перебила его Акси́нья, — знаю, что приятно будет, да вот муж у меня...

— А что муж... не хочет?.. У вас дети есть?

— И запаху детского нет.

— Вот как! А где муж? Вот этот самый, здоровый-то?

Тарас сделал шаг вперед и остановился, смущенный.

— Почему ты не хочешь приютить сироту? — спросил его пристав.

Тарас молчал.

— Ведь он тебя не объест, а нас от хлопот избавишь... Возьми, а?

Тарас энергично почесал затылок, пристально посмотрел на свои ноги, тряхнул головой и промолвил:

— Нехай!

Только всего и сказал он. Но от этого слова красивое смуглое лицо Акси́ньи озарилось счастливой улыбкой, а в ее черных глазах засветилась радость.

Пристав, звякнув шпорами, двинулся вон со двора. За ним последовал доктор и квартальный, велевшие городовому остаться караулить труп.

Выйдя на улицу, пристав отдал квартальному приказание немедленно прислать подводу и отправить мертвое тело в приемный покой, а сам зашагал с доктором вдоль обрыва.

II

Приемные родители

Хата Тараса битком набилась женщинами, пришедшими давать Акси́нье советы, как обращаться с младенцем, как и чем его кормить и как его укачивать. Одна из них обратила внимание на то, что у ребенка на шее не было крестика.

— Ай, родимые, да у него имени нет! — воскликнула она.

— А и вправду нет! — обеспокоилась Акси́нья. — Тарас, а Тарас! — окликнула она мужа, который уже успел снова приняться за работу.

— Что еще там? — слышался из мастерской голос столяра.

— Подь сюда, дело есть.

— Ах, чтоб вас!.. — проворчал Тарас и заглянул в другую половину хаты, где находилась

Аксинья, окруженная соседками.

— У младенчика имени нет... — сказала Аксинья, подняв глаза на мужа.

— Нет, так и нет! А я-то тут при чем?

— А ежели он не крещен?

— А не крещен, так не крещен. Я его крестить не могу: я не поп.

Равнодушный тон Тараса огорчил и разозлил Аксинью.

— Ты, Тарас, никак ополоумел... С этим шутить не смей!.. Ребенок должен имя иметь... А то ты не знаешь, как его зовут, а на прокормление взял...

— Не я взял, а пристав дал, — перебил Тарас жену. — А касательно крещения вот тебе что скажу: крестить сейчас не будем, а окрестим после успенской, потому теперь денег нет.

— А как же мы его звать-то будем?

— Рыжиком пока что зови его.

— Слыхали вы, люди добрые? — развела руками Аксинья, обращаясь к соседкам. — Рыжиком велит младенца звать.

— Такого имени и в святцах нет, — заискивающим голосом, улыбаясь во весь рот, заметила Ариша Брехуха.

Ариша два месяца была в ссоре с Аксиньей и не ходила к Зазулям. Сегодня же она воспользовалась удобным случаем и проскользнула вместе с другими в хату Тараса.

— Уж я там не знаю, есть ли али нет такое звание в святцах, а знаю я, что мне некогда бабы разговоры разговаривать, а потому просим вас, гости дорогие, навестить нас после ярмарки, — сказал Тарас и, низко поклонившись, ушел в другую комнату, где стоял его верстак.

Соседки поняли намек Тараса и одна за другой стали убираться подобра-поздорову.

— Самим жрать нечего, а туда же, в благодетели лезут: сирот на прокормление берут! — злобно проворчала Ариша, выйдя на улицу.

Зазули были действительно бедные люди. Случалось, что у них не было куска хлеба в доме. В такие дни Тарас старался как можно меньше бывать дома и уходил в кабак заливать горе. Аксинья выходила из себя и устраивала мужу бурные сцены. Но не всегда Зазули ссорились. Бывали дни, когда они жили дружно. Случалось это тогда, когда Тарас, получив за работу деньги, приносил их домой и отдавал жене. В такие дни Аксинья буквально перерождалась. Из сварливой, а подчас даже несносной бабы она превращалась в нежную и любящую жену.

Нередко Тарас, возвращаясь домой с деньгами и будучи совершенно трезвым, притворялся пьяным, чтобы подшутить над женой и доказать ей, как часто она его ругает незаслуженно. Вот как это он делал: надвинув на лоб шапку и сделав пьяные глаза, он медведем вваливался в хату и кричал: «Оксана!.. Я пьян!..»

А для пущей убедительности Тарас срывал с головы шапку и бросал ее на пол. Немедленно появлялась Аксинья. С одного взгляда жена догадывалась, что муж притворяется, но не показывала вида и, в свою очередь, принималась осыпать Тараса всяческими ругательствами.

Зазуля, спокойно выслушивая эту незаслуженную брань, от души радовался, что так удачно

обманул глупую бабу. А когда Акси́нья, окончательно войдя в свою роль, хватала кочергу, он поспешно вставал с места, вынимал из кармана деньги и сквозь раскатистый смех говорил жене:

— На гроши да не лайся!

Акси́нья принимала деньги и с притворным удивлением разводила руками.

— Разве ты не пьян? — спрашивала она, широко раскрыв большие черные глаза.

Этот вопрос всегда вызывал со стороны Тараса неудержимый громовой хохот.

Таких сцен между супругами давно уже не происходило, потому что дела Тараса шли неважно. В последнее время Зазули жили в долг. За один только лес, из которого Тарас готовил столы и табуреты, он должен был около десяти рублей. На Голодаевке это значило: «быть в долгу, как в шелку». Единственно, что еще поддерживало супругов, — это надежда на ярмарку. Акси́нья видела, как Тарас старается, как он работает, и не трогала его. Супруги жили надеждой и не падали духом.

Надежда эта не обманула их: ровно через месяц после описанного в первой главе события Тарас благополучно распродал на ярмарке свой товар, уплатил долги и явился домой не только с деньгами, но еще и трезвым.

— Ну, Оксана, кричи караул: все продал и полный карман денег принес, — весело сказал жене Тарас, вернувшись с ярмарки. — Теперь Рыжика окрестить можно.

Акси́нья от радости не знала даже, что сказать. Наконец-то ее мечта сбылась, и ребенок останется у нее.

— Совсем расторговался? — спросила Акси́нья.

— То есть, вот как расторговался!.. Стали купцы просить, чтобы я им шапку продал, люльку... А за кисет один сто рублей давал, на коленях стоял, а я ему: «Нет, купец-молодец, кисет непродажный, потому его моя законная жена сама делала».

— Полно врать! — остановила Тараса Акси́нья, видя, что тот шутит. — А ты лучше о крестинах подумай!

— И думать не о чем: пойду позову кума Ивана да куму Агафью, а вечером напьемся и будем песни играть, а Рыжика назовем Николкой...

— А зачем Николкой?

— А то как же?

— Александром надо.

— Ну ладно... Нехай Александр, — согласился Тарас и за все время в первый раз погладил головку приемыша.

Акси́нья с благодарностью взглянула на мужа.

— Наш мальчик? — тихо спросил Тарас и улыбнулся.

— Наш! — живо отвечала Акси́нья и тут же добавила: — Наш навсегда, и будет он у меня как родной...

Она наклонилась над корытом и тихо поцеловала ребенка.

Через шесть лет

Прошло шесть лет. За это время много перемен произошло на Голодаевке. Умер Прохор Гриб, овдовела Ариша Брехуха, выстроил первый двухэтажный каменный дом лавочник Аким Сергееenko, у Зазулей родились и росли две девочки, Катя да Вера, а приемыш превратился в здорового и коренастого мальчугана, которого уже знает не только Голодаевка, но и весь город, начиная с богача Сергееенки, у которого он недавно камнем разбил оконное стекло в лавке, и кончая последней бродячей собакой.

Санька-Рыжик, как его теперь называют, бегаёт по городу босиком. Головного убора он совсем не признаёт, и его рыжие, золотистые кудри свободно развеваются, когда он скачет по улице. Друзей-приятелей у Саньки хоть отбавляй. Мальчишки в нём души не чают: он их атаман, их предводитель. Зато взрослые его терпеть не могут и называют его «карой небесной». Рыжик, несмотря на свои шесть лет, успел уже всем порядочно насолить. Маленький, увертливый и ловкий, как обезьяна, он совершает с дружиной своей опустошительные набеги на сады и баштаны, уничтожая все, что попадает ему на пути. Поймать Саньку нелегко: он бегаёт, как олень, и хитер, как лисица. Если же случайно и удастся какому-нибудь садовладельцу поймать его и высечь крапивой, то от этого ему мало пользы: на другой день он недосчитается множества плодов.

Что бы в городе ни случилось, Санька тут как тут. Первым он является на пожар, на свадьбу, на похороны. Ни одна драка, ни один скандал не обходятся без того, чтобы Рыжик не присутствовал.

Зимой благодаря отсутствию сапог Санька редко показывался на улице, но зато летом он всем давал понять, что у столяра Тараса имеется приемыш, Санька-Рыжик. Если по улице проходил плачущий ребенок с разбитым носом, все уже заранее знали, что разбитый нос — дело Санькиных рук. Цыгане, проходившие с учеными обезьянами также хорошо знали Рыжика. Да оно и вполне понятно: разве мог этот сорванец пропустить обезьяну без того, чтобы не надеть на нее шапку или не довести ее до бешенства своими поддразниваниями? Короче говоря, Санька-Рыжик на седьмом году своей жизни был известнейшим человеком на Голодаевке. Известность эту он приобрел нелегко: не один раз ему приходилось покорно ложиться под аршин приемного отца, не один раз он с обрыва скатывался в речку и подвергал свою жизнь опасности, когда прыгал по крышам домов и колоколен, гоняясь за птицами.

Нельзя сказать, чтобы только что описанные способности Саньки особенно радовали Тараса. Почти ежедневно, выслушивая жалобы на проказы сына, Зазуля не жалел ни рук, ни аршина, но от этого мало было пользы.

Рыжик по-прежнему опустошал сады и огороды и по-прежнему разбивал сверстникам носы.

— Не миновать тебе виселицы! — не раз говаривал Тарас, наказывая приемыша. — И откуда ты, каторжник, взялся на мою голову! — спрашивал он, нанося приемному сыну удар за ударом.

Но тут обыкновенно в дело вмешивалась Аксинья, и у Тараса опускались руки.

Аксинья была совсем противоположного мнения о своем любимце. Безграмотная и забитая нуждой, она возлагала почему-то большие надежды на мальчика, которого продолжала

горячо любить, несмотря на то, что у нее появились собственные дети.

Когда Тарас в озлоблении кричал, что приемыш его не минует Сибири, Аксинья заступалась за честь сына и говорила:

— Неправда, мой Сашенька генералом будет.

— Когда на каторге поживет, — вставлял Тарас.

— Врешь, он лучше тебя будет...

— Нехай!.. — насмешливо и презрительно отмахивался Тарас и этим несказанно злил жену.

Одно время — это было весной — Рыжик совсем было притих. Ему тогда было шесть лет. Редко выходил он на улицу, редко дома сидел, а больше всего находился в старом, полуразвалившемся сарае, за стеной которого некогда умерла его мать. Что он там делал — никто не знал. Впрочем, никто этим и не интересовался. Даже мальчишки и те, поскучав несколько дней без Рыжика, постепенно стали его забывать.

— Вот ты все бранил Сашеньку, сказала однажды Аксинья мужу, — а посмотри, какой он тихий да послушный стал. Цельный день сиротка играет в сарае один-одинешенек.

— Погоди хвастать, — заметил Тарас, — еще надо взглянуть, что он такое в сарае делает.

В тот же день Тарасу зачем-то понадобилось в сарай, и он туда отправился, забыв совершенно о приемыше. Только он хотел переступить через перекладину, лежавшую у входа в сарай, как на него из темного дальнего угла сарая кто-то грозно и сердито заворчал. Тарас сейчас же догадался, что в сарае находится собака — судя по ворчанию, не маленькая. Зазуля стал вглядываться в угол, откуда раздавалось ворчанье, и увидел огромного черного пса с лохматой шерстью и толстым пушистым хвостом. Собака лежала на стружках. Большая черная голова ее с круглыми коричневыми глазами покоилась на толстых передних лапах. Задние лапы были обмотаны какими-то грязными сырыми тряпками. Когда Тарас вошел в сарай, из-за спины собаки медленно поднялась рыжая голова Саньки. Увидав Тараса, Рыжик обнял собаку, судорожно прижался к ней и, не спуская больших испуганных глаз с отца, проговорил со слезами в голосе:

— Это мой пес... Я не дам его... Это мой пес...

— Я тебе, сорванцу, покажу «Мойпес», — полушутя, полусерьезно сказал Тарас и сделал несколько шагов вперед.

Но не успел он дойти до Рыжика, как пес поднял морду, оцетинился, обнажил зубы и так зарычал, что Зазуля невольно отступил назад.

— Ах ты, негодная тварь! — закричал уже не на шутку рассердившийся Тарас. — Погоди же, я тебе покажу, как рычать! А ты, — обратился он к приемышу, — вон отсюда!

— Не пойду, — заплакал мальчик, — это мой пес... Его нельзя обижать... Он больной...

Тарас посмотрел на приемыша, бросил взгляд на крепкие зубы все еще ворчавшей собаки и решил оставить их на время в покое. Вернее всего, столяр струсил, потому что у собаки был вид довольно внушительный и воинственный.

— Говорил я тебе! — сказал Зазуля, войдя в хату.

— Что говорил? — откликнулась Аксинья, подняв на него глаза.

— А то, что твой сынок на каторге будет: оно по-моему и выйдет.

— Да говори толком, что еще там такое вышло?

— Пойди в сарай да посмотри!.. Увидишь, с каким он дядькой дружбу водит...

Аксинья вышла из хаты.

Через несколько минут она вернулась радостная, улыбающаяся. Оказалось, что Рыжик нашел собаку на Черной балке, куда сваливали мусор. Собака лежала на мусоре, зализывала задние лапы и жалобно визжала, точно просила о помощи. Рыжик подошел к больному псу и увидел у него на лапах кровь. Мальчику сделалось жаль собаки, и он ее стал гладить.

— Мой бедный песик! — приговаривал Рыжик, проводя рукой по черной лохматой шерсти раненого животного.

А когда он стал уходить, больная собака ползком последовала за ним. Вот тут-то у мальчика и зародилась мысль вылечить пса и сделать его своим.

— Видала? — злорадно спросил Аксинью Тарас, когда она вошла в хату.

— Видала. Ну так что ж?

— А Мойпес как тебя встретил?

— Какой Мойпес? — не поняла Аксинья.

— Да тот самый, что с нашим сынком обнявшись лежит. Сынок-то его называет «Мойпес»...

— Он и мне кричал: «Это мой пес... Мой пес...» Глупенький, он думал, что я пришла за собакой.

— Так ты, стало быть, довольна ими? — строго спросил Тарас.

— Кем?

— Рыжиком и этим... как его... Мойпесом?

— Довольна. А что?

— Ничего... Только хлеба для пса я покупать не стану. У нас и без него много ртов. А у него пасть, что твой колодец...

— Ладно... Собака больная... А у мальчика игрушек нет, пусть играет, только б он по улицам не бегал...

На этом разговор закончился. Тарас за делом и думать забыл о приеме и о его Мойпесе.

Прошел ровно месяц. В один майский день долго не показывавшийся Рыжик неожиданно появился на Голодаевке, к великой радости сверстников. Сидя верхом на черной громадной собаке, он промчался вдоль всей Береговой улицы, изумив не только ребятишек, но и взрослых.

— Санька Рыжик едет! Санька едет!.. — восторженно кричали ребятишки, увидав «атамана».

Спустя немного детвора, поднимая тучи пыли, гурьбой неслась по улице, догоняя Рыжика. Вскоре ребята со всех сторон окружили Саньку.

Гордый и самодовольный стоял Рыжик посередине толпы, а возле него с высунутым языком стоял толстомордый пес и добродушно поглядывал на собравшуюся мелюзгу.

— Это твоя собака?

— Где ты ее взял?

— Как ее зовут?

Вопросы эти сыпались с разных концов.

— Я ее нашел, она была больная... Я ее вылечил, — рассказывал Рыжик товарищам.

— Что у нее было?... Какая болезнь? — любопытствовали ребята.

— У нее ноги болели... Крови страсть сколько вышло!..

— А чем ты ее вылечил?

— Хлебом и тряпками, — самоуверенно ответил Рыжик. Хлебом я ее кормил, а тряпки прикладывал к ногам... Теперь она здорова...

— Молодец, Санька! — восхищались товарищи. — А как ее зовут?

— Мойпес, вот как я ее назвал...

— Вот так имечко!.. Мойпес, на!.. Мойпес, сюда!.. — послышалось со всех сторон.

Но Мойпес и не думал двигаться с места. Он только добродушно поглядывал на детвору и тихо помахивал пушистым хвостом.

— А что он умеет делать? — снова приступили ребятишки к Рыжику.

— Что он умеет делать? — переспросил владелец собаки и задумался, так как он сам не знал, что умеет делать его собака. Но вдруг он поднял голову и ответил: — Мойпес умеет кур гонять...

— А ну-ка, покажи!

— Сейчас.

Через минуту на Голодаевке поднялась небывалая суматоха. Огромный черный пес с громким лаем гонялся за курами, которые до этого мирно рылись в мусоре, что кучками лежал вдоль речного обрыва. С громким кудахтаньем, обезумев от страха, неслись бедные птицы, преследуемые черным псом. В воздухе закружились перья. Куры взлетали на заборы и на крыши домов. Рыжик, а вслед за ним многочисленная орава детей мчались позади собаки и оглушали воздух дикими криками.

— Тю, тю, тю!.. — кричал Рыжик, науськивая собаку на кур.

— Тю, тю, тю!.. — вторили ему мальчишки.

Наконец, окончательно забывшись, Санька вбежал во двор Ариши Брехухи и там стал действовать, натравливая пса. Аришины куры громко кудахтали и тяжело поднялись в воздух, взмахивая пестрыми крыльями. Большой петух, с пышным многоперым хвостом, взлетел на забор и так заорал, что даже Мойпес остановился и с удивлением поднял на него морду.

— Мойпес, куси его! — натравливали ребяташки собаку.

Но в это время из хаты выбежала с ухватом в руках Ариша, и армия Рыжика мгновенно рассеялась.

С этого раза Санька почти ежедневно выезжал верхом на своей собаке. Его сопровождала детвора. Взрослые, в особенности женщины, глядя на сорванца, самым серьезным образом предсказывали ему каторгу. Вообще о Рыжике обыватели Голодаевки были далеко не лестного мнения. Многие матери строго-настроено наказывали своим детям не играть с рыжим «чертенком» и не водить с ним дружбы.

— Он скверный, испорченный мальчишка, — говорили матери своим детям, — вы с ним не играйте...

IV

Дуня

Однажды, года через два, в ненастную осеннюю ночь, когда семья Тараса Зазули спала мирным сном, кто-то с улицы несколько раз постучался в ставень окна. Первым услышал стук сам Тарас, а когда спустя немного стук повторился, проснулась и Акси́нья.

— Тарас, слышишь? — шепотом спросила она.

— Слышу, — коротко ответил муж и нехотя стал слезать с печи.

— Кто там? — крикнул он, подойдя к окну.

— Это я... Дуня... — донесся с улицы детский голосок.

В хату вошла маленькая девочка, лет пяти, вся закутанная в большой дырявый платок, с которого стекали крупные капли дождя.

Девочка сделала несколько шагов вперед, остановилась посредине комнаты, закрыла руками лицо и навзрыд расплакалась.

В это время проснулся Санька. В одно мгновение мальчик наполовину свесился с печи и широко раскрытыми глазами стал следить за тем, что происходило внизу, в мастерской. Дуню он сейчас же узнал и по голосу и по фигурке, маленькой и тонкой. Не раз он вместе с нею бегал по улицам, собирал цветные черепки разбитых блюдец и тарелок и не раз доводил ее до слез, пугая лягушками.

«Зачем она пришла так поздно, в такую ночь, и как она не побоялась одна идти?» — спрашивал у самого себя Рыжик и, не находя ответа, с еще большим вниманием стал прислушиваться к тому, что делалось в мастерской. Дуня между тем не переставала плакать. Возле нее стояли Акси́нья и Тарас и с участием глядели на позднюю гостью.

— Ну, будет плакать, будет... — обратилась Акси́нья к девочке. — Ты лучше расскажи, что у вас случилось.

Она обняла девочку и несколько раз погладила ее по головке. Дуня немного успокоилась.

— Дяденька сказали... — начала она, с трудом выговаривая слова, — гроб делать... мама моя... померла.

— Померла?! — в один голос воскликнули Зазули.

Дуня снова разрыдалась. На этот раз никто ее не стал утешать.

«На то она и сирота, чтоб плакала», — подумала Аксинья и обратилась к мужу:

— Из чего ты гроб будешь делать?

— Из досок.

— А есть они у тебя?

— Есть-то есть, да они у меня для другого дела припрятаны. Ну, да уж ладно! — махнул Тарас рукой и, по обыкновению, почесал затылок.

Зазули отлично знали осиротевшую девочку, знали покойницу, мать ее, которая последнее время сильно прихварывала, а главное, они знали, что дядя девочки, родной брат покойницы, он же Андрей-воин, ничего за гроб не заплатит. Старик аккуратнейшим образом пропивал свою трехрублевую пенсию до последней копейки. Зазуля все это отлично знал и тем не менее, не задумываясь, решил сделать гроб. Суровый только на вид, Тарас, в сущности, был очень добрый человек и чем мог всегда помогал ближнему. Такова была и Аксинья. Она хорошо понимала, в каком ужасном положении очутилась девочка, лишившись матери. От безрукого дяди ничего путного нельзя было ожидать.

«Бедная, что ждет тебя впереди?..» — думала Аксинья, глядя на плачущую девочку.

Тарас между тем принялся за дело. На чердаке у него имелось несколько досок, спрятанных им для рам. Столяру жаль было расстаться с этими досками, но делать было нечего, и он отправился на чердак. Тем временем Аксинья успела Дуню успокоить и уложить спать.

Спустя немного в хате Зазулей снова все утихло. Один лишь Тарас, усердно работая, нарушал тишину.

Рыжику не спалось. В голове у него копошились разные мысли. Рядом с ним, на теплой широкой печи, свернувшись калачиком, спала Дуня.

«Бедная Дуняша! — шептал про себя Санька. — Она теперь сирота, мамы у нее нет... Вот сделает мой папа гроб, уложат Дунину маму туда, заколотят крышку гвоздями, чтоб не выскочила, и зароят... А в земле-то сыро, темно... Брр!» Мальчик вздрогнул: ему стало страшно.

— Дуня, а Дуня! — тихо окликнул он девочку.

Та проснулась и широко раскрыла глаза.

— Ты у нас будешь жить?

— Не...

— А где же ты будешь жить?

— Дома, с дяденькой...

— Без мамы-то?

— Она будет ко мне приходить и гостинцы носить.

— Как — будет приходить?.. — воскликнул Рыжик, не на шутку испугавшись. — Ты же

сказала, мама твоя померла...

— Померла, — подтвердила девочка и зевнула.

— А разве мертвые ходят?

— Ходят. Мне дяденька сказали.

— А ты не испугаешься?

На последний вопрос ответа не последовало.

— А ты не испугаешься? — снова повторил Рыжик, но ответа не получил: девочка уснула.

Рыжику совсем сделалось страшно. В его воображении вставал образ Дуниной матери, которая с того света приходит к дочери с гостинцами.

На другой день, чуть только стало светать, Санька уже был на ногах. В правом углу мастерской стоял готовый некрашенный гроб. В хате пахло смолой. Когда совсем рассвело, за гробом явился Андрей-воин.

— А Дуня у нас! — радостно встретил Рыжик безрукого.

— Знаю, голубчик, знаю... Желаю твоему отцу и матери доброго здоровья и многие лета, — сказал Андрей-воин и единственной рукой своей провел по влажным глазам.

В старой, изношенной солдатской шинели, с пустым, болтающимся рукавом на одной стороне и в дырявых опорках на босу ногу, старый солдат имел печальный вид. Всегда под хмельком, всегда жизнерадостный и довольный своею судьбой, Андрей-воин выглядел теперь жалким, дряхлым калекой. Рыжик, глядя на «воина», который не один раз учил его маршировать и который своими прибаутками неоднократно заставлял уличную детвору покатываться со смеху, не узнавал веселого «дядьку». Давно небритый подбородок, морщинистое маленькое личико с седыми бачками и круглые глаза с красными воспаленными веками свидетельствовали о большом горе старого «воина».

Аксинья, увидав безрукого, принялась расспрашивать его о покойнице и о том, что она говорила перед смертью.

Андрей как мог сквозь слезы отвечал на ее вопросы.

— Вот ты, старик, брось теперь пить. Сестру не жалел, пожалей ее девочку... — говорила Аксинья.

— Разве я сестру не жалел?.. Я завсегда помнил, что она бедная вдова. Да помочь-то чем я мог, коли сам-то с голоду умираю?.. Пенсии три рубля получаю... Невелики деньги...

Старый солдат заморгал глазами, поблагодарил за что-то Аксинью и при помощи Тараса унес гроб.

Все утро Рыжик не отходил от Аксиньи, надоедая ей всякими расспросами:

— Мама, отчего люди умирают?

— Оттого, что время приходит.

Ответ не удовлетворил мальчугана, и он задал другой:

— А почему, мама, людей в землю прячут?

— Уж так велит закон.

— И богатых в землю кладут?

— Перед смертью, деточка, все равны.

— И Сергеенко когда помрет, его в землю положат?

— И его положат.

— А ежели он много-много денег даст... тогда что?

— Глупенький ты мальчик!.. От смерти деньгами не откупишься.

— Тогда зачем же люди богатыми быть хотят?

На последний вопрос ответа не последовало: за печкой раздался крик маленькой Кати, и мать поспешила туда. Рыжик остался один со своими думами и старшей сестричкой Верой, пухлой трехлетней девочкой. Вера сидела под верстаком и играла деревянными кубиками отцовского изделия. На дворе лил дождь. Слышно было, как он барабанил по крыше. Рыжик крепко задумался. Главным образом думал он о Дуне, которая заснула только перед рассветом и теперь еще спала сладким сном, разметавшись на широкой печи.

«Как она теперь без мамы жить будет?» — спрашивал себя мальчик, и чувство глубокой жалости овладело его сердцем. «Кто за нее заступится? Где она жить будет?» — продолжал думать Рыжик. И вдруг его осенила мысль: «Ежели так, то я за нее буду заступаться», — решительно заявил он самому себе и влез на печь. Он хотел о своем решении сейчас же заявить Дуне, как только она проснется. А чтобы она скорей проснулась, он стал дергать ее за ноги. Это средство подействовало, и девочка проснулась. Она с испугом осматривала потолок, стены, не понимая, где она и что с ней. Наконец ее взгляд упал на Саньку, и она улыбнулась.

— Ты больше не хочешь спать? — спросил ее Рыжик, не зная, как начать разговор.

Дуня молчала и усиленно терла глаза кулачками.

— Слушай, я теперь за тебя заступаться буду... Хочешь?

Дуня вместо ответа утвердительно кивнула головой.

— Ну вот, умница ты, — обрадовался Санька и с жаром продолжал: — Ты, Дуняша, не бойся теперь: я в обиду тебя не дам! Ежели тебя мальчишки будут обижать, скажи мне: я живо с ними расправлюсь. Как напущу на них Мойпеса!.. Пугать тебя лягушками я не стану; а ежели ты кушать захочешь, я тебе хлеба дам и сахару дам... А как придет лето, я наворую много яблок и вишен и тебе принесу... Хочешь?

— Хочу, — пробормотала девочка.

Она еще не совсем пришла в себя и плохо понимала, о чем говорил Рыжик.

— А то еще я так сделаю... — продолжал мечтать вслух Санька, — украду у дядьки Петра сеть, да наловлю рыбы, да принесу тебе... Ты рыбу сжаришь, и мы ее будем есть. Хорошо?

— Хорошо!.. — улыбнулась Дуня.

Рыжик блаженствовал. Он уже воображал себя мужчиной, героем, которому предстояло спасти девочку. Одно, что смущало мальчугана, — это наступающая зима. Он вспомнил, как долго она в прошлом году тянулась, и ему сделалось грустно. Когда Дуня ушла домой

«хоронить маму», как она сама выразилась, Рыжик забрался на печь и начал мечтать. В его пылком воображении с удивительной ясностью вставали сады и окрестности родного города. С замиранием сердца прислушивался он к воображаемому шепоту листвы, к тихому, ласковому рокоту ручья и к звонким песням жаворонка. То ему казалось, что он стоит на берегу речки и видит свое отражение на ее светлой, чистой поверхности; то он видел себя в чужом саду... Там тишина. Сад тихо дремлет, обогретый солнцем. Он сидит на толстой ветке старой яблони и, замирая от страха, срывает яблоки и торопливо прячет их за пазуху.

Но вот грезы мальчика оборвались. Тарас вернулся с похорон; его голос вернул Рыжика из фантастического мира, и он снова увидал себя на печи.

— Мама, а мама, сколько месяцев тянется зима? — спросил он, свесив голову.

— Полгода, миленький, тянется, а сколько месяцев, не знаю, — ответила Акулиня, занятая ребятами.

Рыжик, вздохнув, умолк и задумался. А дождь все лил и лил без конца.

V

Андрей-воин и его племянница

После долгой холодной зимы наступили наконец и теплые дни. Все встрепенулось и ожило. Ожил и Рыжик. словно птичка из клетки, выпорхнул он из хаты и очутился на улице, где его обдало таким светом, что он невольно зажмурился.

— И-их, как хорошо!.. — восторженно воскликнул мальчик и подошел к краю речного обрыва.

Еще кое-где вдоль обрыва виднелись клочки потемневшего снега, а уж по краям, точно бархатные ленты, зеленела молодая, сочная травка. Рыжик осмотрелся. Все было залито теплым солнечным светом. Задорно чирикали воробьи; клокоча и журча, мчались вешние воды, и впервые заужжали насекомые.

Санька поднял голову. Высоко в прозрачном голубом воздухе кружился ястреб, а еще выше, под самым куполом бирюзового неба, тихо плыли светло-серые тучки. Стоя на краю обрыва, мальчик долго не мог оторвать восхищенного взора от взволнованной поверхности реки. Еще недавно, всего несколько дней тому назад, он видел речку, скованную льдом, засыпанную снегом, неподвижную, мертвую, а теперь... Сколько жизни, сколько прелести в ее седых струях!.. С высоты обрыва Рыжику хорошо был виден и противоположный берег реки. Там женщины полоскали белье, а немного поодаль несколько мальчишек ударили рыбу. Не вытерпел Санька: высоко закатал штанишки, сбегал вниз и вошел в реку. Но холодная вода, будто крапива, ожгла ему ноги, и он бросился обратно.

— А где моя собака? Где Мойпес? — вспомнил про своего четвероногого приятеля Рыжик и отправился домой.

Но не успел он перейти улицу, как из двора Зазули выбежала собака и бросилась навстречу хозяину.

— Ах ты, мой голубчик Мойпеска!.. — радостно приветствовал Рыжик собаку.

Черный лохматый пес отвечал на ласку лаской. Он умильно помахивал пушистым хвостом и старался лизнуть мальчика в лицо. Зимой друзья редко видались. Мойпес жил в сарае, а в

хату Тарас его не впускал.

— Ну, давай гулять, — сказал Санька Мойпесу, и они вдвоем побежали по улице.

При свете яркого солнца Голодаевка очень понравилась Рыжику. С любовью оглядывал он все, что попадалось ему на глаза. Вот она, родная улица, с ее вечной грязью, с хилыми домишками, с ее бедными обывателями, с ее свиньями, курами и собаками. Саньке здесь все знакомо. Вон белеет хата его крестной, Агафьи. Маленькие оконца раскрыты, и видно, как там внутри на деревянном катке сидит, поджав по-турецки ноги, Агафьин муж и шьет. Он бледный и вечно больной. На улице возле дома копошатся дети Агафьи, мальчики и девочки, все светло-русые, все светлоглазые.

Рыжик, сопровождаемый Мойпесом, подошел к своим крестным братьям и сестрам.

— Санька пришел, Санька! — обрадовались ребятишки.

— Санька, сделай нам сабли! — приступили к нему мальчишки.

— А нам сделай мебель! — кричали девочки.

— Погодите, все сделаю... Сейчас некогда, — сказал Санька и побежал дальше.

Он добежал до дома крестного и снова остановился. «Войти аль нет?» — мысленно спросил себя Рыжик и тут же решил, что не стоит, потому что у Ивана Чумаченко детей не было, а жена его, длинная, сухопарая Катерина, была далеко не любезный человек.

— Едем дальше! — сказал Санька, обращаясь к собаке, и вторично пустился в путь.

Через несколько минут он уже был далеко и от реки и от Береговой улицы. Бега по городу, он собирал свою рать, с которой давно не видался. В какой-нибудь час Санька успел обежать весь город, измерить босыми ногами глубину всех луж и мимоходом натравить Мойпеса на кур и на кошек. Мальчишки, бега за своим предводителем, покатывались со смеху и приходили в восторг от громадного и умного Мойпеса. Спустя немного на улице не было ни одной курицы, ни одной кошки, ни одного поросенка: Санька всех разогнал, всех встревожил.

Этим первым своим подвигом Рыжик как бы давал знать обывателям, что он жив и что им еще немало придется претерпеть от него.

— Ну, братцы, теперь пойдемте у лошадей хвосты драть! — скомандовал Санька, когда от кур помина не осталось. — Нарвем волос и будем лески делать. Только смотрите, рвать хвосты у белых коней: черной лески рыба боится...

Он хотел еще что-то сказать, но вдруг вспомнил о Дуне и мгновенно умолк и притих.

— Я с вами не пойду, — после некоторого молчания заговорил Рыжик, — вы сами нарвите волос, а уж лески я потом сплету вам...

— А ты куда же пойдешь?

— Мне надо к Андрею-воину... Там Дуняшка... Она сирота... Мама у нее померла... Я ей сказал, что обижать ее (Рыжик нахмурился и возвысил голос) я никому не позволю... Сироту обижать нельзя, ее мама с неба все видит...

С этими словами Санька, а за ним и Мойпес убежали, оставив товарищей в большом недоумении.

Полуразвалившаяся хатенка безрукого солдата, как большой сгнивший гриб, торчала на

конце Береговой улицы, окруженная со всех сторон невылазной грязью. Хата эта, доставшаяся Андрею-воину от отца, хотя и была его собственностью, но тем не менее среди голодаевцев не было человека беднее старого солдата. Чем существовал этот горе-домовладелец — трудно сказать. Известно было только, что извне и внутри его дома не было ни одной мало-мальски ценной вещи. Даже то, что осталось после сестры, было стариком продано и пропито. Постель — и та была снесена в кабак, и дядя с племянницей валялись на голой холодной печи. Бывало, с утра до глубокой ночи ждет Дуня, когда придет старик и принесет ей чего-нибудь поесть, а дяди нет как нет. Голод вызывает у Дуни мучительные страдания; она несколько раз принимается плакать, утихает, снова плачет, а кругом ни души.

К вечеру становится темней. Густой мрак окутывает девочку.

Ей холодно, голодно и страшно.

— Мама, мамочка!.. — жалобно всхлипывает Дуня. Но, испугавшись собственного голоса, быстро утихает.

Она одна... Кругом ни души, ни звука. Только ветер уныло поет свою нескончаемую песню и время от времени, точно разозлившись, хлопает наружными дверьми полуразвалившейся избышки.

Впрочем, не всегда Дуня одна: бывают дни, когда Андрей-воин шагу из дома не делает. Тогда Дуне еще хуже приходится: добрый и мягкосердечный в трезвые минуты, Андрей-воин, напившись, становится зверем. Не понимая сам, что делает, старик заставлял Дуню выделывать всевозможные артикулы. Девочка должна на все вопросы отвечать бойко, кратко и ясно.

— Артикул!.. — крикнет Андрей-воин, и Дуня, зная уже, что это значит, со всех ног кидалась за печку, откуда в ту же минуту возвращалась с большой палкой в руке.

— Смирно!.. — раздавалась хриплая команда пьяного инвалида. — Глаза направо!.. Во фронт!..

И девочка, замирая от страха, поворачивалась во все стороны, согласно команде.

Вот в такую-то именно минуту, когда Андрей-воин был дома и муштровал племянницу, явился Рыжик. Мальчик еще из окна увидел, что делается в хате старика, и решил избавить Дуню от мучений. Из всех уличных мальчишек он один только не боялся Андрея, из-под единственной руки которого он умел во всякое время увернуться.

Завидя Рыжика, отставной солдат поднялся с лавки, приосанился и крикнул:

— Артикул!

— Здравия желаю, дяденька! — крикнул, в свою очередь, Санька, зная, что Андрей любит подобного рода приветствия.

— Дурак!.. Я не дяденька, а отставной ефрейтор сто пятьдесят первого Брест-Литовского пехотного полка и георгиевский кавалер! — выпалил безрукий и сделал несколько шагов к Рыжику. — Артикул! — крикнул он снова.

Санька немедленно опустил руки по швам и выпятил вперед грудь. В хате на мгновение сделалось тихо. Слышно было, как тяжело дышал растянувшийся на полу Мойпес.

Андрей-воин молча и серьезно оглядывал фигурку мальчика, его позу и, оставшись, по-видимому, доволен выправкой, с достоинством истинного командира проговорил:

— Молодец, спасибо!..

— Рад стараться, ваше благомордие!.. — скороговоркой ответил на похвалу Рыжик и тут же добавил: — Меня папа за вами, дяденька, послали... Они с крестным в питейном сидят.

Не успел еще мальчик кончить, как Андрей-воин, не говоря ни слова, схватил картуз и выбежал вон.

Дети остались одни.

Как ни был мал Рыжик, но он уже отлично понимал, что такое нужда и бедность. Оглядывая хилую, тощую фигурку Дуни, мальчик почувствовал к девочке жалость, и ему захотелось чем-нибудь ее обрадовать, заставить ее улыбнуться, развеселиться, но, к сожалению, у него ничего не было: ни игрушек, ни лакомств. Он сам только сегодня впервые вырвался на свободу.

— Пойдешь к нам? — после некоторого молчания обратился Рыжик к Дуне.

Та молчала, низко опустив голову.

— Пойдешь? — повторил Санька, но, не получив ответа, принялся уговаривать: — Пойдем!.. У нас тебе хорошо будет... У мамы теперь много работы есть... Ты помогать будешь... Идем, а?..

Дуня наконец подняла на него синие грустные глаза и, к величайшему удовольствию Рыжика, улыбнулась.

— А ты меня в воду не бросишь? — вдруг спросила Дуня.

— За что я тебя брошу?.. Разве можно тебя в воду бросать, глупенькая? Ведь ты сирота... Тебя обижать нельзя...

— А почему меня дядя обижает? — тихо спросила Дуня.

— Дядя почему обижает?.. — переспросил Санька и задумался, не зная, что сказать и чем утешить свою подругу.

В это время промелькнула мимо окон серая шинель Андрея-воина. Дуня от страха съежилась в комочек.

— Дяденька идут... — прошептала она, невольно прячась за спину Рыжика.

В сенях послышались тяжелые шаги, а вслед за тем в дверях хаты показался Андрей-воин. Он был страшно разозлен.

Небритый острый подбородок его вздрагивал, серые бачки тряслись. В руке он держал толстую суковатую палку.

— Я вам, чертенятам, сейчас покажу, как обманывать меня! — крикнул старик и стукнул палкой об пол. — А с тебя, — продолжал он, обращаясь к Дуне, — всю шкуру сдеру...

Старик еще раз стукнул палкой и с яростью бросился к детям. Но не успел он переступить порог, как на него вдруг заворчал Мойпес, который до того мирно лежал на полу в своей любимой позе.

— Ну, ну... Ты посмей только! — упавшим голосом сказал собаке старик и слегка пригрозил ей палкой.

Но едва только он это сделал, как Мойпес поднялся на ноги, оцетинился и так зарычал, что старый солдат невольно попятился назад.

— Ах ты, окаянный пес, чтобы тебе сдохнуть! — пробормотал растерявшийся «воин».

Рыжик залился смехом.

— Вот так собака у меня... Ай да Мойпес!.. — восхищался поведением пса Санька.

— Послушай, ты, рыжий чертенок, убери свою подлую собаку, а не то рассержусь... — проговорил старик, размахивая палкой.

— Сердись, дяденька, сердись! — сквозь смех сказал Рыжик и обернулся к Дуне: — Пойдем, Дуня... сюда, в окно...

— Я боюсь... — прошептала девочка.

— Не бойся, Мойпес его не допустит... Пойдем, я своей маме расскажу: она тебя у нас жить оставит.

Санька почти насильно втащил Дуню на лавку, а потом выскочил из окна и то же самое помог сделать девочке.

— Дунька, назад! — крикнул Андрей-воин.

Но дети его не слушались. Оба они без оглядки пустились бежать. Через минуту их настиг и Мойпес.

Аксинья в это время белила хату. До пасхи оставалось несколько дней, и у Аксиньи работы было по горло. Не менее усердно трудился и Тарас: он заготавливал товар на Проводскую ярмарку.

— Мама, я Дуньку привел, — сказал Рыжик, подойдя к матери.

— Зачем?

— Дядя пьян напился... Бьет ее... Она плачет...

— Ох, горе горькое! — вздохнула Аксинья, продолжая делать свое дело.

— Мама, Дуне можно у нас жить?

Аксинья сделала вид, будто не слышит.

— Мама, можно? — повторил Рыжик.

— Ах ты, глупенький ты мальчик! Ежели бы мы были богаты, то не одну, а двадцать Дунек взяли бы на прокорм, а то сам знаешь, какие мы богачи: сидим без хлеба на печи... Ну, да пусть до праздника поживет, — закончила Аксинья и снова вздохнула.

— Ну вот, слышишь? — нагнулся Рыжик к Дуне. — Можешь жить у нас. А дядя к нам не придет, ежели у нас Мойпес есть...

На бледном лице Дуни появилась улыбка.

Для Рыжика весна промчалась, как сон. Одно радостное впечатление сменялось другим. Каждый день приносил мальчугану новые восторги, новые забавы. Все эти радости Санька делил с Дуней.

Не успел мальчик оглянуться, как прошла пасха, а вскоре за нею открылась и Проводская ярмарка. На этот раз Зазули особенно хорошо приготовились: Тарас, помимо столов и табуретов, заготовил четыре стана колес. Колеса приобрел он по случаю в компании с кумом Иваном Чумаченко. Аксиныя подкормила к ярмарке двух поросят и надеялась их выгодно продать. Даже Рыжик и тот имел свой товар: Тарас наделал ему несколько деревянных ружей и сабель.

В первый день, когда был поднят флаг, Санька отправился на ярмарку вместе с приемными родителями.

Зазули еще накануне выбрали на базарной площади место, свезли столы и табуреты, отслужили дома молебен, а потом при благосклонном участии компаньона и кума Ивана Чумаченко распили штоф водки.

Сегодня вся эта компания направлялась к ярмарочной площади в следующем порядке. Впереди шел сапожник Иван и обеими руками подталкивал два стана колес, которые были нанизаны на длинный кол. Рядом с ним шла жена его Катерина. Высокая и худая, как жердь, она вся была обвешана конской сбруей. На тонкой и длинной шее Катерины висел огромный размеров хомут, совершенно покрывавший ее узкие плечи и плоскую, впалую грудь. На руках у нее висели шлеи, подпруги, недоуздки и кожаные вожжи. Сбрую эту Иван еще осенью приобрел за два рубля, потому что она вся была изорвана и испорчена. Великим постом Чумаченко сбрую починил и теперь надеялся ее выгодно продать.

Позади супругов Чумаченко шествовали Зазули. Тарас, как и кум его, катил два стана колес, а шедшая рядом Аксиныя вела на веревке двух откормленных поросят. Потом уже шел Рыжик. Босой, в серой рубашонке и помятом картузе, из-под которого капризно выбивались почти красные кольца густых кудрей, Санька имел преуморительный вид. За плечами, точно вязанка дров, болтался его «товар». Всегда резвый и всегда готовый на какую угодно шалость, Рыжик на этот раз напустил на себя необыкновенную серьезность, будто он шел за невесту каким нужным делом. Впрочем, для Рыжика все это было очень важно, так как Тарас еще накануне сказал ему, что половина из того, что он выручит за игрушки, поступит в полное его распоряжение.

Шел на ярмарку и Мойпес.

Он меланхолично плелся позади Рыжика и раздувал ноздрями мелкую серую пыль, мягким и толстым слоем покрывавшую дорогу.

Было еще очень рано. Солнце только что взошло. В воздухе пахло дегтем и сухим прошлогодним сеном. Несмотря на ранний час, весь город был уже на ногах: по улицам ползли и скрипели телеги, повсюду слышалось конское ржанье и громкие окрики по адресу волов:

— Гей, гей!.. Цоб, цобэ!..

До ярмарки оставалось уже немного. Она находилась на окраине города, на так называемом Конском базаре. Компания стала подходить к площади. Тут Санька не выдержал. Ему захотелось первым попасть на ярмарку, и он бросился вперед, к великой радости Мойпеса,

которому надоело это медленное и торжественное шествие.

— Куда, каторжник, удираешь?.. Подожди, говорю тебе!.. — крикнул вслед мальчику Тарас, но того и след простыл.

Через несколько минут Санька стоял на вершине небольшого холмика и, тяжело дыша после быстрого бега, глаз не спускал с чудной картины, представшей перед его взором. Он как на ладони увидал всю ярмарку.

Обширная площадь была битком набита людьми, телегами с поднятыми оглоблями, разношерстными лошадьми, коровами и палатками. Свист, гам, смех и говор толпы, ржанье лошадей, звуки гармоники и вой дудки, доносившиеся с площади, сливались в один общий многозвучный гул.

— Гайда! — крикнул Рыжик Мойпесу и стремглав бросился вниз, к площади, где он вскоре затерялся в толпе, как иголка в стоге сена.

Быстро промчался день. Санька столько воспринял впечатлений, что у него в конце концов в глазах зарябило и голова закружилась. К вечеру он совсем устал. Толпа, шум и движение ему наскучили. Зазули и Чумаченки продали свой товар и отправились в трактир делить выручку. Санька и Мойпес остались одни. Рыжик не продал ни одной сабли, ни одного ружья и остался ждать покупателей. С уходом родителей ему сделалось совсем скучно, и он уже пожалел, зачем не послушался матери и не пошел вместе с ними. А покупателей не было. Подходили к нему голодаевские ребяташки, брали в руки деревянное оружие и, за неимением денег, отходили прочь.

Близился вечер. Народу на ярмарке становилось меньше. Рыжик готов уже был заплакать от досады, что за весь день не мог продать ни одной вещи, как вдруг явились настоящие покупатели. Их было трое: два мальчика, одетые в синие суконные курточки и в полусапожки на пуговицах, и высокая, стройная женщина в трауре.

— Продаешь ружья? — тоненьким голоском спросил у Рыжика один из мальчиков, остановившись перед ним.

— Сережа, зачем тебе это?.. Пойдем домой, уже пора... — устало проговорила женщина.

— Ах, нет, мама, нам это нужно! — живо подхватил другой мальчик.

— Володя, ведь ты старше... Ну для чего вам эти палки?

— Это, мама, не палки, это оружие, — заговорили вместе Сережа и Володя.

Рыжик молчал и во все глаза смотрел на паньчей. Он знал их. Это были сыновья покойного директора гимназии, а с ними их мать, вдова. Санька даже знал, где они живут. Их дом находился в Предречной улице, недалеко от Голодаевки. Это был самый красивый в той местности дом, со стеклянной верандой и с большим фруктовым садом. В сад этот Рыжик проникал через забор. Там росли яблоки, груши, вишни и сливы. Санька всегда думал, что богаче директора нет людей на свете. В прошлом году, когда он умер, не счесть сколько народу шло за гробом...

— Продаешь? — вторично спросил Сережа.

Санька сдернул с головы картуз, поклонился и жалобным голосом пробормотал:

— Купите, панычи!.. Цельный день стою... Хоть бы одна собака подошла...

— Вот же собака подошла... — шутя заметил Володя, указывая на Мойпеса, который лежал у ног Рыжика, уткнув черную морду в передние лапы.

Рыжик посмотрел на собаку, потом перевел глаза на Володю и засмеялся.

— Сколько тебе лет? — обратилась к нему мать панычей.

— А я не знаю... Может, восемь, а может, и десять... Купите...

Услыхав ответ Рыжика, Сережа и Володя рассмеялись. Улыбнулась и их мать.

— Чей ты?

— Я сын столяра Тараса, — ответил Рыжик.

— Это отец тебе ружья сделал?

— Он.

— Почему продаешь?

— Ни почему.

— Как — ни почему?

— Да никто не покупает.

Санька при этом развел руками и потрянул красными кудрями. Снова все рассмеялись. Рыжик показался панычам очень смешным и забавным.

— Сколько же ты думал выручить за свой товар? — продолжала расспрашивать вдова.

— Полтинник, — не задумываясь, ответил Рыжик.

— А что бы ты сделал с полтинником?

— Я бы четвертак отдал родителю...

— Кому?

— Родителю, — повторил Рыжик. — А потом я бы купил себе сапоги и еще крючков для удочки... Потом бы я Дуньке купил гостинца...

— Это все на один четвертак-то? — улыбнулась мать панычей.

Она еще хотела поговорить с забавным мальчиком, но вокруг них стала собираться толпа.

— Ну, пойдемте, дети, уже не рано, — обратилась она к сыновьям.

— А как же оружие-то?

— А я снесу, — живо подхватил Рыжик, — я знаю, где вы живете.

С этими словами он поднял с земли свой «товар» и направился за покупателями. По дороге мать панычей стала расспрашивать Саньку про его житье-бытье.

Бойкий и смывленный мальчуган на все вопросы отвечал толково и подробно. Он рассказал,

между прочим, как он нашел Мойпеса и как он выкормил и приучил к себе бездомную собаку. Панычам эта история очень понравилась. Они часто оглядывались на пса и восхищались его ростом. Потом Рыжик рассказал про Дуню. Наивный, бесхитростный рассказ мальчугана тронул женщину. А Володя с Сережей — те просто были возмущены поведением старого Андрея-воина.

— Разве можно бедную сиротку так мучить?.. Его в полицию за это! — воскликнул Сережа, взволнованный рассказом Саньки.

— Он полиции не боится: он с турками воевал, — поспешил заявить Рыжик. — Он вот кого боится, — указал он на собаку и тут же подробно рассказал, каким образом он спас Дуню от побоев и как его защитил Мойпес.

Володя и Сережа от этого рассказа пришли в восторг. На Рыжика и на его собаку они начали смотреть с уважением.

— Ты к нам приходи каждый день! — шепнул Рыжику Сережа. — Мы будем как товарищи... Можно, Володя? — обернулся он к брату.

— Отчего же, можно... — великодушно разрешил старший брат.

Совсем стемнело, когда Санька вернулся домой. Первый день ярмарки закончился для него так хорошо, как он сам не ожидал. Веселый и довольный, вбежал он в хату, желая рассказать, что с ним случилось и с кем он познакомился, но, к сожалению, родителей не оказалось дома: они все еще где-то с кумовьями делили выручку. В хате были одни только дети. Дуня сидела на лавке и, как автомат, раскачивала колыбель, в которой спала Катя. Рядом с нею сидела Верочка, заплаканная, с красными от слез глазами.

— Мама дома? — воскликнул Рыжик, как только переступил порог дома.

— Мамы нету, — тихим, жалобным тоном ответила Вера и готова была заплакать, но Санька не дал.

— Глядите, что у меня есть!.. — воскликнул он и подошел к окну, чтобы быть ближе к свету.

Дуня, взглянув на Рыжика, ахнула от удивления: на нем были сапоги — и сапоги не какие-нибудь, а с глянцем и с голенищами! Даже Верочка и та захлопала в ладоши, забыв про свое горе.

— Видали? — широко улыбаясь, спросил Рыжик и несколько раз повернулся на каблуках.

Мальчик положительно захлебывался от восторга. В первый раз за всю жизнь его ноги были обуты в сапоги.

Не привыкший к подобной роскоши, Санька не совсем-то ловко чувствовал себя в сапогах; ему даже было немного больно, но он на эти пустяки не обращал внимания.

— А вот такую штуку видали вы? — спросил Рыжик и вытащил из-за пазухи круглую матросскую шапочку с черной лентой, на которой вылинявшими золотыми буквами было написано: «Владимир».

Санька надел шапочку, руками подпер бока и фертom прошелся по комнате, стуча каблуками. Вид у него был прекомичный. Шапочка и сапоги нисколько не гармонировали с серой рубахой и полотняными штанишками, изорванными и запачканными. Но, по мнению Дуни и Верочки, Санька был великолепен.

— Ты теперь как паныч! — сказала Дуня, не спуская глаз со своего покровителя. — Кто тебе

это дал?

Санька, торопясь, глотая слова, стал рассказывать девочкам, как он провел время на ярмарке, как потом старшие оставили его одного, как ему стало скучно, и, наконец, как подошла к нему барыня с паньчами.

— Одного зовут Сережа, — торопливо рассказывал Рыжик, — а другого — Володя!.. Володя старше... А какой у них дом!.. Комнат много-много! И зеркала и картины — войти страшно... Барыня добрая, а с паньчами я уже товарищ... Завтра в войну играть будем. Они купили у меня ружья и сабли... И деньги дали. Вот они... (Рыжик показал деньги.) Володя мне подарил шапочку и сапоги. Теперь я босиком никогда ходить не буду... Завтра и ты пойдешь со мной... — закончил Рыжик, обращаясь к Дуне.

— А я? — уставилась на него Верочка и уже заранее надула губы.

— И ты пойдешь... А где мама?

— Не знаю... Мы есть хотим! — сказала Дуня и умолкла.

— А я сейчас пойду и булку куплю. Хорошо? — проговорил Санька и, не дожидаясь ответа, выбежал вон.

...Сумерки сгущались. Наступал теплый весенний вечер.

На другой день, только что в доме проснулись, Рыжик уже собрался было идти в гости к своим новым знакомым, но его не пустила Аксинья.

— Куда ты в такую рань пойдешь? Там еще спят, наверно, — сказала она ему.

Мальчик нехотя покорился. Он сгорал от нетерпения, и время для него тянулось невыносимо долго. Но вот наконец настал желанный час, и Санька, в сопровождении Дуни и Верочки, отправился «в гости к паньчам».

Мальчики встретили Рыжика и его спутниц с радостью. Сережа сообщил гостям, что дома, кроме бабушки, никого нет и что поэтому они смело могут войти в дом.

— У нас бабушка добрая: кто хочет, пусть придет — она слова не скажет. А вот фрейлен Берта — та страшно злая, — говорил без умолку Сережа, обращаясь то к Рыжику, то к Дуне. — Все читать да читать заставляет, — продолжал Сережа, — а играть не позволяет. Я не люблю фрейлен: она злая...

— Ну, будет, замолол уж! — перебил его Володя и пригласил гостей пожаловать за ним в детскую.

Рыжик первый поднялся на ступени широкого крыльца. На Саньке были Володины сапоги и шапочка. Желая показать Дуне и сестре, что он здесь уже свой человек, Санька напустил на себя храбрости и смело поднялся на площадку, где остановился перед дверьми в ожидании, когда взберутся девочки. Но вся эта развязность была напускная, потому что Рыжик трусил порядком. О девочках и говорить нечего! Володе и Сереже немало труда стоило уговорить их войти в дом.

Комнаты, куда наконец попали «гости», совершенно их ошеломили. Даже Рыжик и тот растерялся. Вчера он дальше столовой не был, а сегодня они проходили через гостиную. Верочка, войдя в эту просторную и хорошо обставленную комнату, расширила от удивления глаза и даже немного попятилась назад, когда увидела себя в громадном, до потолка, зеркале. Дуня также струсила. Ей страшно было ступить босыми ногами на ковер, пестрый и мягкий.

— Идемте! Чего стали? — шепнул девочкам Рыжик.

— Сюда, сюда идите! — весело командовал Сережа.

В детской «гости» вздохнули свободней. Здесь не было ни ковров, ни цветов, ни бронзовых ламп, ни мягкой, дорогой мебели. Но зато игрушек здесь было столько, что у Рыжика и у его босоногих спутниц глаза разбежались.

Девочки прежде всего увидели две большие нарядные куклы. Одна из кукол, брюнетка с светло-голубыми глазами, сидела на полу в бальном платье, отделанном кружевами; другая, блондинка с черными глазами, сидела на окне против дверей и была одета в роскошное бархатное платье цвета спелой малины.

Дуня, увидав куклы, остановилась и замерла на месте. То же самое случилось и с Верочкой. Сначала они подумали, что это живые девочки сидят — до того куклы были велики и хорошо сделаны.

— Это чьи куклы? — спросила Верочка, вынув изо рта палец, который она все время сосала, словно конфету.

— Куклы не наши, мы с ними не играем... — быстро заговорил Сережа. У него была привычка говорить скоро. — Это Надины игрушки. Она в деревню уехала. Мама и фрейлен Берта привезут ее завтра... Она гостит у тети Паулины...

Девочки не слушали и не понимали его: они впились глазами в куклы и не могли от них оторваться.

Пока девочки были заняты рассматриванием кукол, Рыжик уже успел взобраться верхом на деревянную лошадь.

— Вези меня! — приказал он Сереже, размахивая ногами.

Санька сразу почувствовал себя здесь своим человеком. Нисколько не стесняясь, он громко понукал лошадь, причмокивал, посвистывал и раскачивался во все стороны. Развязность Рыжика продолжалась до тех пор, пока в детскую не вошла бабушка мальчиков. Появление старухи смутило Рыжика, и он притих.

— Бабушка, бабушка! — запрыгал Сережа, увидав старуху. — А у нас вот кто... — указал он на «гостей».

— Играйте, играйте, деточки! — проговорила бабушка и улыбнулась.

Тут только Санька заметил, что бабушка очень похожа на Володину маму и что у нее такая же добрая улыбка. Этого вполне для него было достаточно, чтобы снова почувствовать себя свободно и хорошо.

Бабушка уселась в большое кресло, стоявшее подле окна, и занялась детьми. Больше всего она заинтересовалась Дуней, о которой еще вчера рассказывали ей Володя и Сережа.

— Подойди ко мне, милая! — сказала она Дуне.

Дуня подошла и потупилась.

— Ты где живешь?

— У Зазулихи... у его мамы, — поправилась Дуня, указав на Рыжика.

— Он ее спас, бабушка... — вмешался в разговор Сережа. — У него большая-большая

собака есть...

— У кого?

— Да вот у него.

Сережа стащил Саньку с лошади и подвел его к бабушке.

— Это твоя сестричка? — спросила у Рыжика старуха и указала на Верочку, которая опять принялась сосать указательный палец.

— Моя.

— Родная? — удивилась бабушка.

— Родная, — уверенно подтвердил Санька.

— Странно... Она на тебя нисколько не похожа: ты... золотой, а она черная...

Бабушка засмеялась. Засмеялись и дети. В комнате стало шумно и весело. Дуня с Верой занялись куклами, а мальчики принялись в углу детской строить крепость.

День пролетел для детей, как мгновение. Не успели они оглянуться, как уже наступил вечер. Сытые, счастливые и нагруженные подарками, вернулись «гости» домой.

Аксинья и Тарас ужинали, когда Рыжик со своими спутницами вбежал в хату.

— Смотрите, что мы принесли! — восторженно воскликнул Санька.

— Где мы, мама, были!.. Какие там куклы!.. — перебила Верочка.

Даже Дуня и та заговорила, но Рыжик заглушил ее своим голосом.

— Мы весь день в гостях были, — начал он рассказывать. — Я играл с панычами, а они — с куклами. Мы там кушали, чай пили... Мне еще вот что дали...

Рыжик подал матери узелок, в котором лежали штанишки, две рубашки и оловянные солдатики.

— А вот мне что бабушка дала... — запищала Верочка и, в свою очередь, подала матери узелок. В узелке оказались платица, кое-что из белья и старая кукла с одним глазом и без рук.

Дуне подарили башмаки и платок на голову. Кроме того, ей на завтра обещаны были еще какие-то вещи.

— Ну, что ты на это скажешь? — обратилась к мужу Аксинья.

— Что я скажу?.. Люди, видать, неплохие... Боюсь только, как бы наш висельник не нашкодил бы там...

— Слышишь, Саша, что отец говорит? — сказала Аксинья, обращаясь к Рыжику. — Смотри, ежели ты у господ дозволишь себе нехорошее что сделать!.. Ты уже не маленький: десятый год тебе идет; ты уже должен за Верочкой смотреть, чтобы она что-нибудь не наделала...

— Пусть только посмеет... Я ей тогда — во...

Рыжик показал кулак.

— Вот видишь, какой он славный: при нас кулаки кажет, — заметил Аксины Тарас, — а уж там наверное в драку полезет.

— Нет, не полезу, — серьезно заметил Санька, — там драться нельзя... Завтра мы опять пойдем... А Дуне знаешь что бабушка сказала? Она сказала, чтобы Дуня каждый день приходила, а тетенька Маланья ее кормить будет.

— Какая Маланья? — заинтересовалась Аксины.

— А ихняя стряпуха. Она толстая-претолстая и добрая... Я рассказал им все про Дуню и про дяденьку Андрея. Они страсть как жалели ее!.. Э, да я забыл! — вдруг спохватился Рыжик. — У меня еще вот что есть!

Он вытащил из-за пазухи небольшую книжонку с картинками и подал ее матери.

— Что это?

— Это азбука. По ней учатся читать. Здесь написано: бра, вра, гра... Мне Володя показывал... Мы и завтра учиться будем.

Книжкой заинтересовался и Тарас.

Он подошел к свету и с любопытством стал ее перелистывать своими толстыми, обожженными лаком пальцами.

Рыжик долго еще рассказывал матери про панычей, про их дом и про их богатство. По его словам выходило, что живут они, как цари. Верочка тоже долго не могла успокоиться и все о чем-то рассказывала на своем малопонятном детском языке. Даже Дуня, вечно молчаливая и грустная, на этот раз без умолку болтала, делась своими впечатлениями.

— Ну, дети, будет!.. Еще завтра день есть — наговориться успеете. А теперь пора спать, — сказала Аксины и пошла стлать постели.

Наступил вечер. На темном небе затеплились звезды. В хате Зазулей было темно и тихо. Там спали мирным сном. Один только Санька не спал. Он лежал с открытыми глазами и мечтал о себе, о панычах и о многом другом. Знакомство с панычами сильно повлияло на его впечатлительную натуру. Он только теперь увидал, как живут господа и как их жизнь разнится от жизни обывателей Голодаевки. «Почему не все люди так живут? Почему не все дети — панычи?» — спрашивал себя Санька и не находил ответа. От панычей мысль мальчика перескочила на Мойпеса. Он вспомнил, что из-за господ он сегодня за весь день ни разу не приласкал пса, и ему сделалось совестно. «Ну ладно, зато завтра непременно возьму его с собой», — решил про себя Санька и с этой мыслью уснул покойным, крепким сном.

VII

Рыжик узнает о своем происхождении

В мае панычи уехали в деревню на все лето, и Рыжик снова очутился на улице, среди старых приятелей. Дуня совсем переселилась в господский дом. Ее окончательно приютила там кухарка Маланья, женщина добрая и очень любившая детей.

Санька, по обыкновению, лето проводил вне дома. По целым дням он где-то пропадал с мальчишками, а когда в садах созрели фрукты, его можно было найти дома только рано

утром или поздно вечером. Тарас ругался, выходил из себя, наказывал его, но ничто не помогало. Так продолжалось до конца августа. Однажды Санька вернулся домой позже обыкновенного. Двери уже были заперты и огонь в доме потушен. Там, по-видимому, уже спали. Рыжик подошел к дверям и остановился, боясь постучаться. На улице было тихо и безлюдно. Из-за рощи осторожно, будто вор, поднимался месяц. Рыжик видел, как потом луна повисла над рощей и как от нее на темную поверхность реки упал светлый трепещущий столб. «Уже ночь!» — мысленно воскликнул Рыжик, и ему сделалось жутко. В это время из узенького переулочка выбежал Мойпес и с тихим визгом подбежал к маленькому хозяину. Рыжик несколько раз провел по мягкой спине преданного пса и тут же приказал собаке уйти на место, то есть в сарай.

Санька остался один. Ему предстояло одно из двух: или ночевать на улице, или постучаться и этим разозлить отца. После долгого размышления Санька решился на последнее и робко стукнул в дверь. Никто не отозвался. Тогда Рыжик слегка налег плечом на дверь, и вдруг дверь неожиданно распахнулась, и Санька кубарем влетел в сени. Оказалось, она была не заперта. По всей вероятности, Аксинья в темноте неверно набросила крючок, а может быть, она нарочно оставила дверь открытой, зная, что скоро должен явиться Санька.

Как бы то ни было, а Рыжик воспользовался благоприятным обстоятельством и юркнул в мастерскую. Там, чтобы никого не беспокоить, он полез под верстак и улегся комочком на стружках.

Измученный и усталый за весь день, Рыжик, наверно, уснул бы немедленно, если бы до его слуха из другой комнаты не донесся разговор. Разговаривали его отец и мать. Разговор шел о нем, о Рыжике. Мальчик притаил дыхание и стал прислушиваться.

— Это ты так потому говоришь, — раздался тихий голос Аксиньи, — что мальчик нам не родной... Только я тебе, Тарас, вот что скажу: грешно обижать сироту. Он нас за родителей почитает, любит нас, и мы, стало быть, должны к нему, как к родному дитю, быть...

— Постой, Аксинья, — послышался басистый голос Тараса, — да я разве худое мальчику желаю?.. Я хочу, чтобы он человеком был... Отдадим его куму Ивану в ученье, и Санька потом еще спасибо скажет нам, потому сапожник завсегда кусок хлеба заработает.

— И не грешно тебе это говорить? Ведь ему еще десяти годов нету, а ты уже его в ученье... Небось ежели б он был тебе родной, ты бы этак не стал делать...

— Ан стал бы! — с легким раздражением в голосе перебил Аксинью Тарас. — Стал бы потому, что самим жрать нечего. Когда мы его взяли, у нас своих ребят не было, а теперича, сама знаешь, сколько у нас ртов...

— А ты не пьянствуй! — спохватилась Аксинья. — Тогда на всех хватит... А то день работаешь, а неделю гуляешь...

После этих слов Тарас не счел нужным отвечать, и разговор прекратился. Спустя немного супруги уснули. В хате стало совсем тихо.

У Рыжика и сон пропал. То, что он сейчас услышал, до того его поразило, что ему уже было не до сна. Никогда еще его голова так сильно не работала, как теперь. Сначала он даже не мог понять, что, собственно, случилось, но потом, когда он сообразил, в чем дело, ему сделалось до того скверно, что он чуть было не закричал во весь голос.

На другой день, лишь только занялась заря, Рыжик уже был на ногах. Аксинья успела уже открыть ставни, а Тарас возился на чердаке с досками. Верочка и Катя еще спали.

— Мама, а мама! — пристал Рыжик к матери.

— Чего тебе? — недовольным тоном проворчала Акси́нья.

— Мама, я вам не родной? — спросил Рыжик и заглянул Акси́нье в лицо.

Вопрос был предложен так неожиданно, что Акси́нья растерялась и не знала, что ответить.

— Мама, маменька, я, значит, не родной вам? Да?..

— Ты глупости говоришь... Отстань, мне некогда... — проговорила Акси́нья и отвернулась от мальчика.

— Нет, мама, я все слышал... Я... вам не родной... Мама, чей же я?

На глаза Рыжика навернулись слезы. Он еще не плакал, но по вздрагивающему подбородку легко можно было догадаться, что мальчик сейчас разрыдается. Акси́нье стало жаль его.

— Ты об этом, голубчик, не думай! — ласково сказала она и провела рукой по золотым кудрям Саньки. — Все люди, — продолжала она, — между собою родные...

Не успела она кончить, как долго сдерживаемые рыдания вырвались наружу. Рыжик упал на лавку и горько заплакал. Все его тело вздрагивало от рыданий.

Акси́нья бросилась к нему и стала горячо его утешать.

— Ну, будет! Ну, перестань! — говорила она. — Мы тебя любим... Разве я тебе не как родная? Ведь ты на моих руках вырос!.. Ну, будет!.. Ты для меня все едино, что Верочка.

Рыжик не переставал плакать. Он не слышал и не понимал, о чем говорит Акси́нья.

В хату вошел Тарас.

— Это еще что за новости? — воскликнул он, увидав плачущего Саньку.

Тарас не на шутку был удивлен, потому что Рыжик никогда почти не плакал. Акси́нья взглядом оборвала мужа, и тот мгновенно умолк. Рыдания мальчика становились тише. Через час он сидел у окна и думал свою горькую думу.

«Чей я?» — мысленно спрашивал он себя и не находил ответа. Горе сразу как-то преобразило мальчика. Он сделался серьезным, задумчивым и молчаливым. Мальчишки, сады, игры, шалости — все это мгновенно вылетело из головы. Ему теперь уже было не до игр и не до шалостей. Он теперь был занят более важным вопросом.

Чей он — вот что ему нужно было узнать.

Солнце высоко поднялось над рекой, когда Рыжик вышел на улицу. Никогда он еще не выходил из дому таким тихим, таким скромным. Обыкновенно его «выход» сопровождался резким и тонким свистом, который он производил двумя пальцами, положив их в рот, под язык. Мойпес отвечал на свист громким лаем, и на улице поднималась суматоха: куры и кошки в смертельном страхе мчались во все стороны, прячась от врагов, а соседки говорили:

— Проснулся уже, рыжий чертенок!

Сегодня Рыжик вышел на улицу тихо и молчаливо. Вид у него был такой, точно его сейчас высеки. Он шел с низко опущенной головой и грыз ногти. Мойпес, давно уже ожидавший появления хозяина, с радостным визгом бросился ему навстречу, но Санька одним жестом руки умирил собачий восторг, и Мойпес поплелся позади, тихо повиливая хвостом.

Мальчик все еще находился под влиянием своего горя и чувствовал себя прескверно. От

сильных волнений у него заболела голова, мысли спутались, и он ни о чем не мог думать. На улицу он вышел без цели, без желаний. С товарищами он боялся встретиться: ему теперь стыдно было им в глаза смотреть. Рыжику казалось, что теперь он другой и что как только на него посмотрят, так сейчас же все узнают, что у него отец и мать не родные.

Чтобы избежать нежелательных встреч, Санька спустился к реке, сел у самой воды на большой плоский камень и задумался. Мойпес также подошел к воде, полакал немного, вытер языком нос, поворчал на собственную тень, что дрожала на светлой поверхности реки, и уселся рядом с хозяином.

Рыжик стал припоминать все обиды и огорчения, нанесенные ему когда-либо его родителями. Отец всегда с ним дурно обращался, а когда наказывал, то наказывал больно. И все это потому, что отец он был не родной. Мать, конечно, лучше обращалась, но все-таки она Верочку больше любит. Тут Санька вспомнил, как третьего дня мать делила сладкий пирог и Верочке отдала самый большой и вкусный кусок. Воспоминание о пироге подняло целую бурю в сердце Рыжика.

«И всегда она так: Верке всё, а мне ничего», — говорил самому себе Санька, и злоба против тех, кого он привык считать за родителей, закипала в его груди.

— Санька, ты что там делаешь? — вдруг услышал Рыжик.

Он поднял голову и увидел на краю обрыва Ваську Дулю, одного из своих уличных приятелей.

— Мы тебя ждем: на баштаны идти надо... Слышишь, Санька? — кричал с обрыва Васька.

— Никуда я не пойду... — тихо пробормотал Рыжик и отвернулся от него.

«Выпороли!» — решил про себя Васька и убежал.

Долго сидел Рыжик на берегу и все думал об одном и том же. Наконец в полдень он поднялся на обрыв и пошел вдоль Береговой улицы. Возле хаты крестной он остановился. Как раз в ту минуту Агафья-портниха вышла зачем-то из дому и увидала Рыжика. Она сразу заметила, что с ее крестником произошло что-то неладное.

— Ты что это сегодня такой тихий? — спросила Агафья ласковым голосом.

— Мама крестная, — обратился к ней Рыжик, подняв на нее свои заплаканные глаза, — скажите мне по правде: мой отец и мама — мне не родные?

В голосе Саньки послышались слезы.

— Кто это тебе сказал? — встрепелась Агафья.

— Я слышал, папа и мама разговаривали... Меня хотят отдать к отцу крестному сапоги шить. Я чужой им... Мама крестная, скажите, чей я?.. У меня нет родной мамы?.. Я сирота, как Дуня?..

При последнем вопросе голос у мальчика прервался, и он громко, судорожно зарыдал.

— Нехорошо плакать, — утешала мальчика Агафья. — Ты ведь умный мальчик... Ну, брось, перестань!.. И о чем тут плакать?..

— Они мне не родные... — всхлипывая, протянул Санька.

— Ну так что же, что не родные? Но они же любят тебя.

— Нет, не любят! — выкрикнул Рыжик. — Они Верку любят... Меня крестному хотят отдать... Я ничей... Я чужой...

— Полно тебе! У родных матерей дети лучше не живут... А могла ли бы еще твоя мать прокормить тебя?

— Какая мать? — уставился на Агафью Рыжик.

— Твоя.

— А где она?

Рыжик моментально перестал плакать и весь оживился. Агафья спохватилась было, что сказала лишнее, но уже было поздно. Санька осыпал ее вопросами и настойчиво требовал на них ответа. Агафья скрепя сердце в немногих словах рассказала ему, как десять лет тому назад Аксинья случайно нашла возле сарая умирающую женщину, никому не известную, как эта женщина умерла, и как она, Агафья, крохотного ребенка ее накормила грудью, и как, наконец, Зазули взяли его к себе на воспитание.

Трудно передать, какое сильное впечатление произвел рассказ Агафьи на Рыжика. Пока она говорила, он слушал ее с напряженным вниманием, а когда она кончила, он закидал ее вопросами. Ему хотелось знать: какая была его мать? какой он сам был тогда? где именно она умерла и где ее похоронили?

Удовлетворив свое любопытство, Рыжик со всех ног бросился домой. В хату он даже не заглянул, а подбежал к сараю и внимательно стал осматривать тот самый клочок земли, на котором, по его мнению, умерла его родная мать. Долго стоял он молча, потом опустился на колени и прошептал: «Мама... моя милая мама, родная мама...» И поцеловал землю. Затем он вошел в сарай, забился в самый дальний угол и беспрепятственно предался там своему горю.

Усталый, измученный и голодный, Рыжик долго плакал, вызывая в своем воображении образ родной, но — увы! — неизвестной матери, и наконец заснул рядом со своим верным другом Мойпесом.

VIII

Бегство

Прошло две недели. Рыжик постепенно стал забывать о своем горе. По-прежнему стал он сходиться с приятелями, по-прежнему стал бегать по улицам и забираться в чужие сады. О своем происхождении он никому ничего не говорил, и товарищи его оставались в полном неведении. Единственно, перед кем Рыжик излил свою душу, — это перед Дуней. К ней он отправился на другой день после разговора с крестной матерью и рассказал девочке о своем несчастье.

— Теперь и я сирота... — плача говорил он, стоя перед Дуней.

Девочка смотрела на своего покровителя со страхом и удивлением. Во-первых, она никогда не видала Рыжика плачущим, а во-вторых, она никак не могла понять, почему его отец и мать ему не родные.

— Ты, Дуня, смотри никому не говори, а то мальчишки как узнают, дразнить начнут... —

сказал Рыжик и ушел домой.

С тех пор Дуня его долго не видала.

А Рыжик, проплакав два дня, почувствовал себя лучше и, незаметно для самого себя, становился прежним сорванцом. Опять было начались беспрерывные купанья в речке, беганье по улицам с Мойпесом и многочисленной оравой мальчишек, опять было начались кражи фруктов из чужих садов, как вдруг в один прекрасный день с Рыжиком случилось новое несчастье.

Произошло это совершенно неожиданно. Подрался он как-то под вечер с приятелями и прибежал домой умыться. А дома Акси́нья бранила Тараса за то, что он пропил последний четвертак, на который она рассчитывала купить муки для хлеба. Тарас и кум его Иван сидели на верстаке и, казалось, внимательно прислушивались к злобным причитаньям Акси́ньи, стоявшей у печки и бессознательно ковырявшей ухватом земляной пол. За печкой, притаив дыхание, сидела Верочка. Акси́нья горькими упреками и бранью думала облегчить свое горе и поэтому не скупилась на слова. Тарас, зная по опыту, как трудно заставить жену замолчать, когда она намерена высказаться до конца, безмолвно и покорно внимал голосу Акси́ньи и только изредка кидал на кума тоскливые взгляды, как бы спрашивая его: «Слышишь, брат?», на что кум каждый раз отвечал тихим вздохом — дескать, слышу.

И вот в такую-то злую минуту явился Рыжик. На нем, что называется, лица не было. Серая рубашка была изорвана в клочки, щеки исцарапаны, а из разбитого носа сочилась кровь.

— Кто это тебя так? — воскликнула Акси́нья, увидав Саньку.

Рыжик молчал и, видимо, употреблял все усилия, чтобы не расплакаться.

— А вот мы сейчас узнаем, где он был и с кем воевал, — проговорил Тарас и соскочил с верстака.

В душе Зазуля не чувствовал к мальчику никакого озлобления. Напротив, он даже обрадовался появлению Рыжика, положившему конец красноречию Акси́ньи; но тем не менее Тарас счел нужным схватить аршин и соорудить такую сердитую физиономию, что Верочка, выглянув из-за печки, задрожала вся от страха.

— Говори сейчас, где был? Ну?.. — грозно закричал Тарас, приблизившись к Саньке.

У того и сердце биться перестало.

— Где был, спрашиваю! — повторил Зазуля и сверкнул глазами.

— На улице... — тихо и с трудом ответил Рыжик.

— Где, говоришь ты?

— На улице.

— На улице? А нос кто тебе разбил?

— Митька да Харлампий.

— За что?

— Не знаю.

— Так-таки не знаешь?

Рыжик опустил голову и молчал.

— Иван, — вдруг обратился Тарас к куму, — будь отцом родным, яви такую милость и возьми ты у меня этого каторжника!.. Сделай из него человека, и я век тебе буду благодарен.

В голосе Зазули слышалась такая искренняя мольба, что Иван поспешил сейчас же изъявить свое согласие.

На другой день Рыжик, умытый и одетый в новую рубашку, сидел у крестного отца на низеньком круглом стульчике с кожаным сиденьем и весь отдался невеселым думам. Обеденное время давно уже прошло, а Рыжик ничего еще не ел. В хате сапожника, помимо Саньки, не было ни одной живой души. Иван привел крестника и, передав его жене со словами: «Вот тебе, Катерина, помощник!» — ушел на базар за товаром.

— Хороший мальчик, нечего сказать... Тыфу!.. — приветствовала Саньку Катерина, мельком взглянув на его исцарапанное лицо. Потом она повозилась немного у печки и также ушла.

Рыжик остался один.

С каждой минутой ему становилось грустней и обидней. От нечего делать он стал осматривать внутренность комнаты, в которой он раньше редко бывал, так как у сапожника детей не было.

Мало обрадовала мальчугана обстановка сапожной мастерской. Куча инструментов на низеньком столике, обрезки кожи, крошечное оконце и затхлый, сырой воздух удручающим образом действовали на Рыжика, и он, недолго думая, решил бежать. Куда — этого он еще и сам не знал. Одно только было для него ясно — что домой ему идти нельзя.

«Я всем теперь чужой, а потому и делать мне здесь нечего», — решил про себя Рыжик.

Поднявшись со стульчика, на котором он сидел, Санька подошел к дверям, тихо отворил их, высунул голову и, убедившись, что Катерины нет вблизи, быстро выбежал из хаты и моментально скрылся из виду.

Рыжик бежал без оглядки. Страх придавал ему бодрость и прыть. Ему казалось, что за ним гонится весь город и что вот-вот его поймут и засекут до смерти. У Саньки от этой мысли сердце замирало в груди, и он с каждой минутой усиливал свой бег. Отбежав порядочное расстояние, беглец остановился и, убедившись, что за ним никто не гонится, вздохнул с облегчением. От быстрого бега у него закололо в боку и весь он обливался горячим потом. Рыжик постоял немного, вытер подолом рубашки лицо и тихим шагом поплелся дальше.

Голодный и усталый, Санька еле передвигал ноги. Время между тем близилось к вечеру. В воздухе повеяло прохладой. В глубокой прозрачной синеве, весело щебеча, ныряли неугомонные ласточки. Окруженное со всех сторон легкими пурпурными тучками, солнце медленно склонялось к западу. Вскоре пламя заката широким пологом покрыло небосклон.

Санька остановился в нерешительности. Налево от него тянулся длинный ряд низеньких плетней загородных садов и баштанов, впереди широкой темной лентой легла дорога за город, а направо серебрилась поверхность сонной реки. Беглецу эта местность была хорошо знакома. Здесь он делал свои опустошительные набеги на сады и баштаны, сюда он бежал купаться, и здесь он добывал для матери красную глину. Вот он и теперь стоит недалеко от той самой ямы, из которой он вместе с Дуней перед пасхой доставал глину. Но в настоящую минуту не до садов и не до глины. Влажными глазами глядит он на реку, на поверхности которой волшебными красками играет отблеск вечерней зари. Ему грустно и страшно.

Вон уж и солнце скрылось, и небо потемнело. Близок вечер.

Постепенно замирают шумные отголоски дня. Вот уж и звезды выпали из синей глубины потемневшего неба. Стало тихо. Малейший шорох, малейший звук отдаются с необыкновенной отчетливостью. Река дремлет. Изредка плеснет рыбка, сверкнет серебряной чешуей, и мягкие круги, точно стальные обручи, помчатся к берегу, бесшумно исчезая на пути. Где-то близко по воздуху ударила крыльями летучая мышь... Ко всем звукам Рыжик прислушивается с замиранием сердца, и ему не на шутку становится страшно.

— Артикул! — вдруг среди мертвой тишины раздался чей-то хриплый голос.

От неожиданности Санька вздрогнул и быстро обернулся. В трех шагах от него на большом сером камне сидел Андрей-воин. Старик, по обыкновению, был навеселе, что, однако, не помешало ему сейчас же узнать приятеля, с которым он давно уже помирился.

— Артикул! — снова прокричал солдат.

Но Санька и не думал встать во фронт: ему было не до того. Безрукого это обстоятельство даже немного удивило. Закуривая трубку, он протянул зажженную спичку к лицу мальчика.

— Эге, брат, да ты, никак, контужен? — воскликнул инвалид, заметив глубокие царапины на лице мальчика. — Ты это с кем воевал?

— С мальчишками на берегу, — не без некоторой гордости ответил Рыжик, не считая нужным скрывать истину.

— Враг был силен? — продолжал свой допрос старик.

— Еще как!

— Эге, молодец! Славный будешь вояка!.. А диспозицию какую ты выбрал?

На это Санька не мог ответить, так как не понял вопроса.

— Н-да, братец, — после некоторого молчания снова заговорил солдат, — война — это великая штука... Такой, к примеру, войны, как севастопольская, не было и не будет, потому теперь не тот солдат пошел... Героев нет, н-да-с... Одиннадцать, братец, месяцев враг Севастополь брал, а шиш получил, потому герои были. Сидим это мы, бывало, в траншее аль по Малахову кургану разгуливаем, а гранаты да пули так и свистят, так и свистят кругом... А мы себе знай прогуливаемся да англичан и французов поддразниваем... Да-с, братец...

— Дяденька, а хлеб где вы доставали тогда? — спросил Рыжик, у которого за весь день крошки во рту не было.

— У нас хлеба не было, а были сухари.

— Дяденька, а страшно быть на войне?

Безрукий, прежде чем ответить, поднял с камня свой картуз, накрыл им лысую голову и, поднявшись с места, промолвил:

— Бабам страшно, а солдату не страшно.

— Дяденька, я пойду с вами...

— А ты куда, домой? — покосился на него безрукий.

Санька молчал, не решаясь сказать всю правду. Вдруг его зоркие глаза увидели Тараса и Ивана Чумаченко, которые шли из города им навстречу. Мальчуган в испуге шарахнулся в сторону и через минуту стоял уже на краю ямы, в которую недолго думая прыгнул, скрывшись из виду.

— Солдат, братец, войны не боится, — продолжал между тем безрукий, не заметив исчезновения своего собеседника. — Для солдата война все едино, что бал аль свадьба, потому, черт возьми, весело... Трубы трубят, барабаны бьют наступление, пули свистят, а ты себе штыком работаешь, и горюшка мало... Конечно, бывает, что и враг силен! Да только супротив России идти ему не под стать, потому сильнее нет русского солдата... Ты еще, к примеру, щенок, можно сказать, и настоящего понятия о войне не имеешь...

Но тут Андрей-воин неожиданно столкнулся с Тарасом и Иваном, шедшими туда, откуда возвращался солдат, то есть на постоянный двор, и умолк.

Постоянный двор находился на самом краю города и служил первой и последней станицей для приезжающих и отъезжающих крестьян окрест лежащих деревень. Зазуля и Чумаченко ходили в этот шинок только тогда, когда им надо было подальше спрятаться от своих сварливых жен.

— С каким это чертом ты беседу ведешь? — смеясь, спросил у Андрея Тарас.

— Не с чертом, а с парнем твоим беседую я, — ответил безрукий.

При этом ответе Зазуля и Иван значительно переглянулись, словно говорили друг другу: «Изрядно, должно быть, клюнул старик», и оба прыснули со смеху.

— Вы чего ржете? — рассердился было Андрей, но, оглянувшись и увидав, что Рыжика нет возле него, он растерянно посмотрел на Ивана, потом на Тараса и упавшим голосом проговорил: — Он со мною сейчас рядом шел, провалиться — не вру...

— Кто шел? — спросил Тарас.

— Да Санька твой.

— Санька?! — воскликнул Тарас и вопросительно посмотрел на кума.

Но кум ничего ему не мог на это сказать, так как он сам весь день не был дома и ничего не знал о бегстве крестника.

— А может, ты с водкой беседовал, а не с Санькой? — полушутя, полусерьезно стал допытываться Тарас.

Безрукого этот вопрос обидел настолько, что, не ответив, он энергично плюнул и быстро зашагал вперед. Кумовья посмотрели ему вслед, покачали головами и направились дальше, будучи уверены, что солдат допиллся до зеленого змия.

А Рыжик лежал в яме и, затаив дыхание, прислушивался к тому, что делалось там, наверху. Яма, в которой лежал Санька, была довольно обширных размеров. Когда-то мужики добывали здесь глину для построек, но впоследствии, когда глубоко вырытая пещера после обильных дождей стала во многих местах обваливаться, они из опасения быть задавленными бросили это место и перешли на другое. Но женщины и дети все еще продолжали по краям ямы выкапывать глину для домашних надобностей. Один только Рыжик не боялся проникать в самую глубь пещеры. Он неоднократно прятал в ней выигранные от товарищей бабки, пуговицы, крючки и конские хвосты для лесок.

Забившись в самую глубь ямы, Санька пролежал с четверть часа, боясь шевельнуться.

Вскоре, однако, холод и сырость вынудили его подняться в верхнее отделение пещеры, где было несравненно теплее и суше. Здесь он решил подождать возвращения отца и Ивана, а потом... потом он и сам не знал, куда пойдет. Но пока что он сгреб руками небольшую кучку песка и глины, накрыл ее картузом и улегся, положив голову на подушку собственного изобретения. Долго лежал Санька с открытыми глазами, прислушиваясь к малейшему шороху, как вдруг над ямой мелькнула какая-то тень и громкий лай собаки нарушил ночную тишину. Рыжик сразу же узнал своего верного пса Мойпеса, который, должно быть, весь день разыскивал хозяина по всему городу.

— Мойпеска, голубчик, милый!.. — зашептал он в сильной радости, не зная, как приветствовать дорогого друга.

Отрывистым и громким лаем ответил на приветствие хозяина Мойпес и энергично завилял черным пушистым хвостом.

— Мойпеска, я есть хочу, мне холодно... — стал жаловаться Рыжик.

Тут собака еще громче залаяла, улегшись на самый край ямы. Лай Мойпеса сильно обеспокоил мальчика. Он совершенно справедливо рассудил, что лай этот легко может привлечь прохожих.

— Цыц, Мойпес, цыц, цыц! — сначала мягко, а потом построже обратился Санька к собаке.

Пес смекнул, в чем дело, и немедленно прекратил свой лай. Но зато через минуту он поднял морду вверх и, не спуская глаз с луны, так жалобно и протяжно завыл, что многие обыватели, до слуха которых долетал этот вой, осеняли себя крестом, будучи уверены, что собака воет по покойнику.

Рыжик пробовал и лаской и угрозами заставить Мойпеса замолчать, но это ему не удалось. Собака по-прежнему смотрела на луну и выла до тех пор, пока измученный, усталый и голодный беглец не заснул под эту собачью колыбельную песню.

Первая узнала о бегстве Саньки Катерина. Придя домой и заметив отсутствие своего «помощника», как назвал мальчика Иван, Катерина со свойственной ей флегматичностью низко согнула худую, долговязую фигуру, заглянула под кровать и, убедившись, что и там «помощника» нет, принялась за свои домашние дела. Только к вечеру Катерина вспомнила о другом, более важном беглеце — о муже, который ушел за товаром и забыл вернуться домой.

— Чтоб ему ни дна, ни покрывки, пьянице окаянному! — выругала она заочно мужа и собралась к Зазулям, где надеялась найти пропавшего супруга. О Рыжике она совсем забыла.

Странная какая-то женщина была эта Катерина. Худая, как скелет, с длинными костлявыми руками и ногами, она всюду вносила тоску и мертвящую скуку. Самое веселое общество при ее появлении немедленно впадало в уныние, словно в комнату вносили покойника.

Недаром Иван называл свою благоверную «холерой тридцатого года»; но в то же время он не на шутку ее побаивался.

— Добрый вечер! — монотонным голосом произнесла Катерина, войдя в хату Зазулей.

— Вечер добрый! — послышался за печкой голос Аксиньи.

— А я к вам... — протянула гостя, став у дверей. — Нет ли у вас моего лодыря?

— Был он у нас, да ушел, да и моего куда-то утащил, — ответила Аксинья и вышла на

середину хаты. — Ну, как мой Санька устроился? Плачет? А? — спросила Акси́нья.

— Санька? Да его нет у нас.

— Как — нет у вас? Ведь кум Иван взял его в ученье и повел к себе.

— Ну так что же, что повел? А он взял да удрал. Посидел-посидел, а как вышла я из хаты, так и его не стало.

— Ах, боже мой! Где же он? — обеспокоилась Акси́нья. — Ребенок весь день не ел, отец с кумом, по дурости своей, напугали мальчика...

Не успела Акси́нья кончить, как в хату вошел Тарас, а вслед за ним, трусливо ежась, плелся Иван.

— Эй, жинка, засвети огонь! — гаркнул с порога Тарас и, обернувшись к куму, добавил шутливым тоном: — Ползи, кум, и не бойся: Катерины твоей нет здесь.

Но едва он это сказал, как длинная, сухопарая Катерина быстро отделилась от стены и набросилась на мужа. Тарас ахнул от изумленья и развел руками. Затем очередь настала за Акси́ней. Она принялась, по обыкновению, причитывать, осыпая мужа самыми горькими упреками.

— Душегуб ты окаянный! — рыдая, выкрикивала Акси́нья. — Сгубил ты меня, по миру пустишь ты, Мазепа безбожный, семью свою... Приемыша погубил... Говори, басурман, где Санька? Где Санька, пьяница ты этакий?.. — все сильнее и настойчивей приставала она к мужу.

Тарас стоял, насупившись, ожидая, когда жена наконец сделает передышку и он получит возможность вставить и свое слово. Но резкий и громкий голос Акси́нии не умолкал. Не переставала кричать и Катерина. Можно было подумать, что обе женщины об заклад побились, кто кого перекричит: так долго и старательно они бранились. У Ивана и Тараса от столь любезной встречи жен даже хмель стал проходить. Оба они, громадные и неуклюжие, стояли с опущенными головами и, казалось, готовы были при малейшем удобном случае шмыгнуть вон из хаты.

— Тише, бабы, говорю вам! — вдруг закричал на женщин Тарас и стал к чему-то прислушиваться.

Женщины как-то машинально замолкли, и в хате наступила тишина. В это время под окном завыл Мойпес. Собака убаюкала маленького хозяина и пришла выть домой. Трудно передать впечатление, какое произвел собачий вой на находившихся в хате; даже мужчины сочли нужным плюнуть три раза, а о женщинах и говорить нечего.

— Вот до чего докричались вы! — заговорил Тарас, обращаясь к своей и Ивановой жене. — До собачьего воя докричались...

IX

В яме

На другой день, на рассвете, Рыжика разбудил все тот же Мойпес, который, по-видимому, никак не мог помириться с необыкновенным положением вещей. Ему, преданному псу,

приходилось видеть своего маленького хозяина в самых разнообразных положениях: не раз видел он своего друга лежащим на верстаке, когда отец его наказывал; видел он Рыжика и сидящим на деревьях, ворующим яблоки или вишни; чувствовал он не раз его у себя на спине, когда проказнику приходила фантазия «погарцевать» на собаке по улицам города; и не раз приходилось ему со своим хозяином разделять ложе в темных сенях. Но в глубокой глиняной пещере Мойпес впервые увидал Саньку, и это его крайне обеспокоило, тем более что хозяин, несмотря на его отчаянный вой, и не думал вылезать из ямы. Всю ночь Мойпес глаз не смыкал. Пока светила луна, пес знал, что ему надо делать: сидя на задних лапах, он до глубокой ночи не переставал выть на нее, спокойно и горделиво плывшую по звездному небу; но с исчезновением луны Мойпес совершенно потерял голову и с жалобным визгом раз двадцать бегал от ямы домой и обратно.

Только на рассвете Санька проснулся, и радости собаки не было конца.

Совсем иначе почувствовал себя Рыжик. Сначала он было вообразил себя заживо похороненным и не на шутку струсил, но лохматая морда Мойпеса вывела его из заблуждения, и он ясно вспомнил все вчерашние происшествия. От этих воспоминаний ему ничуть не стало легче. Мысль о том, что его все забыли, что им никто не интересуется, болезненно сжала сердце Рыжика.

— Мойпеска, голубчик! — обратился он к визжавшей наверху собаке. — Ты один меня любишь, больше никто, никто меня не любит... Я ничей... — На ресницах мальчика блеснули слезы.

— Мойпеска, у меня нога болит, — поспешил он поделиться горем со своим четвероногим приятелем; но того уже и след простыл.

Исчезновение Мойпеса окончательно удручило мальчика.

Из-за реки между тем поднялось солнце и рассыпало вокруг горячие лучи. Одни из них попали в яму и быстро стали согревать Рыжика. Почувствовав тепло, он поднялся на ноги, надел картуз и хотел было выпрыгнуть из пещеры, но не тут-то было: после недавно случившегося обвала стены ее сделались до того отвесны, что без посторонней помощи и взрослому человеку нельзя было бы из нее выбраться. По этой самой причине и Мойпес, при всей его преданности, не решался прыгнуть в яму, понимая, должно быть, что из нее не скоро выкарабкаешься. Несколько раз Рыжик подпрыгивал вверх, намереваясь ухватиться за край ямы, но все попытки ни к чему не привели: яма была для роста мальчика непомерно глубока. Окончательно обессилев, Санька совершенно растерялся. Еще минута — и он бы, наверно, принялся кричать и звать на помощь; но в это время снова показалась лохматая голова собаки. На этот раз собака прибежала не одна, а вместе с нею явилась и Дуня, которую Мойпес чуть не насильно притащил к яме.

Наклонившись и увидав на дне пещеры Саньку, Дуня разинула рот.

— Ты здесь, Санька? А мы тебя ищем, ищем!.. И мама твоя тебя ищет, и я тебя искала, искала... Что ты тут делаешь?

— Я здесь ночевал.

— Ночевал?! И тебе не было страшно?

— Это бабам страшно, а нам, мужчинам, не страшно, — машинально повторил Санька слова Андрея-воина. — Принеси мне хлеба, я есть хочу, — вдруг добавил он, переменив тон.

— Да ты вылезай скорей, и пойдем домой. Вылезай скорей!..

— Не могу: яма глубока... Беги-ка ты лучше домой, принеси мне хлеба. Да смотри никому не говори, что меня нашла, а то узнают и убьют меня. А ежели встретишь Ваську Дулю, скажи ему, что я в яме ночевал и зову его к себе. Ну, беги!

Дуня с Мойпесом убежали. Санька снова остался один. Но теперь он чувствовал себя гораздо лучше, так как был уверен, что Дуня и товарищи его не оставят в беде.

Через час вся детвора на Голодаевке узнала о геройском побеге Рыжика и о его ночлеге в яме. Каждый из мальчуганов счел своим долгом навестить беглеца и хоть одним глазком взглянуть на отважного товарища. Благодаря последнему обстоятельству, вскоре после того как Дуня убежала, Санька, или, вернее говоря, яма, в которой он находился, со всех сторон была окружена мальчишками. Все они наперерыв спешили приветствовать «героя», причем вслух выражали свое удивление по поводу его смелого поступка. Больше всего мальчишек поражало то, что Санька не страшился один провести целую ночь в яме. Уважение к беглецу возросло до таких размеров, что когда Павлуша Жаба осмелился сказать, что и он не побоялся бы сделать то же, что и Рыжик, мальчишки готовы были избить его как хвастуна, дерзнувшего сравнить себя с таким «героем», как Санька.

Сам Рыжик, хотя и находился на дне глубокой ямы, тем не менее чувствовал себя с приходом товарищей превосходно. С каждой новой похвалой, с каждым новым приветствием мальчуган вырастал в своих собственных глазах.

Первым явился к нему Васька Дуля.

Встреча друзей была поистине трогательна.

Васька, девятилетний мальчик, коренастый и плотный, со стогом нерасчесанных волос на голове, в первый момент готов был прыгнуть к товарищу в яму, но Санька остановил его.

— Не прыгай, Васька, ногу сломаешь, — предупредил он товарища и обратился с вопросом, откуда он узнал о нем.

— Мне Дунька сказала, она побежала за хлебом. Ты есть хочешь?

— Страшно хочу.

— Ну, подожди немного: Дунька принесет, а я побегу за ребятами.

С этими словами Васька убежал, а через полчаса вернулся в сопровождении многочисленной оравы детей.

— Рыжик, здравствуй!

— Неужто ты здесь ночевал?

— А ведьмы к тебе не приходили?

— Тебе не было страшно?

Мальчишки, для того чтобы лучше разглядеть беглеца, улеглись на животах вокруг ямы, причем головы их находились над самым ее отверстием.

— Панычи идут, панычи идут! — крикнул кто-то, и детвора на минуту примолкла, а Рыжик, сидя в яме, снял с головы картуз и приосанился.

Володя и Сережа только накануне приехали из деревни. Узнав о смелом побеге Рыжика, они не вытерпели и, уверив гувернантку, что идут в сад, бросились бежать к яме.

Мальчишки из уважения к панычам теснее придвинулись друг к другу и дали им место.

Панычи, как и всегда, были одеты в красивые, изящные костюмчики, резко выделявшиеся среди грязных серых рубашонок и штанишек прочей детворы. На обоих были одинаковые матросские шапочки с черными ленточками. На каждой ленточке золотыми буквами значилось имя владельца шапочки.

— Рыжик, правда, что ты в этой яме ночевал? — обратился к Саньке Володя, и на бледном лице мальчика появилось выражение любопытства и удивления.

— Правда, — твердым голосом ответил Санька.

— И ты не боялся?

— Нет. Я ничего не боюсь.

— Вот молодец! — воскликнул Сережа. — А как ты отсюда выйдешь? — добавил он, глазами измеряя глубину ямы.

— Я отсюда не выйду, я долго-долго здесь буду: я не хочу быть сапожником, — раздался из ямы звонкий голос беглеца.

Заявление Рыжика произвело на присутствующих огромное впечатление. Даже Васька Дуля, самый отчаянный мальчуган, и тот был поражен услышанным. Несколько минут длилось молчание. Догадавшись, что своим заявлением он огорошил товарищей, Санька горделиво выпрямился и поднял голову.

— Ты, значит, все лето здесь проживешь? — снова обратился к Саньке Сережа.

— Всегда, всегда буду здесь жить, — донесся из ямы ответ.

Панычи переглянулись.

— Ты знаешь, Сережа, как мы его назовем? — обратился к брату Володя. — Робинзоном Крузо. Идет?

— Идет... Вот отлично ты придумал! — обрадовался Сережа. — Рыжик, слушай: ты знаешь, как мы тебя назовем? Робинзоном Крузо. Это Володя придумал. Робинзон Крузо — хорошее имя: он герой... Он на необитаемом острове жил один-одинешенький и с дикарями воевал...

— Кто? — перебил Рыжик.

— Да он же все, Робинзон Крузо... Так ты хочешь быть Робинзоном?

— Я кушать хочу, — раздался голос Саньки.

Этот неожиданный ответ сразу уничтожил весь геройский пыл Сережи, напомнив ему, что Рыжик — обыкновенный мальчик, а не Робинзон Крузо.

Но совсем иначе к заявлению Саньки отнесся старший брат Володя. Находясь под впечатлением только что прочитанной книги, он и из этого обстоятельства задумал устроить нечто интересное, необыкновенное.

— Он прав, что есть хочет, — тихо проговорил Володя, обращаясь к брату, — и Робинзон тоже есть хотел. Вот мы сейчас отправимся домой, раздобудем провизии и спустим ее нашему Робинзону в яму.

— Вот отлично! — по обыкновению восторженно подхватил Сережа и, еще раз нагнувшись

над ямой, прокричал, войдя совершенно в роль. — Робинзон, ты слышишь? Мы сейчас спустим тебе провизию...

— Мне не надо провизии, я хлеба хочу, — энергично запротестовал Санька, не поняв, что такое означает слово «провизия».

Володя принялся было объяснять беглецу, что провизия — вещь съедобная, но в это время кто-то из ребятишек крикнул:

— Братцы, его папа и мама сюда идут!.. — и в одно мгновение около ямы никого не стало.

У Саньки сердце замерло от страха.

Как испуганный кролик, он забился в самую глубь пещеры и в сильном волнении стал ожидать дальнейших событий.

К яме между тем скорыми шагами приближались Зазули и Иван Чумаченко. Впереди бежала Дуня с Мойпесом. Девочка, по настоянию Маланьи, к которой она побежала за хлебом, рассказала все Аксиные, причем со слезами на глазах умоляла не бить Саньку за то, что он ночевал в яме.

Просьба девочки оказалась излишней: все были до того рады, что мальчик нашелся, что никому и в голову не приходило его наказывать. Даже сам Тарас, подойдя к яме, заговорил с Рыжиком в самом миролюбивом тоне:

— Ай, Санька, Санька, как тебе не стыдно беспокоить нас!.. Мы думали, что ты в речке утонул. Нехорошо, нехорошо!.. Вылезай-ка скорей из ямы!

Рыжик внимательно прислушивался к голосу Тараса, стараясь угадать, правду ли он говорит или же просто хочет выманить его из ямы, а потом приступить к порке. Но тут в дело вмешалась Аксиная, и Рыжик немного успокоился.

— Выходи, Санечка, выходи, мы тебя не тронем! Небось кушать хочешь? Ну, выходи же, голубчик!..

Ласковые, полные любви и жалости слова Аксины самым успокоительным образом подействовали на беглеца, и он, поднявшись на ноги, объяснил, что не может вылезть из ямы.

— Вот так молодец! — засмеялся Иван. — В такую яму залез, что и не выберется. А вот, постой-ка, я тебя вытащу, — добавил он, и, сняв с себя кожаный ремень, сапожник один конец его опустил в яму: — Ну, Санька, хватай ремень да крепко вцепись в него, а я тебя потащу. Ну что, готово?

— Готово! — весело воскликнул Рыжик, которого стал забавлять своеобразный выход из ямы.

— Раз, два, три! — шутливо скомандовал Иван и, понатужившись, вытащил крестника наружу.

Через несколько минут Рыжик торжественно шествовал домой.

Х

Рыжик в роли пастуха

Прошел ровно год. Для Рыжика этот год был годом тяжелых испытаний. Оторванный от приемной матери, от домашней обстановки, он очутился во власти злой и черствой Катерины. Чего-чего только она не заставляла Саньку делать! И хату он убирал, и воду из реки носил, и в кабак за водкой бегал, и в лавочку за щетиной и гвоздиками ходил, даже печку он белил и в то же время по приказанию Ивана мочил в чашке подошвы, драл зубами дратву и учился тачать. Впрочем, в распоряжении Ивана он редко бывал: Рыжиком всецело завладела Катерина. Бывало, только усядется он за свое сапожное дело, как Катерина уже зовет его к себе, чтобы он ей помог горшки мыть или пол в сенях выравнивать.

— Что ты, Катерина, мальчика от работы отрываешь? — заметит, бывало, Иван.

— А тебе, лодырю, любо помощника иметь, чтобы вольготней было по кабакам бегать? — ответит жена.

И Чумаченко умолкал, зная, что входить в прения с женой не совсем безопасно.

Все это не могло не отразиться на характере Рыжика. Всегда веселый, жизнерадостный и беспечный, Санька становился с каждым днем серьезнее и задумчивее. Он ясно понимал, что толку из него не выйдет, если он будет жить у крестного, и это сознание не давало ему покоя. Вместо сапожного ремесла, вместо того, чтобы шилом ковырять кожу и молотком вколачивать в подошвы деревянные гвоздочки — о чем Санька, в сущности, только и мечтал, — его совсем превратили в домашнюю прислугу, заставляя делать то, что мужчине, каковым он себя считал, не пристало. Мало того, одно время Катерина превратила его в настоящего пастуха, или, вернее говоря, в свинопаса. Дело было летом. Ивану удалось как-то по случаю купить очень дешево свинью с двенадцатью крошечными поросятами. Сначала Чумаченко рассчитывал свинью перепродать, заработать рубля два и тем ограничиться, но Катерина взглянула на дело иначе. По ее мнению выходило, что если она купленную свинью со всем ее многочисленным семейством попридержит до Успенской ярмарки, они получат огромный барыш, так как к тому времени и поросята подрастут.

Санька, узнав о решении Катерины предоставить свинью с поросятами в его распоряжение, несказанно обрадовался. Больше всего его радовала мысль, что он будет на свободе, что перестанет таскать воду и не будет весь день сидеть в душной и смрадной хате. Когда же Катерина накануне сообщила, что она ему даст сумочку с хлебом, которую он может повесить через плечо, что даст она ему ножик и кнут, и когда наконец она сказала, что ему разрешается взять с собой Мойпеса, — радости мальчугана не было границ. Наконец-то он будет вместе со своим любимцем, которого злая Катерина до сих пор обдавала помоями, когда верный пес наносил визиты своему хозяину.

Рыжик сделался пастухом. Каждый день на рассвете, с длинным кнутом в руках и с сумочкой через плечо, выходил он во двор, выгонял из хлева свинью с поросятами и в сопровождении Мойпеса, к которому Катерина стала относиться снисходительней, отправлялся в дальний путь (пастбище находилось в трех верстах от города). Все это Рыжик делал с такой охотой, с такой любовью, точно бог весть какие блага давало ему его новое занятие.

Однажды городской пастух, встретив Саньку со свиньями, хмуро покосился на него и погрозил кулаком. Рыжик не понял, за что пастух на него сердится, но тем не менее счел нужным высунуть в ответ язык и с гиком и свистом пронестись мимо него во весь карьер.

Очень может быть, что Зазули и даже сам крестный не позволили бы Катерине сделать мальчика свинопасом, но воспрепятствовать этому помешали вспрыски, длившиеся ровно тринадцать дней. Дело в том, что Чумаченко, вспрыснув свинью, вспомнил на следующий день, что у свиньи имеются двенадцать поросят, которые в будущем обещали сделаться такими же большими свиньями, как и их мать. Вспомнив это, сапожник и решил вспрыскивать

каждого поросенка отдельно.

И Чумаченко с Зазулей пьянствовали тринадцать дней, забыв даже о существовании Саньки.

Однако свинопасом Рыжик пробыл очень недолго.

В один прекрасный день к нему на луг пришла Дуня. Она явилась с тем, чтобы сообщить ему новость, что она учится читать.

— Счастливая ты какая! — тихо протянул Санька и с завистью взглянул на девочку.

Ему сделалось грустно.

«Вот она, — подумал он, — будет жить у господ, будет играть с панычами, читать и писать научится, а я ничего не буду знать и вечно буду, как Мойпес, босиком бегать...»

— А панычи вчера смеялись, — сказала Дуня, как бы угадав мысли Саньки.

— Отчего они смеялись? — живо заинтересовался Санька.

— Они из тебя смеялись (Дуня так и сказала: «из тебя»).

— А что?

— Говорят: ты свиной пасешь, с тобой они играть не будут.

— Почему? — спросил Рыжик, и сердце у него сжалось от непонятной тоски.

— Они говорят, что свинопас им не товарищ.

— А я им ружей делать не буду! — вспылil было Рыжик, но вскоре его мысли приняли другой оборот. — И то правда, — стал он рассуждать вслух, — и воду тащи, и свиной паси, а сапог шить не дают. Я сапожником хотел быть, а не пастухом... Знаешь, Дуня, — обратился он затем к девочке, — ежели так, я больше свиной пасти не буду. Возьму сейчас всех поросят да брошу в речку, пусть потонут...

— Что ты, что ты! Тебя насмерть изобьют за это.

— Ну и пусть бьют, а я возьму и убегу. Не хочу, чтобы надо мной панычи смеялись. Я сам над ними посмеюсь, когда большой стану.

С этими словами Рыжик встал, схватил кнут и погнал свинью с поросятами к реке. Догадались ли животные о злом намерении маленького пастуха или же им просто пить не хотелось, но только, вместо того чтобы бежать к реке, они бросились в сторону, по направлению к роще. Это обстоятельство окончательно рассердило Рыжика, и он удвоил энергию. Мойпес, сообразив, что его хозяин гонится за свиньями, также бросился за ними.

Испуганные животные с невероятной быстротой неслись по всем направлениям; свинья хрюкала, поросята визжали, собака лаяла, а сам Рыжик, как тигренок, перескакивал с кочки на кочку и, размахивая кнутом, изо всей силы кричал Мойпесу:

— Куси, куси, проклятых!

Через минуту на лугу и помину не осталось как от самой свиньи, так и от ее поросят. Одни только Санька с Дуней стояли возле рощи да Мойпес, высунув язык, тяжело дышал, улегшись у ног хозяина.

— Пусть тетенька теперь ищет своих свиной, — с трудом переводя дух, проговорил Рыжик.

— Их теперь нельзя будет найти? — спросила Дуня.

— Нет, — уверенно ответил Санька, — они будут бежать, бежать, пока до Москвы не добегут, а там и подохнут. Дальше Москвы никто не в силах бежать. Твой дядя рассказывал, что и французы дальше Москвы не могли идти и все перемерзли, а уж поросята наверное погибнут... Вот разве сама свинья выдержит...

— Ох, боюсь! — протянула Дуня.

— Чего?

— Бить тебя будут.

— А я убегу, — успокоил Рыжик Дуню и пригласил ее сесть на траву и разделить с ним обед.

XI

Второй побег

День был знойный, безветренный. С высоты голубого неба палило июньское солнце. Было сонливо-тихо. Широкий луг, обожженный солнцем, пожелтел и замер. Задремала и роща. Только неугомонные и невидимые кузнечики без умолку стрекотали да изредка и как бы нехотя пиликали в роще мелкие птички. Санька с Дуней уселись в тени под густой зеленью молодого орешника. Мойпес растянулся тут же, высунув мокрый и трепещущий язык. Кругом, насколько мог охватить человеческий глаз, не было видно ни одной живой души.

Рыжику было жарко; с него пот катился градом, и он с трудом переводил дыхание.

— Кабы речка близко была бы, вот бы когда я выкупался, — протянул он, вытирая потное и красное лицо.

Дуня молчала. Она была занята думами о поросятах, убежавших, по словам Саньки, в Москву.

Рыжик, отдохнув немного, развязал свою сумочку, достал из нее кусок пшеничного хлеба, пару луковиц, соли и, разделив все это пополам, одну часть положил себе на подол рубашки, а другую отдал Дуне. Та молча приняла свою порцию и апатично стала есть. Временами она отщипывала тонкими пальчиками хлебную мякоть и кидала Мойпесу. Собака на лету подхватывала кусочки и так быстро проглатывала их, что издали можно было подумать, что она ловит мух.

Дети закусили, легли на траву и долго глядели на небо.

— Небо-то какое высокое, страсть! — после долгого молчания заговорила Дуня. — Санька!

— Ась?

— Небо-то, говорю я, какое высокое.

— Да... Ни один человек не может до неба камнем достать.

— А птицы достают небо?

— Нет. Змей, тот достанет.

— Какой змей?

— Бумажный. Вот ежели пустить его да нитку оторвать, он будет лететь, лететь, пока в небо не вдарится...

— А тогда что?

— Тогда он сгорит. Попадет на солнце, а солнце-то все в огне, ну, он и сгорит.

Дети снова умолкли.

— А что, теперь они уже далеко? — опять первая заговорила Дуня.

— Кто?

— Поросята.

— Далеко.

— До Москвы еще не добежали?

— Нет.

— До Москвы надо три дня бежать.

Девочка стала что-то высчитывать на пальцах, а затем, повернув голову к собеседнику, тихо и мечтательно произнесла:

— А знаешь, они в воскресенье будут там.

Рыжик ничего на это не возразил и только глубоко вздохнул: он в эту минуту искренне завидовал поросятам и от души желал превратиться в свинью, чтобы иметь возможность убежать в Москву.

— Ну, я пойду, — вдруг заявила Дуня и поднялась с места.

— Куда? — встрепенулся Рыжик.

— Домой: меня тетка ждет.

— Подожди, не уходи!.. — чуть не плача, взмолился Санька.

Дуня покорно села на траву, всунула в рот указательный палец и задумалась. Задумался и Рыжик. Мальчиком овладевала тоска. В его воображении промелькнул образ Катерины.

— А я домой не пойду... — как бы про себя проговорил Санька, устремив полные слез глаза в пространство.

— Где же ты будешь? — заинтересовалась Дуня.

— Нигде я не буду... У меня нет дома... Меня не любят... обижают... Паньчи смеются... Никто мне не родной. Я ничей...

Говоря это, мальчик употреблял всю силу воли, чтобы не расплакаться; но слезы, помимо его желания, катились из глаз и крупными каплями стекали с подбородка на рубашку и босые

ноги.

Дуня, увидав, что Рыжик плачет, вторично поднялась с места и, боясь, чтобы Санька опять ее не задержал, со всех ног бросилась бежать. Потом она остановилась на минуту и издали крикнула:

— Ты не плачь! Я Зазулихе все расскажу, и она придет за тобой...

А сама побежала дальше. Рыжик с грустью следил за тем, как постепенно удалялась Дуня, как она тонкими босыми ногами проворно перепрыгивала через кочки и канавки и как с каждым мгновением ее и без того маленькая фигурка уменьшалась и таяла в прозрачном знойном воздухе летнего дня.

Не успела девочка скрыться из виду, как с другой стороны луга показалась высокая худая фигура женщины, торопливо направлявшаяся к роще. Зоркие глаза Саньки сейчас же узнали Катерину, и сердце мальчика замерло от страха. Он чувствовал, что Катерина ему спуска не даст за то, что он разогнал свиней, и что она его за это жестоко накажет. Не спуская глаз с бегущей к нему женщины, Рыжик в то же время напрягал весь свой детский ум, подыскивая подходящее для себя оправдание, но ничего придумать не мог. А Катерина между тем была уже близко. Рыжик успел даже разглядеть ее худое продолговатое лицо и горящие злобой серые глаза.

«Убьет, насмерть убьет», — промелькнуло в голове у Рыжика, и он решил бежать. Страх придал ему силу и энергию. Недолго думая, он приподнялся на ноги и бросился бежать, врезавшись в густую зелень рощи. За ним последовала собака.

Пробежав без отдыха минут пятнадцать, Рыжик наконец оглянулся. Возле него стоял с высунутым языком его приятель и тяжело дышал. Умные и влажные глаза Мойпеса были устремлены на мальчика и как бы спрашивали: «Скажи-ка, любезный, долго ли ты намерен меня гонять, как зайца, по лугам и рощам?»

Санька, затаив дыхание, стал прислушиваться, не бежит ли за ним Катерина, но его опасения были напрасны: в роще никого не было. Рыжик постоял еще немного, а затем тихо поплелся дальше, сам не зная куда. Узенькая тропинка, по которой он шел, зигзагами спускалась куда-то вниз. С каждым шагом роща редела и вскоре неожиданно закончилась почти у самой реки. Рыжик очутился в совершенно незнакомой ему местности. Он еще никогда так далеко не заходил. Это обстоятельство его обрадовало и встревожило в одно и то же время. С одной стороны, он был рад, что Катерина его не найдет теперь, а с другой — его стала мучить мысль, что он далеко ушел и что ему не найти обратно дороги. Но когда он осмотрел незнакомую местность, ему сразу сделалось хорошо и легко. Картина, представшая перед его глазами, настолько ему понравилась, что он перестал думать о Катерине, о поросятах и о панычах. Прежде всего Санька увидел, что река в этом месте гораздо шире, чем в городе.

«Здесь мне реку не переплыть», — подумал Рыжик. Он чмокнул губами, приглашая этим звуком Мойпеса, и тихо поплелся к берегу. До слуха мальчика откуда-то доносился глухой, неясный шум. Этот шум он услышал, еще когда выбежал из рощи; теперь же, приближаясь к реке, он совсем уже ясно услышал громкое гуденье, похожее на шум падающей воды. Река в том месте, где находился Рыжик, делала крутой изгиб и совершенно исчезла из виду. Ему захотелось узнать, что там такое шумит, и он пошел вперед, держась вдоль берега. Через несколько минут он обогнул полукруг реки и остановился в радостном изумлении: перед ним выросла большая водяная мельница.

В городе он много слышал о ней. Мальчишки уверяли, что на мельнице живут черти, поедающие по ночам много муки. Заинтересовала Рыжика и «гребля» (плотина). По ней он перешел реку и приблизился к мельнице. У главного входа стояли возы, нагруженные мешками. Возле них топтались на одном месте босые крестьяне. На верхней площадке

наружной лестницы стоял человек, весь белый от мучной пыли, и что-то кричал мужикам; но грохот падающей воды и гуденье мельницы были настолько сильны, что голоса мельника нельзя было расслышать.

Рыжик сделал несколько шагов вперед, обошел мельницу и остановился на самом берегу. Здесь он увидел, как через открытые шлюзы падала вода. Из квадратных отверстий с шумом и свистом вырывалась она и с неудержимой силой падала вниз, в реку. В том месте, где падала вода, река кипела ключом, бурлила и выбрасывала вверх высокие фонтаны. Каскады брызг, освещенные солнцем, точно разноцветный стеклярус, сверкали и кружились в воздухе. Широкие лопасти огромного мельничного колеса то опускались, то поднимались под напором водопада, и таким образом мельница приводилась в движение.

Долго стоял мальчик на одном месте, долго следил он за тем, как пенилась, грохотала и шумела вода, и наконец вынужден был уйти: от сильного шума у него разболелась голова.

Пока Санька смотрел на мельницу, на водопад, на реку, он совершенно забыл о Катерине и обо всем своем горестном житье-бытье, но лишь только он отошел от реки и перед его глазами легла широкая пыльная дорога, незнакомая, неведомая ему, как воспоминания тотчас нахлынули на него и в душу закралась тоска.

— Куда же мы с тобой пойдем, Мойпеска? — обратился Рыжик к собаке.

Собака тихо завиляла пушистым черным хвостом и устремила на маленького хозяина свои круглые глаза.

XII

Встреча

Дорога от мельницы шла в гору и с обеих сторон была обсажена небольшими деревцами. Санька пустился в путь. Он не отдавал себе отчета в том, куда и зачем идет, и почти бессознательно шагал босыми ногами по мягкой дороге. За ним флегматично следовал его телохранитель Мойпес, который меланхолически обнюхивал каждый камешек, каждый кустик. Поднявшись на самый верх дороги, Рыжик остановился в недоумении. Перед ним золотистым ковром легло обширное поле. Колосья почти уже спелого хлеба гнулись к земле, а между ними, точно играя в прятки, скрывались голубые васильки. Солнце склонялось к западу, и жара значительно спала. Направо от дороги, где кончалось поле, Рыжик увидел много белых домиков, утопавших в зелени деревьев, а за домиками вырисовывалась деревянная церковь с золотым крестом.

«Вот так забрался я куда... До другого города!» — мысленно воскликнул мальчик и тревожно стал оглядываться во все стороны.

Санька во всей своей жизни, за исключением ближайших окрестностей родного города, никуда не ходил и ничего не видал. Вот почему он деревню принял за город, вообразив, что он очень далеко ушел. Сердце мальчика еще сильнее забилось в груди, и к глазам подступили слезы. По дороге то и дело попадались люди и возы, нагруженные мешками. Медленно и лениво тащились волы, запряженные попарно, неприятно скрипели колеса телег, в воздухе поминутно слышались понуканья, а пыль темными тучами поднималась над полем и закрывала собой белевшую вдали деревню и церковь. Налево, вдоль дороги, тянулась глубокая канава, заросшая травой. Канава эта отделяла дорогу от поля.

Рыжик, желая скрыться с глаз прохожих и проезжающих, прыгнул в канаву, улегся на дне ее и заплакал горькими слезами. Мойпес, видя, что хозяин плачет, поднял морду и жалобно завыл, как бы вторя ему. Концерт этот длился несколько минут. Вдруг собака перестала выть, поджала хвост и, оскалив зубы, тихо заворчала.

— Вы чего здесь хохочете? — слышался чей-то голос.

Мальчик торопливо вытер глаза и поднял голову. На краю дороги, наклонившись над канавой, стоял человек небольшого роста, одетый самым смешным образом. На нем болтался широчайший серого цвета балахон с двумя крыльями вместо рукавов; ноги его были обуты в желтые башмаки с большими красными пуговицами, а на голове красовалась черная шляпа с такими огромными полями, что издали ее можно было принять за зонтик. Такого одеяния Санька еще никогда ни на ком не видывал. Сам незнакомец был еще более смешон, чем его костюм. Безволосое лицо его имело форму правильного треугольника: острый подбородок и широкие скулы. Рот у него был чуть ли не до ушей, губы толстые, влажные и загнутые вверх, как у негра. Сам он был мал и худ до того, что его легко можно было принять за мальчика, если бы не его морщинистое и помятое лицо. Глаза у него были почти такие же, как у Мойпеса: круглые, без ресниц.

— Можно мне к вам в гости? — тоненьким голоском пропел незнакомец и прыгнул в канаву.

Мойпес заворчал на него.

— Что он говорит? — указывая глазами на собаку, спросил незнакомец у Саньки и при этом скорчил такую рожу, что мальчик едва-едва не прыснул со смеху.

— Я хоть человек образованный, — продолжал он, — но собачьему языку до сих пор не выучился. Ну-с, а теперь здравствуйте, дяденька! — протянул он мальчику руку. — Как поживаете? Здорова ли ваша жена, дети?..

Санька наконец не выдержал и хихикнул.

— А, вы и смеяться умеете! Это хорошо. А позвольте вас спросить, куда вы путь держите?

Рыжик молчал.

— Что же вы молчите, милый пастушок?

— Я теперь не пастух, а иду я в Москву! — вдруг выпалил Санька.

— В Москву-у?! — воскликнул маленький человек и так вытянул физиономию, что она сделалась похожа на большую редьку.

Взглянув ему в лицо, Санька покотился со смеху. Он от души хохотал, забыв о своем горе.

— Что с вами случилось, дядя? Где у вас болит? — совершенно серьезно стал спрашивать у него незнакомец.

Эти вопросы еще пуще усилили смешливое настроение Рыжика, и он залился неудержимым смехом.

— Как вас зовут, любезный? — опять пристал незнакомец, когда мальчик наконец успокоился и его лицо снова приняло серьезное выражение.

— Санька, — последовал короткий ответ.

— Санька? — протянул незнакомец. — А вы русский?

— Русский.

— Странно. Вы русский, а зовут вас Санька. Таких имен нет у русских... Александр есть, а Саньки нет. Хотя какой угодно календарь возьмите — не найдете... Ну, да, впрочем, это все равно. А как вас дразнят?

— Никак.

— Вот и неправда. Я знаю, как вас дразнят...

— А как?

— Рыжиком.

— А ты почему знаешь? — изумился мальчик.

— Я, дяденька, все знаю: я умный. Когда я вижу рыжего, ни за что не скажу, что он голубой или фиолетовый... Итак, мы с вами познакомились. Теперь можно перейти на «ты». Скажи же мне, Рыжик, из какой ты деревни?

— Я не из деревни, а из города, — становясь все смелее, заметил мальчик.

— Вот как! А город твой как называется?

— Не знаю, — совершенно искренне ответил Санька.

Он действительно не знал, как называется его город. Ему никогда не приходилось слышать название родного города.

— Тэк-с... Названия ты не знаешь, а может быть, ты знаешь, где он находится?

— Знаю: вон там, за рощей.

— Ого, как далеко ты зашел...

— Я еще дальше уйду! — хвастливо проговорил мальчик.

— А домой?

— Домой не пойду.

— Почему?

— Катерины боюсь: я разогнал свиней.

— Вот как... И умный же ты человек! Ну, а вот этот господин с тобой пойдет? — указывая на собаку, продолжал расспрашивать незнакомец.

— Со мною.

— Как его зовут?

— Мойпес.

— Я спрашиваю, как его зовут, а не чей он...

— Его так и зовут: Мойпес, — сказал Рыжик.

— Хорошее имя! А ну-ка, господин Мойпес, позвольте и с вами познакомиться...

С этими словами незнакомец протянул руку и хотел было погладить Мойпеса по голове, но, едва только рука коснулась шерсти, собака оскалила зубы и заворчала. Маленький человечек, точно обжегшись, быстро отдернул руку и съежился в комочек.

Рыжик расхохотался.

— Он пива не пьет? — спросил незнакомец, указывая на Мойпеса.

— Нет, — сквозь смех ответил мальчик.

— А почему же у него такая густая октава? Ишь зарычал, лохматый, точно гром прокатился. Ну, да мы с ним еще споемся... Вот что, Рыжик: кушать хочешь?

— Хочу.

— Вот и прекрасно. Давно бы так сказал... Давай пообедаем!

Проговорив это, незнакомец стал вытаскивать из карманов своей крылатки печеную картошку и складывать ее возле себя.

— Обед наш будет состоять из трех блюд. Хорошо?

Рыжик, у которого аппетит разыгрался не на шутку, утвердительно кивнул головой.

— Сначала мы скорлупу поедим, она вкусная, это будет первое блюдо; потом мы картофель съедим, это будет второе блюдо; а на третье будем пальцы облизывать. Хорошо?

Рыжик снова кивнул головой. Незнакомец разделил картофель пополам, и оба с жадностью стали есть, изредка кидая кусочки Мойпесу.

— А знаешь ли ты, кто я такой? — покончив с обедом, обратился незнакомец к мальчику. — Не знаешь? Ну так знай: я придворный маг и волшебник египетского фараона Апчихиноса Третьего. Слыхал ты про такого?

— Нет, — простодушно ответил Рыжик.

— Не слыхал?... Странно... Его все знают... А не хочешь ли, я покажу тебе, какие я умею делать фокусы?

— Хочу, покажи! — подхватил Санька, который уже совсем освоился с незнакомым человеком и чувствовал себя с ним превосходно.

Незнакомец вынул из кармана носовой платок, скомкал его и подал Рыжику:

— На, держи! Только смотри держи крепко.

Рыжик взял платок и сжал его в руке. Он был крайне заинтересован и с нетерпением ожидал дальнейших действий.

— Ну-с, теперь приступим к делу.

Незнакомец закинул рукава крылатки на плечи, протянул руки вперед и уставился глазами в смеющееся лицо Рыжика.

У Саньки ноздри заходили от сдерживаемого смеха. В ту минуту ему было хорошо и весело. Обсыпанное веснушками курносое лицо его расширилось от улыбки и полного довольства. Он крепко тискал в руке грязный платок фокусника и поедал его своими большими карими глазами. Фокусник в широкополой шляпе, рыжеволосый Санька и сладко дремавший возле

них Мойпес, освещенные косыми лучами упавшего на горизонт солнца, красивой группой вырисовывались на светло-зеленом фоне широкой канавы, густо заросшей травой.

— Держишь? — спросил незнакомец.

Санька, боясь расхохотаться, ответил кивком.

— Раз-два-три! Лапу разожми! — скомандовал фокусник. Рыжик разжал руку. Скомканный платок лежал у него на ладони.

— Теперь положи платок в мою руку и сам закрой ее.

Санька быстро исполнил приказание.

— Ну-с, где теперь платок?

— У тебя в руке.

— Отлично.

Фокусник оправился, кашлянул и предупредил:

— Фокус начинается. — Затем он воскликнул: — раз-два-три!.. Где платок мой — поищи!.. — и разжал руку, в которой платка уже не было.

У Саньки вырвался крик изумления. Платок исчез так быстро и так незаметно, что у Рыжика дух заняло от удивления и любопытства.

— Что, ловко? — спросил фокусник.

— А где же платок? — не отвечая на вопрос, почти прошептал мальчик, все еще находясь под впечатлением только что совершившегося, по его понятиям, чуда.

— Платок у тебя. Хочешь — найду?

— А ну!..

— Изволь!

Фокусник в третий раз оправился и воскликнул:

— Дунь-плюнь-разотри, и ко мне, платок, лети!..

С этими словами он рукой дотронулся до уха Рыжика и в ту же минуту отнял ее и поднес руку к глазам мальчика. К великому изумлению Саньки, на ладони фокусника лежал все тот же скомканный платок.

— У тебя в ухе он был, — сказал незнакомец и расхохотался.

Хохотал и Рыжик. Он чувствовал себя до того хорошо, что совершенно забыл о доме, о Катерине и о своем положении.

А солнце все ниже и ниже падало, утопая в золоте заката.

XIII

В лесу

— Ну, брат, прощай! — перестав смеяться, сказал фокусник. — Вон видишь, — добавил он, — солнышко и то спать уходит...

— А ты куда пойдешь? — спросил Рыжик, и только что смеющееся лицо его сделалось грустным.

— Я пойду за ветром.

— Как это — за ветром? — не понял Санька.

— А так... Я не люблю, чтобы ветер дул мне в лицо, поэтому я всегда иду за ветром. Понял?.. Ну, теперь прощай!

Незнакомец поднялся, оправился и протянул Рыжику руку.

— Прощай, мой пунцовый мальчик!.. Передай от меня привет господину Мойпесу, когда он проснется.

Фокусник взялся за край канавы и хотел было выпрыгнуть на дорогу, но Рыжик быстро подскочил к нему и обеими руками ухватился за его широкую крылатку.

— И я пойду с тобою... Возьми меня, голубчик, возьми!.. — взмолился Рыжик.

Мысль, что скоро наступит ночь, а он будет один, сильно его испугала.

— Возьми, возьми меня!.. — твердил он, не выпуская из рук крылатки фокусника.

— Я, братец, далеко иду...

— Ничего, и я пойду. Я тоже хочу за ветром...

— Ха-ха-ха!.. — от души расхохотался фокусник. — И ты за ветром хочешь?.. Ха-ха-ха!.. Ой, батюшки, уморил!.. Ну и чудак же ты! Разве можешь ты со мной идти?.. Ведь я всю жизнь хожу: я бродяга! Понимаешь? Сегодня я здесь, а через месяц ищи меня в Москве...

— И я в Москву хочу! — воскликнул Рыжик.

Незнакомец с удивлением посмотрел на него, покачал головой, а потом спросил:

— А папенька что скажет? А маменька...

— У меня нет никого, — перебил фокусника Рыжик, — я ничей.

— Как это — ничей? — удивился тот.

— Так... Меня нашли... — начал Санька и как мог рассказал в немногих словах историю своего происхождения.

Незнакомец выслушал рассказ внимательно, а затем, подумав с минуту, промолвил, обращаясь к Рыжику:

— Вот что, милейший, я тебе скажу: сейчас я отправлюсь на ночлег. Ты видишь вон там, за полем, большой синий треугольник? Это лес. Там я буду ночевать. Если хочешь, переночуй со мной, а завтра увидим, что будет.

— Хочу, хочу! — подхватил Санька и первый выскочил из канавы.

Через минуту фокусник и Санька направлялись к лесу. Они шли через поле, узкой межей, а позади, фыркая, шествовал Мойпес. Временами он убегал в сторону, и колосья ржи совершенно скрывали его из виду.

Наступил вечер. На далеком горизонте, где пылала заря, точно скалы, недвижимо стояли тучи. Озаренные пламенем заката, они казались раскаленными докрасна. Становилось тише. Ветер чуть-чуть дышал. Природа готовилась ко сну.

Рыжик первый остановился. Перед ним лежало огромное озеро. На противоположном берегу стройно возвышался темный лес. Красные отблески вечерней зари ярко поблескивали на зеркальной поверхности озера.

— Что, брат, хороша у меня гостиница? — услышал Рыжик позади себя голос фокусника.

— Какая гостиница? — не понял Санька.

— А вот эта, что перед нами.

Рыжик ничего не сказал, а только улыбнулся. Мальчик был доволен и счастлив. Он чувствовал себя свободным, и этого вполне для него было достаточно. Теперь Катерины он уже не боялся. Домой его не тянуло. Ему было хорошо с этим незнакомым веселым человеком, который «любит ходить за ветром», а до остального ему дела не было.

— Ну-с, мой рыжий товарищ, идем дальше! — сказал фокусник, хлопнув Саньку по плечу. — Обойдем мы озеро и в лесу заночуем. Я там хорошее местечко выберу.

Рыжик и Мойпес последовали за незнакомцем.

Спустя немного путники обогнули озеро и стали подходить к лесу. Здесь веяло легкой прохладой. Стройными, высокими рядами выступали коричневые стволы громадных сосен. Было дремотно-тихо. За озером угасала заря. Тучи на горизонте остыли и почернели.

В лесу наступили сумерки. Земля, казалось, дышала, и пар от ее дыхания легким дымчатым туманом стлался над остекленевшим озером.

Рыжик с фокусником вошли в лес широкой, чистой, будто выметенной тропой.

— Вот здесь будет наша спальня, — сказал фокусник и остановился.

Место, выбранное для спальни, было восхитительное. Здесь густо росла трава. Вокруг толпились стройные сосны. Озеро находилось в нескольких шагах и хорошо было видно.

— Вот здесь нас никто не увидит и никто не тронет. Ложись, брат, и спи! — проговорил маленький человек и стал готовить себе постель.

Перочинным ножиком нарезал он груды папоротниковых листьев, уложил их в кучу, накрыл их снятой с себя крылаткой и комфортабельно улегся, крикнув от удовольствия.

— Вот так спальня! — воскликнул фокусник, когда Рыжик, приготовив себе точно такую же постель, улегся рядом с ним. — Поди, и губернатор ваш на такой постели не леживал... Ты погляди, рыженький, какая у нас благодать!.. Слышишь, — продолжал фокусник, — как тихо стало? Это потому, что нам спать пора. Вон и озеро уснуло, вон на западе от зари золотистый только след остался... А скоро на небе лампы затеплят...

— Это звезды-то? — подхватил Рыжик, внимательно слушавший фокусника.

— Ты догадливый мальчик. Да, скоро заблестят звезды, а когда мы уснем, поздно ночью тихо

взойдет луна, повиснет над озером и долго будет смотреться в него, как в зеркало... Потом все побледнеет — и луна, и звезды, и само небо... И зазвенит земля. Зашепчутся леса и воды, утренние песни пропоют птицы. Улыбнется небо, и зарумянится восток. И взойдет яркое солнце, и проснется земля...

Фокусник вздохнул и умолк.

— А тогда что? — тихо спросил Рыжик.

— А тогда раздобуду себе вон в том селе, где церковь белеется, завтрак, поем хорошенько, а потом отправлюсь дальше.

— Куда?

— А я и сам не знаю... Дойду до Киева, а там зайцем на машине до Одессы прокачусь; а может быть, другой путь изберу... Человек я свободный: куда хочу, туда иду... В городах я живу только зимою, и то потому лишь, что в это время года бродить в моей шубе холодно. Не люблю я городской жизни, — продолжал фокусник, — там люди всё за деньгами да за каким-то счастьем гонятся. Обгоняя друг друга, они дают слабых, злорадствуют, завидуют и готовы друг другу горло перегрызть... То ли дело бродить по просторным полям и лесам!.. Здесь волк волка не тронет, а уж про зайцев, кроликов да разных букашек и говорить нечего: в них столько доброты и нежности, сколько у людей никогда и не было. А красота какая!.. Какие ночи, какие дни!.. А в городах и неба не видно.

— И я не хочу в городе жить... — мечтательно протянул Рыжик, когда его собеседник умолк.

— Я всегда, всегда с тобою ходить буду...

— Нет, голубчик, со мною ты не пойдешь... Я завтра же отправлю тебя домой...

— Не хочу, не хочу! — с отчаянием в голосе воскликнул Санька.

— Ах ты, глупенький!.. Ну какой ты мне товарищ? Встретил человека и привязался к нему... А может, я разбойник?

— Нет, нет, ты хороший!.. Я с тобой пойду... Не хочу у крестного жить и свиней пасти не хочу...

— Но пойми ты, карапуз этакий, ведь я больной человек: я алкоголик...

— А что это такое?

— Ну, попросту говоря, я пьяница...

— Это ничего, — перебил Рыжик, — я пьяных не боюсь... У нас на Голодаевке их страсть сколько!..

— С тобой не сговоришься... Ну ладно, спи, а завтра мы решим этот вопрос, — сказал фокусник и повернулся спиной к Рыжику.

Наступило молчание.

На небе появились звезды. Тихая летняя ночь неслышно спустилась на землю.

Санька долго не мог уснуть. Голова его работала безостановочно. Он вспоминал все происшествия прожитого дня, и в душу к нему закрадывалось какое-то приятное и в то же время жуткое чувство. Приятно ему было сознавать, что от Катерины он больше не зависит и что теперь он свободен, как птица. Пугала его только мысль о том, что незнакомец может его

бросить, и он тогда останется один с бессловесным Мойпесом. Потом Рыжик думал еще о панычах, о Дуне, об Аксинье. Думал он о том, как он уйдет далеко-далеко, как он вырастет, как он много денег заработает и как он тогда всех осчастливит и обрадует.

Детские наивные мечты усыпили Рыжика, и он уснул спокойным, крепким сном.

Мойпес, растянувшись у ног Саньки, также уснул. В лесу сделалось до того тихо, что малейший шорох, малейший звук явственно нарушали строгое молчание ночи.

— Эй, товарищ, вставай кушать! — услышал Рыжик и проснулся.

Возле него на траве сидел фокусник и перочинным ножиком резал хлеб. Санька не совсем еще пришел в себя и с удивлением поглядывал на него, не понимая, в чем дело.

— Ты что это на меня свои колеса таращишь, аль не узнал? — смеясь, спросил незнакомец.

Санька при первых звуках его голоса улыбнулся и весело потрянул рыжей лохматой головой.

— Ну, ступай к озеру, умойся, а потом садись завтракать.

Рыжик бодро вскочил на ноги и побежал к озеру. По обыкновению, за ним последовал и Мойпес.

— Ну и собака у тебя, чтоб ей кошкой подавиться! — сказал фокусник, когда Рыжик вернулся с озера. — Ни на шаг, четвероногий трубочист, от тебя не отходит...

Рыжик весело рассмеялся, погладил собаку и уселся подле незнакомца.

— Ты где это взял? — спросил Санька.

— Что?

— Да вот хлеб, масло, лук, соль...

— Ты еще, брат, спал, когда я на промысел отправился... Вон где я был... Видишь церковь?

— Вижу.

— Ну, так вот я там был.

Спустя немного, когда путники наелись и когда накормлен был и Мойпес, фокусник стал готовиться в путь-дорогу. Он снял с себя башмаки и крылатку, тщательно уложил их вместе с остатками завтрака в мешок, а затем, найдя рябину, стал вырезать палку.

Рыжик молча следил за всеми движениями незнакомца и со страхом ожидал окончания этих приготовлений. Он боялся, что тот не возьмет его с собою.

— Ну, брат, я готов, — сказал незнакомец, вернувшись с палкой.

Он подошел к своему мешку, бросил его себе на плечи и, сняв шляпу, промолвил, обращаясь к Рыжику:

— Прощай!..

Но не успел он договорить, как Санька, точно ужаленный, вскочил с места, судорожно обнял его и так вскрикнул, что у того сердце сжалось в груди.

— О чем ты? Что с тобой?.. Перестань же! — заговорил фокусник ласковым голосом. — Ну и

спутника нашел я себе, — добавил он и улыбнулся. — Ну, брат, сядем, поговорим.

Рыжик, успокоившись немного, снова опустился на траву рядом с фокусником.

— Ты выслушай меня внимательно, — начал незнакомец, — а потом уже скажи, пойдешь ли ты за мной или нет. Я еще вчера тебе сказал, что я бродяга. Кроме того, у меня еще и паспорта нет. Когда-то я был гимназистом, а теперь я пьяница. Характер у меня такой, что с людьми я жить не могу. Вот почему я всю жизнь брожу без цели, без пользы. Жизнь моя не всякому понравится. Часто, очень часто я голодаю, а осенью провожу ночи под открытым небом. В душе я великий артист. Я так много понимаю и чувствую, что самому себе иногда удивляюсь. Но это все в душе у меня. На самом же деле я никуда не гожусь, и цена мне грош. Вот почему я сделался не артистом, а фокусником и клоуном. Зимой я работаю в цирках и балаганах и все, что получаю, пропиваю до последней копейки... Летом я брожу... Теперь подумай, что ждет тебя, если ты пойдешь со мною. Что могу я, балаганный клоун, тебе дать?

— Мне ничего не надо! — живо воскликнул Рыжик и добавил, скорчив жалостную мину: — Дяденька, добрый, хороший, возьми меня!.. Я тоже хочу клоуном быть.

— Довольно кланяться! — остановил Саньку фокусник. — Я вижу, что ты рожден быть бродягой, а потому я беру тебя. Но только помни: ежели ты хоть раз мне скажешь: «Дяденька, домой хочу!» или реветь станешь — только ты меня и видел. Как щенка, брошу я тебя на дороге. Затем надо тебе с Мойпесом расстаться. Он нам не нужен. Мы не на охоту вышли...

— Он не уйдет... — сказал Рыжик, и голос у него дрогнул.

— А мы вот что сделаем: выйдем на большую дорогу, привяжем его к дереву — у меня ремешок есть, — а сами и уйдем. Пока он ремешок перекусит, мы уже будем далеко. Он поищет-поищет нас, а потом домой убежит... Там ему лучше будет. Согласен?

— Ладно, — тихо ответил Рыжик.

— В таком случае, мы пошли... Ах да, забыл сказать: меня дяденькой ты не зови, терпеть не могу. Меня зовут Иван Раздольев, а клоуны да акробаты прозвали меня за мой маленький рост и легкость в весе Полфунта. Можешь и ты меня, если хочешь, так называть.

Полфунта первый встал, а за ним уже Рыжик и Мойпес. Выйдя на дорогу, Полфунта достал из кармана длинный кожаный ремешок и передал его Рыжику.

— Вот к этому дереву привяжи его, — сказал фокусник Саньке, подойдя к одному из тополей, росших по обеим сторонам дороги.

Рыжик дрожащими руками обвязал ремешком шею Мойпеса, а затем другой конец ремня прикрепил к толстой нижней ветке тополя. Мойпес все время доверчиво смотрел на своего хозяина и тихо вилял хвостом. Когда Рыжик, привязав собаку, поднял голову, Полфунта увидал слезы на его глазах.

— Э, брат, ты плачешь!.. Так я один пойду, — полушутя, полусерьезно заметил фокусник.

— Ишь ты, чай, жалко мне его!.. — насильно улыбаясь, сказал Рыжик, и крупная слеза, точно хрустальный шарик, упала с ресниц и покатилась по щеке.

— А мне вот ремешка жалко: десять лет служил мне... Ну, пойдем, нечего тут стоять.

Путники поспешно ушли.

Рыжик долго не оглядывался. Ему было и грустно и больно. Больше всего жалел он Мойпеса.

Когда было пройдено порядочное расстояние, Рыжик не вытерпел и оглянулся. Ни поля, ни дороги, ни Мойпеса мальчик уже не видал. Только вдали зеленым треугольником выступал сосновый бор. Лохматые вершины деревьев, качаемые ветром, кланялись, и Рыжику казалось, что лес шлет ему прощальный привет.

XIV

Приключения Рыжика начинаются

На седьмой день Полфунта и Рыжик подошли к Киеву.

Путешественники имели бодрый, здоровый вид. Бродячая жизнь понравилась Саньке, и он чувствовал себя прекрасно. Все время стояла чудная погода, и путники отлично проводили дни и ночи под открытым небом. Во время пути Рыжик не переставал восхищаться всем, что только не попадалось ему на глаза. К Раздольеву он привязался всем пылом детской души и не отходил от него ни на шаг. Полфунта оказался очень знающим человеком. На все вопросы Рыжика он отвечал так интересно и понятно, что мальчик готов был его слушать без конца. Полфунта держал себя по отношению к Саньке как добрый товарищ и делил с ним поровну каждый кусок. Если он замечал, что Рыжик задумался или грустит, он тотчас начинал шутить и выкидывать такие штуки, что мальчик покатывался со смеху и мгновенно забывал о своем горе.

Несомненно, что этот странный и никому не ведомый человек искренне привязался к Рыжику и сердечно полюбил его.

— Из тебя, брат, человек выйдет, — сказал он ему как-то раз, — ты мальчик способный... До балагана я тебя не допущу, а определю в такое место, что потом спасибо скажешь. Дай только до Одессы добраться. Жаль вот, что у тебя метрики нет... Ну, да мы вытребуем и это.

Рыжик на все был согласен. Слушая Полфунта, он млел от восторга и заранее строил в уме грандиозные планы.

И вот наконец они дошли до Киева. Благодаря тому, что они пришли в город вечером, древний Киев произвел не особенно сильное впечатление на Рыжика. Помимо этого, Полфунта почему-то избегал главных улиц, а ходил все какими-то закоулками да проулками. К девяти часам они пришли на вокзал. Вот здесь Рыжик насмотрелся диковин! Прежде всего его поразила громадная зала третьего класса, наполненная народом. Кого-кого только не было! И старики, и женщины, и солдаты, и дети, и купцы — все смешалось в одну шумливую, беспокойную толпу, на скамьях, на широких подоконниках — всюду, где только возможно было, лежали сундуки, мешки, узлы и чемоданы. Люди беспокойно сновали взад и вперед, о чем-то кричали, с кем-то переругивались; грудные дети оглашали громадную залу резкими криками.

Санька, попав в эту кашу, до того растерялся, что в первую минуту потерял даже способность соображать. В глазах у него зареяло, и голова закружилась.

— Что здесь? — спросил он у Полфунта, который взял его за руку.

— Здесь вокзал.

— Что это значит?

— А это значит, что отсюда народ уезжает по железной дороге, куда ему нужно. Вот мы, например, уедем в Одессу.

— А где дорога?

— Дорога вот там, за дверью, у которой швейцар стоит.

Полфунта подвел Рыжика к окну, усадил его и сказал:

— Вот здесь сиди и не трогайся с места! Смотри в окно и молчи...

— А ты? — беспокоился Санька.

— А я пойду с кондукторами поговорю. Мы зайцами поедем, — добавил он шепотом.

— Как это — зайцами? — воскликнул Рыжик.

— Тсс!.. Экий ты какой! Молчи, потом все узнаешь.

— Ай-ай! Глянь-кось, что летит! — вдруг закричал Рыжик, увидавший в окно промчавшийся мимо паровоз.

— Вот это и есть машина, которая нас повезет.

— А как она летит?

— Паром.

— А лошадь где?

— Ах, боже мой!.. Ну ладно, потом я тебе все объясню, а пока сиди и не уходи отсюда, — сказал Полфунта и мгновенно исчез в толпе.

Санька уперся носом в стекло и во все глаза глядел на то, что делалось на полотне дороги. Там, по мнению Саньки, происходило нечто невероятное. Громадные фонари, как солнце, ярко освещали всю платформу и полотно дороги. Рельсы, сверкая сталью, длинными змеями уходили вдаль, то переплетаясь, то расходясь. Где-то вдали мерцали в ночном воздухе синие и красные огоньки. По платформе бегали люди в белых фартуках, с бляхами на груди, какие-то господа в фуражках с красными донышками и разный другой люд. Но не это занимало Рыжика. Его вниманием всецело овладел подходивший к платформе поезд. Два чудовищных глаза у паровоза и длинные движущиеся дома, наполненные пассажирами, до того его поразили, что он рот разинул от изумления и даже немного струсил.

— Ну что, как ты тут? — услышал Рыжик голос Полфунта.

— Ай, что там делается! — воскликнул мальчик. — Ты посмотри, народу-то сколько!.. Куда это они бегут?

— Выходят из вагонов. Приехали, ну и выходят. Не ночевать же им.

— И мы так поедем?

— Поедем.

— Когда?

— Через полчаса. Только слушай: я тебя (тут Полфунта понизил голос до шепота) положу под скамейку. Ты лежи смирно и не шевелись. Я буду около. А как приедем, я тебе скажу, и ты вылезешь. Понял?

— Понял. Только бы поскорей.

— Успеешь, еще надоест тебе.

— А долго ехать мы будем?

— Долго, говорю — надоест.

В это время раздался звонок, и толпа, точно обезумев, ринулась к выходу. Поднялась невообразимая давка. Рыжику и Полфунту удалось первыми проскользнуть на платформу. Первыми они попали и в вагон.

— Скорее лезь! — прошептал Полфунта Рыжику и сам помог ему.

Санька мгновенно исполнил приказание. Затаив дыхание, он улегся комочком и закрыл даже глаза.

— Лежишь? — нагнулся к нему Полфунта.

— Лежу, — прошептал Санька.

— Ну и лежи знай! Я скажу тебе, когда вылезать. Кушать не хочешь?

— Хочу, — живо ответил мальчик, обладавший волчьим аппетитом.

— Хорошо! Погоди немного: пусть народ войдет; я побегу за булкой...

— Ты с кем это там? — вдруг раздался над головой Полфунта чей-то хриплый бас.

Он вздрогнул и поднял голову. Перед ним с чемоданом в руке стоял толстый купчина, с лопатообразной светлой бородой и хитрыми, но добродушными глазами.

— Двунюгого зайца везешь, а? — усмехнулся купец.

— Братишка мой... Платить нечем, я его и того... — начал было Полфунта, но купец перебил его:

— Дорога не моя: вези сколько хочешь... Только гляди, чтобы воришкой зайчик не оказался.

— Что вы, что вы!.. Ведь я тут буду...

— А у тебя билет есть?

— У меня... Скажу правду, и у меня нет. Было у меня два рубля — кондуктору отдал... Уж вы пожалуйста!

— Да чего ради просишь! Сказывал я, что не моя дорога.

Вагон наполнился народом. Перед глазами Рыжика замелькали ноги. Под скамейкой сделалось темно.

Раздался второй звонок. Полфунта вспомнил, что обещал Рыжику булку, и стремглав бросился вон из вагона. Толкая встречных, он побежал к буфету третьего класса. Там он

схватил булку и бросил буфетчику двугривенный.

— Скорее, пожалуйста, сдачи, а не то я опоздаю, — дрожа от нетерпения, проговорил Полфунта, обращаясь к буфетчику.

Тот, не торопясь, внимательно осмотрел монету, бросил взгляд на покупателя и сквозь зубы процедил:

— Все едино опоздал.

С этими словами он подал клоуну сдачу.

— Как — опоздал?! — не своим голосом воскликнул Полфунта и как сумасшедший бросился на платформу.

Там, к ужасу его, поезда уже не было. Оказалось, что третий звонок он принял за второй, когда побежал в буфет.

С фокусником чуть дурно не сделалось.

— Что я наделал? Что теперь будет с мальчиком!.. — в отчаянии прошептал он и прислонился к холодной каменной стене вокзала.

Часть Вторая

I

На произвол судьбы

Рыжик лежал под скамейкой и долго прислушивался к монотонному стуку колес. Этот стук в конце концов убаюкал его. Привыкший ко всякого рода постелям, Санька и под скамейкой вагона уснул крепким, сладким сном.

Ночью кондуктора закрыли окна, и в вагоне сделалось душно и жарко. Пассажиры, кто лежа, кто сидя, боролись с дремотой, настойчиво овладевавшей ими. Лучше и покойнее всех спал бородатый купец, с которым разговаривал Полфунта. Он лежал на скамье лицом вверх и храпел на весь вагон.

Толстые стеариновые свечи трепетно горели в двух висевших над дверьми фонарях. Освещение было слабое, и в вагоне царил полумрак. Движение, хлопанье дверьми и разговоры давно уже прекратились, и все вокруг успокоилось, умолкло и притихло. Только сам поезд, не боясь темной ночи, с грохотом и свистом мчался вперед и, точно звезды, разбрасывал по сторонам красные, быстро гаснущие искры...

Рыжик спал и видел какой-то чрезвычайно интересный сон, как вдруг он почувствовал, что его кто-то тянет за ноги. Рыжик проснулся. Забыв, где он находится, он хотел было вскочить на

ноги, но при первой же попытке так ударился головой о скамейку, что окончательно потерял сознание.

Вытаскивал Рыжика из-под скамейки младший кондуктор, сухопарый мужчина высокого роста, с черными тонкими усами, опущенными вниз, как у китайца. Помощник действовал по приказанию обер-кондуктора, стоявшего тут же, рядом с контролером. Случилось так, что контролер, проверяя билеты, нечаянно уронил щипцы возле скамейки, под которой лежал Рыжик. Контролер нагнулся и увидел ноги мальчика.

— Это что такое? — строго спросил контролер у обер.

— Что-с?

— А вот то-с!.. Ноги чьи?.. А ну-ка, опусти фонарь! — строго обратился контролер к младшему кондуктору.

Помощник немедленно исполнил приказание. Ручной фонарик, поставленный на пол, бросил яркую полосу света и осветил грязные босые ноги Рыжика, торчавшие из-под скамейки.

— Тащи его! — коротко скомандовал контролер.

Младший кондуктор стал вытаскивать Саньку.

— Ишь, брыкается! — проворчал кондуктор. — Шалишь, брат, у меня живо вылезешь...

Саньку вытащили и поставили посередине вагона.

— Ты кто такой? — строгим голосом спросил у Рыжика обер-кондуктор и навел на него фонарь.

Яркий, сильный свет ударил мальчику в лицо, и он невольно закрыл глаза.

Обер-кондуктор отлично знал, откуда взялся Рыжик, потому что он от Полфунта недаром получил два рубля. Но об этом не должен знать контролер. И вот, чтобы снять с себя всякое подозрение, обер напустил на себя необыкновенную строгость.

— Этаким клоп, а уже зайцем разъезжает! — воскликнул обер и опустил фонарь.

— Откуда ты взялся? — спросил, в свою очередь, контролер.

Рыжик упорно молчал. Он не мог говорить: страх сковал его, и он стоял перед кондукторами в каком-то оцепенении. Мысли его спутались, и он не мог даже ясно понять, что, собственно, с ним случилось. Обстановка, в которой он очутился, пуще всего пугала его. Этот качающийся, плохо освещенный вагон, эти спящие пассажиры, усатые кондуктора и, главное, отсутствие Полфунта совершенно ошеломили и уничтожили Рыжика. Горе мальчика было так велико, что он не только говорить, но даже плакать не был в состоянии.

— Его спустить надо... — не получив от Рыжика ответа, сказал контролер.

— На полустанке прикажете? — спросил обер.

— Конечно! Не в Одессу же везти его без билета! Пусть погуляет по степи...

Контролер повернулся к выходу. За ним последовал обер-кондуктор.

— Ты его на первой остановке спустишь, — прежде чем уйти, сказал обер младшему кондуктору.

— Слушаю-с! — ответил тот и взял Рыжика за плечо.

Санька был ни жив ни мертв. Он плохо понял, о чем говорили кондуктора, но какое-то предчувствие подсказывало ему, что с ним сейчас сделают нечто ужасное.

— А, зайца поймали! — вдруг пробасил проснувшийся купец. — А где же тот, в крылатке который?

Рыжик бросил робкий взгляд на купца, на его лопатообразную бороду и низко опустил голову. Младший кондуктор крепко держал его за плечо, точно он боялся, чтобы Санька не убежал.

Пассажиры, разбуженные поднятым кондукторами шумом, с любопытством стали следить за всем, что происходило в вагоне. Некоторые из них вставали со своих мест, подходили к Саньке и заговаривали с ним. Но Рыжик, перепуганный и растерянный, не проронил ни звука.

— Откуда он взялся?.. Куда он едет? — спрашивали пассажиры друг у друга.

— Он из Киева едет, — громко заговорил купец. — Тут был с ним один, в крылатке...

— Где же он? — спросила какая-то женщина с ребенком на руках, сидевшая напротив купца.

— А кто его знает!.. Втолкнул под скамейку мальчика, а сам побежал... за булкой, сказывал; а, иначе, нет его... Мазурики они... — закончил купец таким тоном, будто он имел неопровержимое доказательство, что те, о ком шла речь, были мазурики.

— Вот они какие!.. — протянула женщина и, глядя на Рыжика, укоризненно качала головой.

В это время поезд замедлил ход. Кондуктор потащил Рыжика к дверям.

— Послушайте, куда вы мальчика тащите? Нельзя так ребенка вышвыривать! — запротестовал кто-то из пассажиров.

— Вот уж ироды! Ночью мальчика выбрасывают... — слышался еще чей-то голос.

Кондуктор на мгновение остановился, посмотрел в ту сторону, откуда раздавались голоса, а затем широко раскрыл дверь и вышел вместе с Рыжиком из вагона. Поезд с каждой секундой замедлял ход. Ночь была теплая, душная и темная. Чувствовалось приближение грозы. Рыжика залихорадило. Страх окончательно овладел мальчиком.

Поезд между тем стал останавливаться. Раздался свисток, протяжный, унылый... Вагоны запрыгали, переходя с одних рельсов на другие. Мелькнули два-три зеленых огонька. Поезд остановился.

— Ступай, — почти прошептал кондуктор, помогая Рыжику слезть с площадки.

Санька ступил босой ногой на холодную железную лесенку площадки.

— Сейчас поезд пойдет... Отходи в сторону, а то, гляди, под колеса попадешь, — сказал кондуктор, которому вдруг до боли стало жаль мальчика.

Рыжик услышал добрые, участливые нотки в голосе кондуктора и заплакал горько, жалобно...

— Дяденька, я боюсь... Миленький... родненький!.. — залепетал сквозь рыдания Санька, судорожно обхватив обеими руками ноги кондуктора.

В это время раздался свисток. Кондуктор заторопился:

— Ничего я, голубчик, не могу сделать... Вон там видишь огонек? Туда и ступай... Там

станция...

— Дяденька, миленький, боюсь... — твердил свое Санька, обливая слезами сапоги кондуктора.

— Ничего я не могу сделать... — с горечью прошептал кондуктор и насильно оторвал крепко вцепившегося в него мальчика. — Ступай на станцию, скоро гроза будет, — добавил он и стащил Рыжика вниз.

Только он успел это сделать, как раздался оглушительный, резкий свисток, и поезд снова запрыгал по рельсам. Через минуту поезд был уже далеко.

Рыжик остался один. Он стоял на песчаном откосе железной дороги и горько плакал. Ему было жаль самого себя. Вокруг было темно и тихо. Только стук умчавшегося поезда далеким, едва слышным отголоском долетал до слуха Саньки.

Полустанок спал мирным, крепким сном. Начальник крохотной станции, он же телеграфист и кассир, проводив поезд, прошел в телеграфную комнату. Сторож, зная, что поездов больше не будет, отправился спать. На станции воцарилась тишина.

Рыжик, брошенный на произвол судьбы, вдоволь наплакался, вытер подолом рубахи лицо и медленно направился к станции, куда манило его освещенное окно телеграфной комнаты. Мальчиком стало руководить чувство самосохранения. Безлюдная равнина, темная ночь и сознание полнейшей беспомощности ужасали Рыжика.

Когда Санька взошел на деревянный помост платформы, на небе сверкнула молния. Синей огненной змейкой врезалась она в черные тучи и на мгновение озарила их ярким, ослепительным светом. Гром сухой, трескучей трелью рассыпался под сводом низко упавшего неба. Вслед за первой молнией вспыхнула другая, третья, четвертая... Небо рвалось на куски, а из расщелин грозowych туч вырывалось злое, синее пламя. Озлобленное и грозное небо заговорило, и мощный голос его, разносимый ветром, оглушительными раскатами проносился над притихшей, испуганной землей.

Рыжик окончательно струсил и бегом направился к станции. Молнии неоднократно озаряли маленький желтый домик вокзала. Подбежав к окну телеграфной комнаты, Рыжик на мгновение остановился. В комнате, освещенной большой лампой с синим колпаком, сидя перед аппаратом, дремал молодой человек. Рядом с окном Санька увидал дверь. Он подошел и толкнул ее плечом. Дверь бесшумно открылась, и Рыжик очутился в небольшой квадратной комнате. На одной из стен горела висючая лампа. Огонь в лампе был маленький и слабо освещал комнату. Однако Рыжик успел разглядеть длинную скамью, на которой спал какой-то человек. Другой конец скамьи был свободен. Санька тихо подошел к скамье и сел. Тут он разглядел спавшего. Это был старик с длинной седой бородой. Ноги старика были обуты в кожаные опорки. Возле него лежал небольшой, чем-то наполненный полосатый мешок. Рыжик сидел несколько минут без движения, боясь, что сейчас придет кто-нибудь и выгонит его вон. Но потом он немного освоился и решил прилечь. Он лег головой к ногам старика и уснул под шум дождя, который барабанной дробью стучал по крыше вокзала.

II

Дедушка

Рыжик еще спал, когда гроза прошла и стало светать. На небе шла торопливая,

лихорадочная работа. Ветер молча разрывал огромные тучи. Рыхлые серые клочья облаков, будто в панике, метались по необъятному куполу. Все светлее и светлее становилось небо. Голубые просветы постепенно расширялись, и к восходу солнца небо сделалось совершенно бирюзовым. На станции появились люди. Откуда-то пришел сторож, неуклюжий, здоровый и сутуловатый украинец. На нем были тяжелые сапоги, пропитанные дегтем. В руках он держал длинную метлу. Проходя мимо спавших старика и Рыжика, сторож остановился, бросил взгляд на Саньку, а затем, громко и сладко зевнув, отправился мести платформу. Потом явился какой-то высокий, худой человек в белом кителе и в форменной фуражке. Человек этот прошел в телеграфную комнату. Через минуту из телеграфной комнаты раздался звонок. Сторож, услышав на платформе сигнал, бросил метлу, подошел к зданию вокзала и несколько раз дернул веревку колокола, висевшего над дверьми. Резкий, неровный звон разбудил старика. Он медленно поднялся, сел и стал потягиваться. Потом он, как вор, обшарил глазами комнату и остановился на Рыжике. Небольшие темные глаза его, притаившиеся под седыми нависшими бровями, как-то загадочно смотрели на мальчика. Санька, свернувшись калачиком, спал лицом к стене. Старик не спускал глаз с Рыжика до тех пор, пока из телеграфной не вышел дежурный — тот самый молодой человек, который ночью спал, сидя за аппаратом. Телеграфист вышел на платформу и стал прогуливаться взад и вперед. Несмотря на теплую погоду, молодой человек ежился, прятал руки в рукава и часто позевывал.

Старик зорко следил через окно за тем, что происходило на платформе, и в то же время не упускал из виду и Рыжика. Широкоплечий, здоровый, он имел свежий, бодрый вид. Его старила одна только борода. Одет он был, как нищий: в рваную, заплатанную свитку и в грязную серую рубаху с раскрытым воротом. Убедившись, что на вокзале никого нет, старик подвинулся к Саньке и осторожно стал будить его, слегка дергая мальчика за плечи. При этом он полузакрывал глаза, и лицо его сделалось неподвижным, как у слепых.

Санька проснулся и вскочил на ноги. События вчерашнего дня не успели еще изгладиться из памяти, и он проснулся, охваченный страхом и беспокойством. Как раз в ту минуту, когда Санька, разбуденный стариком, вскочил на ноги, мимо станции с грохотом и свистом промчался курьерский поезд. Рыжик глазом не успел моргнуть, как мимо окна с быстротой молнии промелькнуло что-то большое, черное и скрылось из виду. Спустя немного, когда станционный домик перестал вздрагивать и когда гуденье умчавшегося поезда стихло, Рыжик поднял голову и робко взглянул на старика. Тот стоял уже со своим полосатым мешком за плечами и с длинной толстой палкой в руке, готовый, по-видимому, уйти. Рыжик, как только взглянул на старика, так сейчас же решил, что дед слепой. Последнее обстоятельство почему-то успокоило мальчика, и когда старик протянул свободную руку и стал ощупывать его, как какой-нибудь неодушевленный предмет, Санька совершенно спокойно отнесся к этому, зная, что слепые люди всегда так делают.

— Ты здешний? — тихим, дрожащим голосом спросил старик, проводя рукой по голове и плечам мальчика.

— Нет, я не здешний, — жалобным тоном ответил Рыжик.

— Откуда же ты, касатик?

— Не знаю, — совсем уже плаксиво пробормотал Санька, и на ресницах у него сверкнули слезы.

При последнем ответе мальчика в полузакрытых глазах старика неожиданно блеснул беспокойный, но радостный огонек.

— Ох, грехи наши тяжкие! — вздохнул дед, а затем добавил: — А что, касатик, не можешь ли ты меня вывести отсюда?.. Я слепой и ничего не вижу... Тут двери есть... Вчера, спасибо

сторожу, пустил меня переночевать... Проводи, касатик, а?..

Старик положил руку на плечо Рыжика и почти насильно повернул его к выходу. Санька молча повиновался.

— Здесь, дедушка, ступеньки, — счел он нужным предупредить старика, когда они стали выходить из вокзала.

— Спасибо, спасибо тебе, касатик! — кряхтя, промолвил дед, ощупывая посохом дорогу. — Ох, нехорошо, деточка, быть слепым... Ничего не видишь, ничего не знаешь... Всегда темнота перед тобою лежит... Что сейчас — день аль ночь?.. Не знаю...

— Утро сейчас, дедушка, — подхватил Санька.

Старик остановился, снял шапку и перекрестился. Он тихо шептал молитву и низко кланялся. Рыжик стоял подле и обводил тоскливым взором незнакомую местность. Позади остались желтый домик станции с красной железной крышей, рельсы, полотно дороги и золотые отблески восходящего солнца. Впереди же широко и свободно разметалась обнаженная степь.

Никогда еще Рыжик не видал такого простора, такой шири.

Нарядное голубое небо, убранный по краям серебристо-светлыми тучками, висело над необъятной покойной и безлюдной равниной. Ветер чуть слышно пробежал, обдавая теплым дыханием задумавшегося Саньку. Он думал о вчерашнем дне, о Полфунте, о Мойпесе... Двухнедельное путешествие с Полфунтом оказало сильное влияние на впечатлительного мальчика. Он за это время сделался серьезнее и словно старше. Благодаря фокуснику Рыжик узнал об очень многом из жизни людей, стран и городов. Всезнающий и опытный Полфунта посвятил своего маленького спутника во все тайны бродяжнической жизни. Рыжик живо воспринимал все, о чем рассказывал Полфунта, и наивные, заманчивые грезы наполняли его восторженно настроенное воображение. Еще вчера только, подходя к Киеву, Санька вслух мечтал о том, как они с Полфунтом обойдут всю землю, как они будут в цирках представлять, как они много-много денег заработают и как он, Санька Рыжик, богачом вернется к себе на Голодаевку и удивит всех своим роскошным костюмом. Дуне он полный кошелек с деньгами подарит, а Мойпесу принесет золотой ошейник... Полфунта с улыбкой на губах слушал детский лепет мальчика и одобрительно покачивал головой. И вдруг все эти мечты неожиданно разлетелись в прах, и даже сам Полфунта исчез неизвестно куда.

Рыжик знал, что машина далеко увезла его за ночь и что встретиться теперь с Полфунтом невозможно. Рыжик понимал и чувствовал, что он всеми покинут, что он оставлен на произвол судьбы, и это главным образом угнетало, мучило и доводило мальчика до отчаяния. Как бездомный, выброшенный на улицу щенок пристает ко всякому прохожему, так и Санька готов был пойти за кем угодно, чтобы только не быть одному. Вот почему он так охотно последовал за незнакомым слепым дедушкой.

— Ох-хо, грехи тяжкие!.. — прошептал старик, надел шапку и снова положил руку на плечо Саньки.

Рыжик, выведенный из задумчивости, вздрогнул от неожиданности и взглянул на дедушку. Лицо старика, обрамленное седой окладистой бородой, было покойно, неподвижно, а полузакрытые глаза под густыми бровями выражали безжизненность и равнодушие ко всему окружающему.

— А что, касатик, глазки у тебя хорошие? — обратился старик к Рыжику.

— Хорошие.

— Ну и скажи спасибо, что хорошие... Не дай бог быть слепым... А что, касатик, не видишь ли тут местечка такого, где бы нам присесть можно было да закусить?

— Вижу такое место, — быстро ответил Санька, у которого при слове «закусить» явился волчий аппетит. — Вон там, за кустами, где камни лежат, хорошо сидеть будет...

— Ох, не вижу... Веди меня, касатик! — перебил Рыжика старик.

Мальчик охотно исполнил просьбу, и спустя немного они оба сидели на пропитанной не то дождем, не то росой траве. Широко разросшиеся, светло-зеленые, омытые грозой кусты скрывали их из виду. Рыжик недаром пространствовал две недели с Полуфунтом. Он умел уже выбирать укромные местечки и с чисто бродяжническим комфортом устраиваться на лоне природы.

— Вот сюда, дедушка, садись! — заботливо говорил он, помогая старику сесть. — Здесь тебе хорошо на травке будет, а мешок на камень положим.

— Спасибо, касатик, спасибо, — кряхтел старик, усаживаясь.

Потом дед ощупью развязал мешок, достал два больших ломтя белого хлеба, несколько огурцов, соли и складной ножик. Они принялись за еду. Старик ел не спеша, Рыжик, наоборот, ел с жадностью и глотал недожеванные куски хлеба.

— Откуда же ты, касатик, пришел сюда? — спросил старик после некоторого молчания.

— Я приехал на машине, — отвечал Санька и тряхнул кудрями. — Я, — продолжал он, проглотив последний кусок хлеба, — под скамейкой ехал... из Киева...

— Из Киева?! — вырвалось восклицание у старика.

— Да. Я с Полфунтом туда пришел...

— С кем? — заинтересовался дед.

— С Полфунтом, — повторил Рыжик и тут же рассказал всю свою историю.

Рассказывал Санька бойко, толково и с увлечением. Дед весь превратился в слух и внимание. Во время рассказа Рыжик как-то случайно взглянул на своего слушателя и остановился на полуслове: его испугали и поразили глаза старика.

Дед смотрел на него совсем не как слепой. Глаза его были широко раскрыты, и в них светился живой, трепетный огонек. В черных блестящих кружочках его зрачков Санька успел разглядеть двух крошечных мальчиков.

Дед, увидав, что Санька глядит на него с разинутым ртом, медленно опустил веки, и светлый огонек угас в его глазах.

— А дальше что с тобою было, касатик? — как ни в чем не бывало спросил старик.

— Дедушка, ты не слепой? — вместо ответа, в свою очередь, спросил Рыжик.

— Слепой, касатик, слепой... Ох, ежели б я зрячий был!.. У меня, касатик, вода темная в глазах... Смотрят у меня глаза, а ничего не видят. Солнышка и того не видят.

Санька обвел глазами старика, успокоился и стал продолжать свой рассказ.

— Куда ж ты, касатик, теперь пойдешь? — спросил у него дед, когда мальчик насытился.

— Не знаю, — тихим, грустным голосом ответил Санька.

Старик опустил голову и задумался. Наступило молчание.

В это время над степью взошло солнце и залило равнину ярким светом и теплом. Ветер притаил дыхание.

День обещал быть жарким, знойным.

— Ох-хо, грехи тяжкие!.. — нарушил наконец молчание старик и поднял голову. — Так как же, касатик, куда ты пойдешь?

Санька молчал, готовый заплакать.

— Ну, слушай, малец, что я скажу тебе, — не получив ответа, снова начал дед, — человек я калечный, бедный, живу, как видишь, подаянием... И вот, ежели хочешь, я возьму тебя в поводыри. Ты будешь мне дорогу показывать, а я просить, и будем мы сыты. Как скажешь, касатик?

— Хорошо, пойдем! — обрадовался Рыжик.

— Ну вот и отлично: компанию, стало быть, составили, — улыбнулся дед. — А теперь ты мне еще вот что скажи, касатик: сколько тебе лет?

— Одиннадцатый.

— А зовут тебя как?

— Санька.

— А ходить умеешь?

— Умею. Мы с Полфунтом две недели ходили...

— Хорошо... Ты умный, должно быть, мальчик... Ну, а теперь пора нам в путь-дорогу. Пока солнышко не жжет, мы до места доберемся.

— До какого места, дедушка? — любопытствовал Рыжик.

— А вот до какого, касатик: пойдем это мы по дороге, все прямо да прямо. Этак верст двенадцать пройдем, а там и город будет...

— Какой город?

— А какой, облаковенный, — замялся немного старик.

— А как он называется?

— Архипом звать меня, касатик. Так и зови меня — дедушка Архип.

— Нет, я про город, дедушка, спрашивал.

— Про город?.. Гм... Как он прозывается... Запомню... Да, вот как: Незнамов город прозывается... Ох-хо, грехи тяжкие... — в заключение простонал дед и поднялся с места.

Через четверть часа дедушка Архип и Рыжик пустились в путь.

Среди нищих

Было еще рано, когда дед с Санькой подошли к городу «Незнамову», как называл его дедушка Архип. Небольшой город прятался в зелени деревьев и почти не был виден. Только кое-где из-за тенистых садов выглядывали белые уютные домики. Зоркие глаза Рыжика еще издали увидели в густой зелени садов спелые вишни. Маленькими красными шариками висели вишни на тоненьких, будто восковых, веточках и дразнили Рыжика.

— Ой-ой-ой, сколько вишен! — невольно вырвалось у него.

Карие глаза Саньки забегали по зеленым вершинам деревьев, врезывались в самую чащу и находили бесчисленное множество спелых вишен.

— Дедушка, чьи они? — спросил Рыжик.

— Кто, касатик?

— Да сады?

— А горожанские они. У кого домик, у того и садик имеется...

— Хорошо здесь, дедушка! — с чувством проговорил Санька, войдя в город.

Здесь все для него было ново, и все ему здесь нравилось. С дедушкой он держал себя совершенно свободно и нисколько его не боялся. Рыжик имел способность скоро привыкать к людям и к новым местам.

В городе народу было мало. Все, должно быть, попрятались от жары. Тишина и покой царили на безлюдных и немощеных улицах Незнамова. Только на обширной базарной площади, куда наши путники попали, пройдя несколько улиц, заметно было движение. Здесь не было ни садов, ни маленьких домиков. Квадратная площадь была с трех сторон застроена каменными одноэтажными корпусами, в которых помещались лавки, магазины и амбары. На восточной стороне площади возвышалась многоглавая церковь с высокой желтой колокольней. Мужики, бабы, дети, горожане, монашки шумной толпой двигались по площади. Говор, смех и различные восклицания беспрерывно раздавались то там, то сям и нарушали тишину летнего знойного утра.

Рыжик остановился.

— Теперь куда, дедушка, идти? — спросил он, с любопытством вглядываясь в толпу.

Он все еще надеялся встретить Полфунта, о котором сильно тосковал.

— А мы третью улицу уже прошли? — в свою очередь, спросил дедушка.

— Прошли. Теперь мы там, где людей много.

— А церковь видишь?

— Вижу. Вон она там...

— Пришли, значит... Ох-хо, грехи наши тяжкие!.. — Старик снял шапку и перекрестился. — Теперь, касатик, — заговорил дед, — веди на церковь, а от церкви я скажу, куда повернуть.

Дедушка положил руку на плечо Рыжика, поправил мешок на спине, и они двинулись в путь.

По дороге Санька, вглядываясь в прохожих, заметил среди них много длинноволосых людей, одетых в подрясники, как послушники. Между ними попадались и женщины в черных платочках и в грубых мужицких сапогах с подковами. Как у женщин, так и у мужчин за спинами висели котомки, кожаные сумки; у кого помимо сумки болтался жестяной чайник, а у кого и чугунный котелок. Таких людей Рыжик встречал на большой дороге под Киевом. Полфунта называл их «дармоешками».

Рыжик шел на церковь, держась середины базара. Площадь хотя и была вымощена, по камней почти не было видно: они были покрыты соломой, мокрыми клочьями сена и навозом.

Санька ловко проскальзывал мимо лошадей, телег, волов и людей, таща за собою дедушку Архипа. Когда они прошли половину площади, ударил церковный колокол. Густой, сильный звон, вырвавшись из высокой колокольни, пролетал над залитой солнечным светом площадью, заглушал говор и шум подвижной, оживленной толпы и, медленно затихая, таял в теплом светлом воздухе.

Дед, услышав звон, заспешил сам и заторопил мальчика.

— Шагай проворней, касатик, — обратился он к Рыжику, — а то, гляди, поздняя отойдет, и монастырь опустеет.

— Какой монастырь, дедушка?

— А церковь, про которую я давеча спрашивал; церковь-то эта и есть монастырь. Женский он... Народу страсть сколько там... Сегодня храмовой праздничек. Ярмарку вчера открыли.

— Дедушка, мы, стало быть, на ярмарке теперь? — воскликнул Санька.

— На ярмарке, касатик, на ярмарке... Чай, видишь, народу-то да шуму сколько...

Рыжик прибавил шаг. То обстоятельство, что он неожиданно попал на ярмарку, почему-то сильно его обрадовало. Он живо вспомнил родной город, тамошние Проводскую и Успенскую ярмарки, и сердце его усиленно забилося. Пока он с дедом достиг церковной паперти, он успел мысленно пережить все свое прошлое. В воображении Саньки пестрой вереницей проходили дорогие его сердцу образы и картины. Рыжик вспомнил Голодаевку, обрыв, речку, сады и огороды. Вспомнил он Дуню, Зазулей, панычей, Катерину, поросят... А когда в его воображении как живой появился Мойпес, мальчик чуть не заплакал. Он вспомнил, как доверчиво и незлобно глядели на него добрые и умные глаза собаки, когда он привязывал ее к дереву... «Вот бы теперь встретить Мойпеса и Полфунта!» — подумал Рыжик, и ему начинало казаться, что он на самом деле сейчас встретит своих друзей. Но мечта эта так и осталась мечтой.

Широкая каменная паперть была вся усеяна нищими и «дармоешками», как прозвал Полфунта собирающихся странников и странниц. Такого множества оборванных, грязных, искалеченных людей Рыжик еще никогда не видал. Точно галки, облепили они паперть со всех сторон и мешали свободно пройти в церковь. Тут попадались калеки, больные и здоровые нахальные люди, для которых нищенство давно уже превратилось в ремесло. Все они смешались в одну беспорядочную, беспокойную толпу, представляя собою огромную смесь живых уродов. Здесь были горбатые, слепые, хромые, безрукие; среди них были женщины, дети и дряхлые старцы. Некоторые нищие, выбрав более видное место, уселись в ряд и, точно товар, выставили напоказ свои незажившие раны и язвы. При появлении

молящихся вся эта пестрая толпа нищих и длинноволосых странников приходила в движение, кланялась и гнусавыми голосами, стараясь перекричать друг друга, заводила одну и ту же песню: «Подайте Христа ради!..»

Дедушку Архипа некоторые нищие сейчас же заметили и заговорили с ним. По всему было видно, что дедушка здесь свой человек.

— С приездом вас, дедушка! — слышался чей-то хриплый голос.

Рыжик бросил взгляд на говорившего и невольно содрогнулся. Человек, приветствовавший старика, имел ужасный вид. Лицо его, давно не бритое, со щетинистыми коричневыми усами, было избито, окровавлено и покрыто синяками. Плечистый, здоровый и высокий, он был оборван до невозможности. На нем висели бесформенные грязные тряпки, плохо покрывавшие тело. Говорил он хриплым, неприятным басом и едва держался на ногах: он был пьян.

— Что в Киеве делал?.. Почему мелюзгу спустил?.. — продолжал он, обращаясь к Архипу.

Но тот оборвал его.

— Не звони, Ткач: я с родимчиком,[1] — сказал дед.

Оборванец, услышав слова деда, устремил свои подбитые глаза на Рыжика, проворчал что-то и умолк. В это время народ стал выходить из церкви, и нищие заволновались. Низко и непрерывно кланяясь, они протягивали руки, держа их ладонями вверх, и под колокольный звон затягивали нескончаемую песню.

— Подайте Христа ради калечному, бездомному!.. — раздавалось с одного места.

— Православные благодетели!.. Милосердные христьяне!.. — доносилось с другого конца.

Рыжика больше всего интересовала ярмарка. Он долго и жадно следил за всем, что происходило перед его глазами, забыв о дедушке и о собственном своем положении. С высоты паперти Рыжику хорошо была видна базарная площадь. Санька до тех пор глядел на толпу, пока его глаза не устали и перед ним все не смешалось и не запрыгало в смешном и нелепом беспорядке. Площадь, покрытая навозом, соломой и клочьями сена, длинноусые украинцы в смазных сапогах и широких шароварах, бабы в цветных платочках, вола, кони, телята, телеги, ребятишки, евреи с черными пейсами, в туфлях и белых чулках, козы, бараны — все это слилось в глазах Рыжика в одну темную движущуюся массу.

— Пойдем, касатик, пора, — услышал Санька голос деда, и тогда он только очнулся и пришел в себя.

Из церкви народ уже вышел. Нищие также стали расходиться. На паперти становилось просторнее.

— Дедушка, а куда мы пойдем? — спросил Рыжик.

— Куда все идут: на монастырский двор. Там потрапезуем и на постоянный отправимся, на отдых, значит.

Монастырский двор находился рядом с церковью и был со всех сторон огорожен высокой каменной оградой серого цвета. Массивные ворота на громадных железных болтах были настежь раскрыты.

— Вот сюда, прямо в ворота, и ступай! — проговорил дед, когда Санька остановился в нерешительности.

Они вошли на монастырский двор, переполненный народом. Направо от ворот, вдоль ограды, тянулся густой, тенистый сад. Он заканчивался на противоположном конце двора, где выступали желтые каменные здания, с окнами в железных решетках. Там жили монахини. Налево от ворот тянулась бледно-зеленая аллея из акаций. Вот здесь, по обеим сторонам аллеи, и находился народ. За длинными узкими столами сидели мужчины, женщины, старики, дети и хлебали горячий суп из больших деревянных мисок. Большинство из сидевших за столами были длинноволосые странники с котомками за плечами и странницы в черных платочках и мужских сапогах. Неподалеку от столов, на земле, на длинных кусках серого полотна, усаживались нищие, те самые, что недавно на паперти выпрашивали милостыню. Около них ходили «чернички-сестрички», как называли послушниц нищие. Чернички раздавали деревянные ложки и порции хлеба. Хлеб и ложки находились в больших плетеных корзинах, которые с трудом поднимали бледнолицые послушницы.

— Эй вы, божьи люди, глядите ложки назад возвращайте! — говорили чернички каждому нищему, вручая ему ложку и ломоть хлеба.

Нищие с низкими поклонами принимали подаваемое, крестились, корчили жалобные рожи и, кряхтя и вздыхая, опускались на землю в ожидании похлебки. Когда все уселись, появились другие послушницы с супом. Большая деревянная миска полагалась на пять человек. Нищие знали об этом и заранее разделились на маленькие группы. Рыжик с дедом попали в компанию двух женщин и одного мальчика лет двенадцати. Одна женщина была с больными, гнойными глазами, а у другой благодаря отсутствию носа было совершенно плоское лицо. Зато мальчик был без всяких изъянов. Черный, как жук, быстроглазый и живой, он с первого взгляда понравился Саньке.

— Здравствуй, дедушка! Давно ли ты ослеп? — проговорил мальчик и рассмеялся.

— Это ты, Спирька? Здравствуй! — ответил дед.

— В каком лесу рыжика нашел? — намекая на Саньку, спросил Спирька. Дед не отвечал. Тогда Спирька стал бранить монашек за то, что долго не несут супа.

— Вот уж не люблю обедать в монастырях: баб много, а толку мало. Посадили на солнышке, а сами ушли. Погрейтесь, мол, голубчики. Чтоб им...

— Будет... Не в меру свой колокол развязал, — остановила расходившегося Спирьку безногая баба, сидевшая рядом с ним. — Ты что, хочешь, чтоб тебя, как Ваньку Ткача, отсюда?..

— Я не пьяный, а голодный! — огрызнулся Спирька.

— А что такое с Ткачом приключилось? — полюбопытствовал дедушка Архип.

— Ничего не случилось. Залил с утра zenки свои и пьяный в церковь прет, — ответила безногая.

— Экий дуралей! — сокрушенно заметил дед. — Не мог после обедни напиться... То-то я еще на паперти приметил, что он не в своем образе...

— Дедушка, ты же слепой, — ехидно вставил Спирька, — каким же манером ты мог образину Ткача заприметить?

— Ладно, не твое дело! — проворчал дед, видимо смущенный.

В это время подали суп, и разговор прекратился.

Рыжик почти не дотронулся до пищи: он чувствовал себя неважно. Недавние воспоминания

всколыхнули ему ум и душу, и тоска и страх за будущее постепенно овладевали мальчиком. Дедушка, к которому он было уже привык, теперь стал пугать его, так как Санька наконец ясно понял, что дед притворяется слепым. «А раз он притворяется, — думал Санька, — стало быть, человек он нехороший, и его надо бояться». Кроме того, он заметил, что не один только дед притворяется, а многие из нищих и странников ломают какую-то комедию. Они и кланяются, и крестятся, и молятся не как все люди, а как-то по-иному, будто кого передразнивают.

Все эти думы, мысли и наблюдения не могли, конечно, веселить Рыжика, понявшего наконец, что он попал в общество нехороших, злых людей.

Во втором часу трапеза кончилась, и нищим без церемонии приказано было убираться подобиру-поздорову.

Рыжик волей-неволей должен был идти с дедушкой Архипом: другого пути у него не было.

IV

Спирька вьон

Дедушка Архип, как только вышел из монастырского двора, заговорил с Рыжиком совсем в ином тоне. Он понял, что мальчику некуда идти, что за него никто не заступится, и он решил действовать более откровенно.

— Ну-с, мальчонка, — проговорил дед, когда, миновав ярмарочную площадь, они вошли в какую-то длинную безлюдную улицу, — до сей поры ты меня вел, а теперь я тебя поведу, потому я не слепой... Понял ты, касатик?

Старик беззвучно засмеялся, взял мальчика за руку и зашагал вперед.

Рыжик молча следовал за ним. Он покорился своей участи, так как другого исхода у него не было. Откровенность деда его несколько не смутила: он еще во время трапезы догадался, что дед притворяется слепым. Он только не понимал, для какой цели старик это делает.

— Вот придем на постоялый, переночуем, — заговорил снова дед, — а завтра и за дело возьмемся... Тебя маленько поучим, и, гляди, впрок пойдешь. Даром, брат, никто кормить не станет. Теперя люди по-иному живут: каждый в свой рот кусок кладет... А без обмана куска-то и не положишь... Человека допрежь всего разжалобить надо. Без жалости, хоть пропадай, никто не поможет. А где жалость взять?... Хорошо, ежели тебе посчастливилось руку либо ногу потерять аль слепым родиться. А ежели ты здоров да без изъянов, тогда как быть? Ведь благодетель не поверит, потому на тебя жалости нет... Вот, стало быть, приходится жалость показывать. Ну, там слепым прикинуться аль безруким... Понял, касатик?

Рыжик молчал, не зная, что сказать. Речь старика не совсем была для него ясна; да ему и вникать-то не хотелось в то, о чем говорил дед. Его в ту минуту больше всего интересовал Спирька, с которым сидел он недавно за одной миской. Черномазый мальчуган, похожий на цыганенка, очень понравился Саньке.

— Прощай, красноперый! — бросил Рыжику Спирька, когда они выходили из монастыря. — Будешь на постоялке — свидимся. Иду по ярмарке стрелять.

Санька был рад, когда узнал от дедушки, что они идут на постоялый: он надеялся там

встретиться со Спирькой.

Старик, видя, что мальчик покорно следует за ним, выпустил его руку и переложил мешок с одного плеча на другое. Жара стояла невыносимая. С деда пот градом катился, и он, по-видимому, сильно устал. Даже Рыжику, на котором, помимо рубашки и коротеньких штанишек, ничего не было, и то было жарко. Его загорелое, покрытое веснушками курносое лицо было мокро от пота, а горячая пыль, точно неостывшая зола, жгла ему босые ноги, что заставляло Рыжика часто и смешно подпрыгивать.

Постоялый двор не понравился Саньке. Во-первых, там был кабак, из которого выходили пьяные и буйные оборванцы, а во-вторых, нигде нельзя было найти прохладного местечка. Низенький заборчик, которым был огорожен постоялый двор, не давал тени, а в большой ночлежной комнате, куда они было с дедом заглянули, стояла такая духота и столько там было мух, что они решили до солнечного заката уж лучше посидеть на дворе. Дедушка усадил Рыжика возле входа в ночлежку, оставил на его присмотр мешок и отправился в питейный дом, находившийся тут же, у ворот постоялого двора. Только что Санька уселся, как явился Спирька.

— А, красноперый, мое вам огорчение! Как поживаете? Как глазами моргаете? — еще издали приветствовал Рыжика Спирька.

Санька улыбнулся и весело взглянул на мальчика. Спирька был одет почти так же, как и Рыжик. Иными словами говоря, весь его костюм состоял из серой рубашонки и таких же штанишек. Ноги были босы, и на голове, несмотря на летний зной, лихо была закинута набекрень потертая круглая шапка из поддельного барашка. У Спирьки вид был задорный, воинственный и веселый. По всему было видно, что мальчуган привык жить в нищенской обстановке и прекрасно чувствовал себя везде и всюду.

— Куришь? — коротко спросил он, усаживаясь рядом с Санькой.

— Нет, — ответил Рыжик и мысленно очень пожалел, что не курит.

— Ты глуп... А вот я курю. Где-то у меня антрацита немного осталось...

Спирька запустил руку в карман штанишек и вытащил оттуда несколько крошек махорки. Потом он из другого кармана достал клочок газетной бумаги, ловко и привычно скрутил папироску и обратился к проходившему мимо бородатому оборванцу:

— Эй, Тимоша, друг, нет ли спички?

Оборванец остановился, пошарил у себя в карманах, нашел коробку спичек, подошел к Спирьке и подал ему зажженную спичку.

Спирька закурил, пустил из носа две синеватые струйки дыма, плюнул наискось и важно, подражая взрослым, проговорил:

— Спасибо, Тима!

Бородач спрятал спички и молча прошел мимо.

За всей этой сценой Рыжик наблюдал с напряженным вниманием. Спирька положительно рос в его глазах. «Он не только курит, но старшие ему для этого даже спички дают! Вот молодец!» — мысленно похвалил Санька маленького курильщика, и в его душеросло уважение к Спирьке.

Тот, видя, что производит на новичка впечатление, еще пуще заважничал.

— Как тебя звать? — тоном судебного следователя спросил Спирька, выпуская дым из носа.

— Санька, — слышался тихий ответ.

— Как?.. Не бойся, говори громче!

— Санька.

— А прозвище какое у тебя?

Рыжик молчал.

— Ну что же ты молчишь?

— Рыжик меня еще зовут.

— А меня зовут Спирька Вьун. Водку пьешь?

Последний вопрос даже немного испугал Саньку: до того он был неожидан.

— Не пьешь?

— Нет.

— Дурак! А я пью. На пасхе я страсть как натрескался... Эх, вот беда, денег нет, а то я бы сегодня за милую душу дернул бы, потому огорчен я... Ванька Ткач обидел... Ну, да ладно, еще попляшет он у меня! Тебя дед где украл?

— Он меня не украл.

— А как же ты к нему попал?

— Я из Киева приехал... Один под скамейкой лежал... А ночью меня выпустили...

— Постой, — перебил Рыжика Спирька, — это, стало быть, ты зайцем из Киева прикатил сюда?

— Да.

— Молодец! — от души похвалил Спирька и уже с большим уважением стал смотреть на Саньку. — Да ты не баба, как погляжу на тебя!.. Ну, рассказывай дальше. А в Киев как ты попал?

— С фокусником. Полфунтом звать его. Он, брат, алголик! — добавил Рыжик, вспомнив почему-то это слово, которое употребил однажды Полфунта, когда говорил о себе как о пьянице.

— Как ты сказал? Кто он такой? — крайне заинтересованный, переспросил Спирька.

— Алголик.

— А что такое алголик?

— Это, значит, волшебник. Он умеет огонь кушать и платки из уха вынимать.

— Ты врешь?! — широко раскрыв глаза, пробормотал Спирька.

— Собственными глазами видел.

— Где же он теперь? Куда он девался? Какой он? — засыпал Спирька вопросами Рыжика.

Тому пришлось подробно рассказать всю свою историю. Когда Рыжик кончил, Спирька хлопнул его по плечу, уставил на него свои черные умные глаза и промолвил:

— Будем товарищами! Хорошо?

— Хорошо, — согласился Санька.

Время между тем шло, а деда не было. Тень от ночлежного дома, у которого сидели мальчики, постепенно удлинялась, и становилось прохладнее.

— А дед твой где? — спросил Спирька.

— Вон туда зашел, — указал Рыжик на питейный дом.

— Это он тебя пропивает.

— Как это — меня? — встревожился Санька.

— Да так, обнаковенным манером: как меня пропивают, как других...

— А ты чей?

— Я у Ткача живу... Только я уйду от него... Ну его!.. Не хочу у него родимчиком быть...

Рыжик слушал нового приятеля с разинутым ртом. Лицо его выражало удивление, любопытство, испуг.

— Ты что глазами заворочал? — проговорил Спирька, заметив крайнее удивление на лице Рыжика. — Ты, может, думаешь, я вру? Нет, брат, все правда. Они как поймают аль украдут мальчика либо девочку, так сейчас же ими торговать начинают. Меня раз десять продавали...

— Да ну?! — вырвалось восклицание у Рыжика.

— Верно говорю. Меня украли маленьким, а я все помню. У нас деревня была большая... И лес был, и речка, и гора, высокая-высокая!.. Мы с Таней на самый верх забирались, а потом скатывались.

— А кто такая была Таня? — спросил Рыжик, и в то же мгновение вспомнил Дуню.

— Старшая сестра моя, — ответил Спирька и продолжал: — Вот, помню я, — летом это было, — сидел я на дороге, насупротив нашей избы, и баловался. А Таня побежала к мамке на покос. Вдруг это по деревне проходит баба да прямо ко мне. Я еще глуп был: мне бы удрать, а я на нее глаза вылупил, будто на родную, и ни с места. А баба видит, что на деревне никого нет, и подходит. «Что, голубчик, сахару хочешь?» — спрашивает. «Хочу». Она сейчас мне большой кусок и подает. А я маленький страсть как сахар любил! А ты?

Рыжик, чтобы не прервать нити рассказа, только утвердительно кивнул головой.

— Ну ладно, — продолжал Спирька. — Подала это она мне сахар и говорит: «Пойдем со мной, голубчик, я тебя к маме сведу». А я, не будь умный, встал на ножки и пошел. Вышли мы из деревни и давай по проселкам шататься. Стало мне тут скушно, и заплакал я. А она: «Погоди, грит, не плачь, голубь: лесок пройдем, и маму увидишь». И долго-долго ходили мы, а вечером в город попали. И вот с той поры у нищих я живу. А вот недавно — может, год, а может, и три прошло — не знаю, — попал я, братец, в такое место, что и сказать страшно! — добавил Спирька и таинственно понизил голос.

— В какое? — шепотом спросил Рыжик.

— А в такое, где калек делают, — тихо ответил Спирька.

— Что ты?!

Рыжика от любопытства и страха даже залихорадило, и он ближе пододвинулся к рассказчику.

— Верно говорю тебе. Слушай, — зашептал Спирька, прижавшись к Рыжику. — Там, братец ты мой, глаза выкалывают, руки, ноги выламывают, голодом морят...

Рыжик, трепеща всем телом, еще плотнее прижался к Спирьке.

— Правда? — поднял он большие карие глаза на товарища.

— Говорю тебе, правда... Слушай дальше. Хотели и со мной такую штуку сделать, да полиция помешала. Пришла полиция паспорта проверять, ну они и трусили...

— А кому они что сделали?

— Одной девочке глаза выкололи — она теперь померла, а одному мальчику ногу сломали.

— Мне страшно!.. — с трудом выговорил Санька и умоляюще взглянул на Спирьку.

— Чего страшно?

— А ежели и у меня глаза они выколют?

— Не бойсь, теперь этому не бывать, потому мы люди большие. Да и место тут не такое... Калек делают под Киевом да еще и под Москвой... Эх, чего бояться вздумал! — закончил Спирька громким голосом и весело метнул глазами.

Голос и взгляд Спирьки сразу ободрили Рыжика и прогнали страх. Подражая Спирьке, он так потряхнул рыжими кудрями, что шапчонка набок съехала, и сказал:

— А захотят что сделать, мы убежим! Ведь правда?

— Конечно. Чего их бояться!..

Мальчики успокоились и на время притихли.

Близился вечер. Солнце совсем скрылось за домом, и небо из голубого становилось темно-синим.

— Пойдем в ночлежку, — сказал после некоторого молчания Спирька, — займем места хорошие. А то народу как навалит — под нарой спать придется.

— А дедушка? — спросил Рыжик.

— Что — дедушка?

— А ежели он придет, а меня не будет?

— Чудак человек! Ведь ночлежка — вот она. Ляжем мы у окна, он нас и увидит. И мешок захвати. В мешке небось съедобного много, мы и закусим. Не трусь, ничего не будет! — добавил Спирька, подметив в лице Рыжика нерешительность.

Через минуту дети были в общей спальне, или в «ночлежке», как ее называли обитатели

постоялого двора. Ночлежка представляла собою обширнейших размеров комнату с низким черным и потрескавшимся потолком, с шестью окнами во двор и земляным полом. Вдоль стен в виде буквы «П» тянулись широкие нары. Окна были открыты, и легкий предвечерний ветер освежал воздух.

— Вот сюда иди! — скомандовал Спирька и первый прыгнул на нару.

Рыжик немедленно последовал за ним. Спирька выбрал место в углу, под самым окном.

— Садись сюда, здесь хорошо: клопов мало, да из оконца ночью продувает... А ну-ка, покажь, что в мешке имеется...

Санька молча подвинул мешок к Спирьке. Тот преспокойно развязал его, достал булку, пару огурцов и принялся с аппетитом есть, угощая в то же время и Рыжика.

— Ты сильный? — набив рот хлебом, спросил Спирька.

— Сильный, — чуть не подавившись огурцом, ответил Рыжик.

— Ладно! Потом поборемся. Знаешь, мне давно хотелось иметь товарища. Я одно дело задумал... Вот я тебе когда-нибудь расскажу, и мы оба это дело обтяпаем. Хорошо?

— А какое это дело?

— Сурьезное. Потом скажу... Теперь молчи!.. Вот уже и стрелки собираются. Противные, терпеть их не могу.

Санька выглянул в окно. По двору гурьбой подвигались к ночлежке оборванцы обоего пола.

V

В ночлежке

От Спирьки Санька узнал, что за ночлег нищие не платят, потому что монастырь за весь дом платит хозяину постоялого двора. Затем Рыжик узнал, что нищих здесь большое множество, но живут они тут не круглый год. Перед большими праздниками они отправляются в Киев и в Одессу. Туда же они уводят и «родимчиков».

— Вот недавно дедушка Архип, — рассказывал Спирька, — двух мальчиков и одну девочку в Киев увез.

— Зачем?

— Известно зачем — чтоб продать.

— А где он их взял?

— Кого?

— Да мальчиков и девочку?

— А кто его знает... Может, купил, а может, украл...

— Большие были мальчики?

— Нет, мелюзга... И девочка крохотная...

— А тебя как продавали?

— Обнаковенным манером... Была у меня, скажем, первая хозяйка Настя Сороковка. Хорошо. Вот это она запьянствовала. Где деньги взять? Тут подвернись дед Вакул — померший он — да с деньгами. А Настя к нему: «Купи, дед, Спирьку!» Поглядел дед, видит, что мяса на мне мало, и крик: «Ладно! Сколько хочешь?» Столько-то. Ну, тут по рукам — и дело сладили. А мне не все ли едино, что с дедом ходить, что с Настей аль с Ткачом?.. Эх, не люблю я стрелять... — с грустью в голосе закончил Спирька и умолк.

Молчал и Рыжик. Оба они лежали на животах и глядели в открытое окно. Им был виден двор, питейный дом и безоблачное небо, на котором время от времени появлялись всё новые и новые звезды.

— Гляди вот, звезды, что огни твои, горят, а от них не жарко, — первый прервал молчание Рыжик, не спускавший глаз с неба.

— И от луны не жарко, — заметил Спирька.

— Отчего это?

— А видишь ли, луна и звезды сделаны для зимы, а солнце — для лета...

— Эй, Вьюн, нет ли у тебя двугривенного? — вдруг раздался позади мальчиков грубый мужской голос.

Прятели оглянулись. В ночлежке было совсем уже темно, только от зажженной лампочки, что висела на стене у входа, желтыми пятнами падал тусклый свет на нары и на земляной пол. Спальня постепенно наполнялась народом. На нарах и на полу двигались и шумели ночлежники. Темными силуэтами вырисовывались их фигуры в полумраке плохо освещенной комнаты. Многие из нищих курили, и едкий дым махорки синеватыми облаками тихо носился по направлению к открытым окнам. То там, то сям вспыхивали спички. Повсюду шли разговоры, перебранки и ругань. Шум и духота усиливались.

Рыжик бросил взгляд на толпу, и ему сделалось грустно. Для него все здесь было и чуждо и неприветливо. То ли дело с Полфунтом — они, бывало, спят на просторе, под охраной небес!..

— Даешь, что ли двугривенный? — повторил тот самый голос, который вывел из задумчивости мальчиков.

Голос этот принадлежал высокому, худому оборванцу с козлиной серой бородкой и несоразмерно большим сизым носом на помятом мягком лице.

— Нет у меня, отвяжись! — сказал Спирька и снова повернул голову к окну.

— Не даешь, стало быть?.. Не даешь?.. Ну, попомню я тебе!..

Оборванец выругался, плюнул и отошел прочь.

— Ишь ты, гусь какой выискался! — проворчал Спирька вслед оборванцу. — Давай ему двугривенный! Как бы не так!.. Продулся в карты, а теперь за мое здоровье хочет отыграться. Хитрый!..

Спирька и здесь очень понравился Рыжику. Он курит, к нему старшие за деньгами обращаются, он со всеми говорит смело, как с равными, никого не боится... Все эти

«качества» подкупали Саньку, и он не мог не гордиться своим новым товарищем.

Приятели снова улеглись на животы и стали следить за тем, как из бесконечной небесной выси выпадали звезды.

— Знаешь, Санька, — после долгого молчания тихо заговорил Спирька, — не нравится мне быть нищим... Воровать лучше... Как ты скажешь?

Рыжик молчал, пугливо прислушиваясь к словам товарища.

— Ты воровать умеешь? — не получив ответа, задал новый вопрос Спирька.

— Не знаю, — едва слышно ответил Санька.

— А я вот люблю воровать. Воровать прибыльней. Стрелять ты можешь целый день и ничего не получишь, а тут уж дело видимое. Вот я в прошлом году — только ты гляди не звони про это — украл у Пашки безносой... у этой, что с нами сегодня трапезила... три рубля!.. Она спала пьяная, а я подкрался и оторвал кисетик с деньгами... Она кисетик на шее носила, — шепотом добавил Спирька.

Санька слушал, затаив дыхание.

— Вот это на другой день, — продолжал Спирька, — проснулась Пашка и давай голосить. А я ушел — не люблю, когда голоса: жалость приходит...

— А деньги? — чуть дыша, спросил Рыжик.

— Деньги, брат, в дело пошли... Рассказал я об этом Ткачу и дал ему два рубля, чтобы, значит, со мной в компании был. А свой целковый я проел и прокурил. Вот я когда курить научился... Да, воровать лестно... Люблю... Знаешь что, Санька... — Спирька поднял голову, испытующе посмотрел черными глазами на Рыжика и промолвил скороговоркой: — Давай сделаемся ворами?

Рыжик не успел ответить, как вдруг Спирька отчаянно вскрикнул и вскочил с места. В ту же минуту возле них на наре раздался дикий хохот, похожий на вопль сумасшедшего. То хохотал Ванька Ткач, тот самый оборванец с подбитыми глазами, который утром одним своим видом испугал Саньку. Теперь он выглядел не лучше. Покрытая синяками небритая рожа его от хохота сделалась квадратной. В руке он держал закуренную толстую папиросу.

— Что, брат, ножки твои не курят? — прервав на время безумный смех, прохрипел Ткач и снова залился, невольно заражая смехом и других ночлежников, лежавших неподалеку.

Оказалось, как потом узнал Рыжик, что Ткач, желая подшутить над Спирькой, приложил к его босой ноге горящий конец папиросы. Торжествующий хохот Ткача, смех окружающих и нестерпимая боль от ожога подняли целую бурю в сердце обиженного мальчика. Злоба быстро вырастала в его груди и рвалась наружу. Наконец Спирька не выдержал и разразился по адресу Ткача такими ругательствами, которых даже Санька, проводивший жизнь свою на улице, никогда не слышивал. Звонким, взволнованным голосом, в котором слышались слезы горькой обиды, выкрикивал Спирька свои ругательства. На мгновение даже сам Ткач, «хозяин» Спирьки, растерялся от этой неслыханной руготни, посыпавшейся на него, точно град. Но замешательство длилось недолго. Не успел Спирька исчерпать и половину своего запаса, как Ткач уже подмял его под себя и стал наносить мальчику удар за ударом. Сначала Спирька барахтался, кричал, но вскоре он умолк, так как пьяный, рискуя задушить его, зажал ему рот своей огромной грязной рукой.

— Брось мальчика: ведь насмерть убьешь! — сказал один из ночлежников. Но Ткач никого не видел, ничего не слышал и продолжал истязать беззащитного мальчика.

Внезапно произошло нечто в высшей степени неожиданное... Рыжик, со страхом наблюдавший эту сцену, вдруг возмутился, кинулся на Ткача и вцепился зубами в его шею.

Ткач отчаянно вскрикнул и упал навзничь, увлекая за собою и Рыжика.

В это время с лампочкой в руке вошел в ночлежку дворник постоянного двора, Карпыч. Нищие боялись его как огня: он имел право любого из них выгнать в какое угодно время дня и ночи.

— Эй вы, лохматые, чего шкандалите? — гаркнул на всю комнату Карпыч и подошел к наре.

Рыжик, дрожа от озлобления и страха, отскочил к окну. Там уже сидел и бился в лихорадке Спирька.

— Пшел вон отсюда, пьяная харя! — закричал Карпыч, увидя Ткача. — Кому я говорил — сюда не ходить в пьяном виде?.. Вон сию минуту!.. Сейчас полицию позову!..

При слове «полиция» Ткач зашевелился и стал слезать с нары.

Ткача убрали, и в ночлежке стало тише, но ненадолго. Через несколько минут среди нищих в одном из дальних углов комнаты завязалась азартная карточная игра. Свет игрокам давал небольшой огарок свечи, воткнутый в пустую бутылку.

Спирька и Рыжик были до того взволнованы, что долго не могли слова вымолвить. Ночлежники между тем всё прибывали, и в спальне становилось тесней. За неимением места многие ложились на пол. Явился наконец и дедушка Архип. Он был пьян и не мог вскарабкаться на нары. Несколько раз он наваливался всем телом на доски, а затем медленно, помимо воли сползал на пол.

— Что, Архипушка, не влезть? — смеялись лежавшие на наре. — Подставь стульчик!

— И без... сту... ульчика... — бормотал дедушка, сползая на пол. Там он и заснул.

— Тебе больно? — тихо спросил Санька у Вьюна, придя немного в себя.

— Нет, сейчас не больно... У меня только злость большая, — дрогнувшим голосом проговорил Спирька.

— И у меня злость... — счел нужным сообщить и Рыжик.

Они снова улеглись, как прежде.

— Уйдем лучше отсюда! — сказал Рыжик.

— Куда?

— А куда-нибудь. Что тут делать?..

— Эх, чудак ты какой! — вздохнул Спирька. Да рази же я не ушел бы, ежели б можно было!

— А почему нельзя?

— Потому нельзя, что не пускают.

— Кто?

— Да вот эти дьяволы.

Спирька рукой указал на всех ночлежников.

— Как они не пускают?

— А так, обнаковенно... Ты думаешь, я не убегал? Как бы не так! Два раза тягу давал...

— Ну и что?

— Изловили и поколотили — вот и все... Нет, брат, с ними не скоро развяжешься, потому идти некуда... Понимаешь?.. Ну, скажи, куда бы ты пошел отсюда?.. Пойдешь направо — тебя поймут, пойдешь налево — поймут и поколотят... Вот ежели б заступа у нас была!.. А то у нас кто есть? Никого! У кого мать, у кого отец, а у нас никого. Мы как камни на песке растем. Ничьи мы... Понимаешь?

Голос у Спирьки дрогнул и осекся. У Саньки показались слезы. Ему было жаль и себя и Спирьку. Теперь, когда Спирька перестал быть похожим на взрослого и когда в его голосе слышались слезы, Рыжик почувствовал особенно сильную любовь к нему.

— Вот прошлой зимой, — начал снова Спирька, — жил здесь мальчик, Колькой его звали, а по прозвищу Мохнатый. Старше он меня был на год, а может, и на два. Привел его сюда земляк дедушки Архипа, Семен Ширяй. Теперь его нет, с весны пропал. После того случая, как ушел, так и не стало его.

— После какого случая?

— А ты слушай! Откуда Семен достал Кольку, никто не знал. Только ведомо было, что Колька не простой, а господский мальчик. Меня к нему не допускали, да и мало я бывал здесь. Ходил я тогда поводырем с дедушкой Архипом. Ну ладно. Вот этот Колька возьми один раз и убеги. Кинулись за ним и поймали. Избили. Хорошо. Вот это зима приходит, морозы, снег... Колька опять удирает. Бросились туда, бросились сюда — нет молодца. Пригорюнился Семен, а за ним и вся братия, потому куда пошел Колька, неизвестно. А может, он до отца, до родных доберется, тогда что?.. Тогда ведь нашим достанется во как!.. Ну ладно. Прошла эта неделя, прошла и другая, а Кольки Мохнатого нет. И вдруг на рождестве он нашелся. Ездили полем мужики и нашли его в снегу мертвенького...

— Да ну? — воскликнул Рыжик.

— Верно говорю. Это он, стало быть, убежал, а его застигла вьюга. Заплутался он и замерз. Вот оно какое дело... А ты уйти хочешь!

Рыжик, окончательно убежденный Спирькой, ничего не возразил. Снова наступило молчание. В спальне становилось тише. Ночлежники засыпали. Только в дальнем углу, где горела в бутылке свеча, бодрствовали игроки. Оттуда время от времени раздавались злобные голоса, крики и брань. Уснувшие ночлежники ворочались во сне, чесались и спросонья ругали клопов. А на дворе мерцала ночь, тихая, спокойная, звездная...

VI

Беглецы

Прошло около года.

Лето, осень и зиму Рыжик прожил в Незнамове среди нищих. Много он за это время перевидал, переиспытал и много горя, лишений и невзгод перенес. Свои печали он делил со Спирькой Вьюном, которому жилось ничуть не лучше. Одинокие, заброшенные, без ласки, без участия, прозябали мальчики среди отверженных, несчастных людей, которые сами жили, как паразиты. Случилось так, что дедушка Архип захворал и всю зиму провалялся в ночлежке. Благодаря этому Санька остался в Незнамове, а на промысел, то есть нищенствовать, ходил с безносой Пашкой, которая уплачивала за него деду двадцать копеек в день.

«Благодетелям» она выдавала его за сына, а себя — за «вдову убогую». Спирька после описанного скандала в ночлежке, который, к слову сказать, не только не повторялся больше, но и тогда явился случаем исключительным, окончательно расстался с Ванькой Ткачом и на компанейских началах ходил «стрелять» с Тимошкой Дурачком, с тем самым Тимошкой, который когда-то поднес ему зажженную спичку для папирасы.

Дела Спирьки были неважны. Местные жители отлично знали, что за птицы эти монастырские попрошайки, и редко когда подавали милостыню. Оставалось только дожидаться больших праздников, но и тогда ввиду большой конкуренции мало перепало на долю Спирьки. Кроме того, он не любил своего дела и тяготился им. В особенности сильно надоело ему нищенство с появления Рыжика. Санька своими рассказами о том, как он с Полфунтом «гулял на просторе», как они ночевали в лесах и как делали все, что им хотелось, разбудил в душе Спирьки чувство любви к свободе, к безневольному житью, и он мучительно затосковал.

— Нет, брат, как знаешь, а я больше жить здесь не стану. Убегу куда глаза глядят, — сказал однажды Спирька Рыжику. — Вот, хочешь, убежим вместе...

— Зимой-то?! — удивился Рыжик.

— Все едино погибнуть... Зима не зверь — не съест...

— Нет, Спиря, погоди, — урезонивал Санька, — придет весна, станет теплей, тогда маху и дадим.

— Ну ладно... — согласился наконец и Спирька.

После этого разговора дружба мальчиков сделалась еще тесней. У них была тайна, и эта тайна связывала приятелей окончательно. Бывало, в долгие зимние ночи усядутся они вдвоем в любимом уголке и заведут нескончаемый разговор. Ночлежники давно уже спят, уныло мерцает закоптелая лампочка, кругом тишина. Только приятели не спят и, что заведенные машинки, говорят без конца.

— Что на вас сна нет?.. За молчите вы аль нет? — крикнет на них какой-нибудь ночлежник.

Мальчишки умолкают. Но не проходит и пяти минут, как они снова принимаются за свое. Впрочем, это были не разговоры, а мечты вслух. Каждый говорил то, что приходило ему в голову, или о том, что рисовало мечтательно настроенное воображение. Сидя в грязной, затхлой ночлежке, наполненной оборванными, пьяными и нечистоплотными людьми, Спирька с Рыжиком мысленно уносились далеко-далеко и чувствовали себя вполне счастливыми.

— А там, как заработаем, — захлебываясь от восторга, грезил вслух Санька, — вот у нас жизнь пойдет!

— И оденемся мы, как порядочные, — вторил Спирька, — будем веселиться...

— А потом, как большие станем, торговлю заведем... Хрутками аль часами торговать будем. Правда ведь?

— Что ж, можно и торговлей заняться. Дело хорошее, — соглашался Спирька.

Так мечтали друзья, пока не пришла наконец весна. Она явилась рано и во всей своей прелести. Старушка-зима сейчас же уступила место юной сопернице: в какие-нибудь два-три дня от зимы и следа не осталось. Молодая хозяйка, вступив в свои права, приветствовала всех теплом и лаской. Солнцу приказала она подольше оставаться на небе и не жалеть тепла. И солнце послушно исполняло приказание, и его золотые лучи расплавляли ледяной покров зимы и превращали его в шумные, веселые ручьи. Весна всех разбудила, всем дала жизнь, а природе сказала: нарядись! И покрылись зеленым бархатом поля, и приоделись свежей листвой деревья...

Очнулись и наши приятели. От сладких мечтаний они должны были перейти к делу. Теперь они уже не разговаривали, а шушукались, причем старались быть незамеченными. Дедушка Архип выздоровел и сказал, что на пасху отправится с Рыжиком в Киев. Это известие окончательно встревожило друзей, и они решили ускорить день побега.

И вот в одну из чудных весенних ночей они приступили к выполнению смело задуманного плана.

Была полночь. Луна тихим светом озаряла уснувшую землю и медленно плыла по синей выси, окруженная стаями серебристых тучек. Недалеко от входа в ночлежку прижался к стене Рыжик. Его невзрачная фигурка слилась с серой тенью, падавшей от дома, и его почти не было видно. У Саньки в руках был небольшой мешок. Он поминутно вздрагивал и при малейшем шорохе широко раскрывал глаза. Он поджидал Спирьку, который находился еще в ночлежке. Наконец в одном из окон показалось что-то черное. Это была голова Спирьки. Еще мгновение — и Вьюн осторожно вылез в окно, согнулся и почти на четвереньках подполз к ожидавшему его Рыжику.

— Идем! — прошептал Спирька и первый пополз дальше к забору.

Санька, крепко стиснув зубы, чтобы не стучали, последовал за товарищем.

Никто не видел, как приятели перелезли через высокий забор, как они вышли на дорогу, ведущую к станции, и как, взявшись за руки, пустились бежать. Одна только луна с высоты небес следила за ними и освещала им путь. Пробежав версты три, мальчики пошли шагом. Сердца их от усталости и страха учащенно бились, и они с трудом переводили дыхание. Им сделалось жарко, хотя ночь была свежая, прохладная. Одеты беглецы были в какое-то теплое ватное тряпье, висевшее на них грязными клочьями. Рыжик был обут в рваные сапоги громадных размеров. Сапоги терли ему ноги и причиняли невыносимую боль.

Не менее скверно в отношении обуви чувствовал себя и Спирька: на нем были дамские башмаки на высоких, тоненьких каблуках. Благодаря этим башмакам Спирька не ходил, а прыгал. Но во время побега ни тот, ни другой не обращали внимания на обувь, а всецело были поглощены мыслью о том, как бы им добраться до железнодорожной станции, а оттуда на каком-нибудь поезде укатить в Одессу или в Киев.

— Как светло! Будто днем, — проговорил Рыжик.

— Это хорошо, что светло: дорогу видим, а в темноте заплутались бы.

— Это верно, — согласился Рыжик и остановился, чтобы поправить мешок, болтавшийся у него за спиной.

Остановился и Спирька. Весенняя ночь благоговейно молчала; не слышно было ни шороха, ни звука. Только по обеим сторонам шоссе дороги, в прорытых канавах, тихо журчали вешние воды, торопливо убегая в темную даль уснувшей степи.

— Дай я понесу! — проговорил Спирька и протянул руку за мешком.

— Ничего, я не устал, — тяжело дыша, пробормотал Рыжик, отдавая Спирьке мешок.

— Ну, теперь гайда вперед!.. Бояться нечего... — сказал Спирька и первый зашагал, смешно подпрыгивая в высоких башмаках, точно он был на ходулях.

За ним последовал и Санька, через силу поднимая тяжелые, облепленные грязью сапожищи. Фигуры маленьких путников рельефно вырисовывались на серебристом фоне лунной ночи. Они чувствовали это и часто с беспокойством оглядывались. Но никто за ними, кроме луны, не следил, никто не следовал.

— А ежели нас не пустят, тогда что? — спросил Рыжик после долгого молчания.

— Куда не пустят? — не понял Спирька.

— Да на машину-то?

— Чудак человек!.. Да рази же мы проситься станем? Мы крадучись войдем. Понял? Залезем в товарный вагон и притаимся. А там куда хочет пусть машина везет. Хочет — в Одессу, хочет — в Киев. Нам не все ли едино?

— Уж лучше бы в Одессу, — заметил Рыжик. — Мне Полфунта сказывал, что Одесса — важнецкий город...

— Оно, конечно, город хороший: и море там, и богачи... Да вот как машина... Слышишь? — вдруг прервал разговор Спирька и стал к чему-то прислушиваться.

Остановился и Рыжик. Откуда-то издалека, где даль, окутанная синевой небес, казалась темной бездной, вырвался резкий, сильный свист. Протяжный, длительный, он прорезал спящую равнину, дерзко нарушил торжественное безмолвие ночи и медленно замер на далеком краю серебристой степи.

— Слышал? — спросил Спирька и поднял к носу указательный палец. — Это, братец, машина... Идем скорей!

Спустя немного впереди замелькали станционные огни. Беглецы прибавили шаг.

— Стой, теперь надо потише! — командовал Спирька.

Рыжик увидел знакомый ему домик с красной крышей, рельсы и много вагонов на колесах, но без дверей и окон.

— Глянь-кось, анбары какие стоят! — прошептал Санька.

— Тише звони!.. Это не анбары, а товарный поезд... Вот нам надо с другой стороны обойти и поискать, нет ли порожнего вагона... Идем, только тихо-тихо.

Беглецы затаили дыхание, согнулись в три погибели и медленно стали обходить полотно дороги, на котором освещенный луною стоял товарный поезд. Впереди вагонов тяжело дышал черный паровоз, и пар от его дыхания горячими серыми фонтанами вырывался из-под колес и с шипеньем и свистом кружился по обеим сторонам песчаного откоса.

— Митрий! — раздался в тишине ночи чей-то звонкий, молодой голос.

— Чего? — отозвался другой.

— Ведомость захвати! Я ее в служебном оставил.

— Сейчас.

Спирька и Рыжик стояли на теневой стороне поезда, у открытого вагона. Когда раздался первый голос, мальчики прижались друг к другу и старались не дышать. Они слышали, как чьи-то ноги, обутые в сапоги, зашуршали по песку. Шаги становились явственней и, по-видимому, приближались.

«К нам идут», — одновременно промелькнула мысль у обоих беглецов; но никто из них не промолвил ни слова. Они молча праздновали труса. А шаги между тем приближались. Положение приятелей становилось опасным. Им пришлось пережить несколько очень тяжелых минут. Но, на их счастье, человек прошел мимо, по ту сторону поезда, и их не заметил. Беглецы даже слышали, как он ворчал, идя вдоль вагонов.

— Ведомость подавай... Подумаешь, барин какой... Товарный обер... Невелика шишка... — бормотал себе под нос неизвестный человек, проходя мимо того вагона, за которым стояли беглецы.

Через две-три минуты человек прошел обратно и опять не заметил прятавшихся оборвышей. Когда шаги его окончательно замерли вдали, приятели вздохнули с облегчением и ожили. Теперь предстояло им решить самую трудную и рискованную задачу: им нужно было влезть в тот самый вагон, перед которым они стояли. Сделать это было нелегко. Вагон стоял на высоких рессорах, и до пола его беглецы едва доставали поднятыми вверх руками. Дверь вагона, или, вернее говоря, ставень был отодвинут в сторону, и ребятам, когда они поднимались на цыпочках и задирали головы, видна была внутренность вагона. Они даже заметили, что пол вагона был грязен и кое-где валялась солома. По всей вероятности, в нем перевозили животных — коров и лошадей.

— Как же это мы устроимся? — сокрушенно промолвил Спирька, после того как две попытки его взобраться в вагон окончились неудачей.

— А ты встань на меня, — посоветовал Рыжик, — и влезай первый, а потом ты пальтишко снимешь, поддержишь, а я поднимусь.

— Идет! — согласился Спирька и, недолго думая, приступил к делу.

Рыжик, как более сильный (Спирька убедился в его силе после борьбы, которую они однажды затеяли в ночлежке), встал на четвереньки, а Вьюн вскочил ему на спину; потом он, ухватившись за железный желоб, по которому двигался ставень, подтянулся на мускулах и таким образом вскарабкался в вагон. Вслед за Спирькой проник в вагон и Рыжик. Некоторое время они стояли в углу вагона без движения, без звука. Вдруг опять послышались шаги. Беглецы замерли. К ним подходили люди. Вот шаги затихли у самого вагона.

— Митрий, — услышали беглецы прежний голос, — закрывай вагоны.

— Сейчас, — послышался ответ, и к вагону, в котором находились приятели, подошел кто-то.

Вслед за тем за стеной вагона запищало, заскрипело что-то, и ставень задвигался вперед, закрывая собою широкое отверстие, через которое приятели только что проникли в вагон. Не успели беглецы оглянуться, собраться с мыслями, как они оказались запертыми и окутанными непроницаемым мраком. Мальчики совсем растерялись и не знали, что делать. Как раз в это время кто-то подал свисток, такой, как обыкновенно подают городовые. В ответ на свисток раздался сильный и пронзительный голос паровоза, закончившийся коротеньким присвистом, и вагон, в котором находились Спирька с Рыжиком, вздрогнул, покачнулся и запрыгал по рельсам. Темнота в вагоне была беспросветная, и это особенно пугало незадачливых пассажиров. Колеса между тем сильнее застучали, и наконец их стук превратился в равномерную дробь.

Вдруг Рыжик заметил, что на одной из продольных стен вагона образовывается щель. Через

эту щель лунный свет упал на пол вагона в виде узенькой серебристой ленточки.

— Смотри, открывается!.. — прошептал Рыжик, ухватившись за Спирьку.

Спирька молчал, ожидая, что будет дальше. А дальше случилось то, что ставень вследствие сильного колебания вагона сам собой двинулся назад и вскоре совсем ушел в сторону. В широкое отверстие вагона заглянул месяц, и беглецы почувствовали себя храбрее. Поезд катил на всех парах. Приятели долго следили за тем, как убегали телеграфные столбы, как, плавно кружась, уходила земля, кое-где покрытая кусками талого снега, как за поездом не торопясь следовала луна, и наконец они не выдержали и стали громко выражать свои восторги, убедившись, что опасность миновала.

— Поехали! — первый закричал Рыжик.

— Пошла, гнедая! — взвизгнул Спирька.

И оба захохотали как безумные.

А поезд, извиваясь и дрожа, будто живое чудовище, мчался по широкой равнине и частыми резкими криками пугал задумчивую тишину весенней ночи.

VII

В Одессе

В вагоне беглецам было недурно. Они спали на соломе, и спали очень долго. Поезд на каждой станции делал продолжительные остановки. Во время стоянок приятели прекращали всякие разговоры и отодвигались в дальний угол... Благодаря таким предосторожностям их никто ни разу не заметил. Питались они хлебом и огурцами. Мешок, в котором была провизия, постепенно уменьшался в объеме и наконец совсем опустел. Вскоре после того, как друзья покончили с последним куском хлеба, их стала мучить сильная жажда.

— Ты пить хочешь? — спросил Рыжик у Спирьки.

— Страсть хочу как! — отвечал Спирька, у которого давно уже пересохло в горле.

— Эх, когда же мы приедем?.. Вот надоело!.. — заныл Рыжик.

— Погоди, сейчас я взгляну.

Спирька встал, подошел к отверстию вагона и, сняв шапку, высунул голову. Поезд быстро мчался вперед, стучал колесами и так вздрагивал, что казалось, вот-вот вагоны слетят с полотна дороги и разобьются вдребезги.

— Санька, пойдی сюда скорей!.. Глянь-кося!.. — радостно воскликнул Спирька, повернув голову к Рыжику. — Город, брат, видать... Провалиться, видать!..

Рыжик сорвался с места, подскочил к Спирьке и также выглянул из вагона. Вдали, окутанный полупрозрачным сероватым дымом, вырисовывался огромный белый город, окруженный высокими красными трубами. Поезд пошел тише. Город только мелькнул на мгновение и снова исчез из виду. Вместо города приятели увидели множество вагонов. Рельсы здесь были разбросаны на десятки путей, и все пути во всю длину были заняты товарными вагонами да паровозами. Поезд врезался в это царство вагонов и замедлил ход. Залязгали

цепи, раздались свистки, и поезд, точно ударившись о что-то, остановился. Поезд прибыл на станцию «Одесса-Товарная». До города оставалось еще добрых три версты.

— Давай вылезем, а то заприметят — беда будет, — сказал Спирька.

— А куда мы пойдем? — шепотом спросил Рыжик.

— Известно куда — в город. Чай, видал ты его?

— Я не про то... А ежели нас увидят?

— Когда?

— А вот когда вылезем.

— Ну так что ж? Пусть глядят на нас, мы за это денег не возьмем... Эх ты, чудака человек!.. Вылезай вот скорей... — добавил Спирька и прыгнул на полотно дороги.

Рыжик немедленно последовал за ним. Через несколько минут приятели стояли у водокачки и, жадно припав губами к черным железным трубкам, из которых лилась холодная чистая вода, пили, что называется, до отвала, до изнеможения.

Неподалеку стояла группа биндюжников[2] и добродушно посмеивалась, глядя на маленьких оборвышей.

— Гляди-ка, какие Родоканаки[3] экстренной машиной по шпалам прикатили! — проговорил один из биндюжников, указывая на Спирьку и Рыжика.

— Это не Родоканаки, а жуликанаки, — заметил другой возчик и громко засмеялся.

Приятели напились и отошли прочь от водокачки. На насмешки возчиков они не обратили никакого внимания. Долго шли они, путаясь между вагонами, рельсами и стрелками, пока наконец не выбрались из этого железнодорожного лабиринта. Вот тут только они увидели Одессу и прибавили шаг.

Было около пяти часов пополудни. Погода стояла великолепная. Солнце, уходя на запад, прощальными лучами озаряло белевший вдаль обширный город. Южный теплый ветер, пробегаая мимо, ласкал и манил куда-то маленьких оборванных путешественников.

— Вот она, Одесса-то, где!.. — воскликнул Рыжик, когда они вышли на ровное место.

— Да, это Одесса, а не Киев, потому Киев на горе стоит, — заметил Спирька и добавил: — Теперь, брат, не зевай, идем скорей!.. Постреляем, покуда светло, а там и жить начнем.

— Идет! — весело и добро откликнулся Рыжик, и приятели смело двинулись вперед.

Громадный город, с его шумом, давкой и оживлением, поразил и ошеломил маленьких бродяг. Широкие ровные улицы, вымощенные каменными плитками, высокие дома с балконами, длинные аллеи вдоль просторных тротуаров, зеркальные окна магазинов, нарядная, богатая толпа, стукотня, говор и грохот экипажей — все это до того заинтересовало ребят, что они совершенно забыли, где они и для чего сюда явились. Им и в голову не приходило, что они, оборванные и грязные, обращают на себя всеобщее внимание и что многие из публики поглядывают на них не то с сожалением, не то с чувством брезгливости.

В особенности брезгливо отстранялись от них дамы, боясь, чтобы ватные лохмотья оборвышей не прикоснулись к их дорогим весенним нарядам. Приятели, будучи уверены, что

они имеют право ходить по улицам, смело шагали вдоль тротуаров, громко делясь своими восторгами и впечатлениями.

— Глянь-кося, — указывая пальцем на цилиндр одного молодого человека, проходившего мимо, воскликнул Спирька, — шапка-то какая: не то ведро, не то тумба!

— Гляди, фургон какой! — кричал Санька, указывая на омнибус.

— Погоди, сейчас подкую вон того барина, — сказал Спирька, и, подскочив к богато одетому мужчине, он сдернул с себя шапку, согнулся в три погибели и, протянув руку, затащил хорошо знакомую ему песню: «Благодетели милостивые! Подайте Христа ради сироте круглому... Христьяне православные...»

Мужчина не дал закончить Спирьке и сунул ему в руку двугривенный. Вьюн, увидав монету, в восторге подскочил к Рыжику и воскликнул:

— Глянь-кося, сколько отвалил! Вот так почин!..

— И я стрелять буду! — решительно заявил Рыжик.

— И отлично сделаешь, — одобрил Спирька. — Идем дальше!

Они вышли на главную улицу, на Дерибасовскую, и... ахнули от изумления. Такая роскошь, такой блеск, такое богатство никогда и во сне им не снились! На время они даже и нищенствовать забыли. Они шли по тротуару, где сплошной массой двигалась нарядная, праздная публика. Рыжик в своих тяжелых сапогах, огромных и серых от засохшей на них грязи, не раз наступал на платья дам, за что его награждали злобными взглядами и нелестными словечками. Рыжику это шествие, теснота и давка надоели очень скоро.

— Пойдем на середку, — обратился он к Спирьке, — здесь господа толкаются. Ну их!..

— Идем, мне все едино, — согласился Вьюн.

Приятель вышел на середину улицы. Но не успели они сделать несколько шагов, как их увидал стоявший на посту городской, высокий, полный, с горизонтально лежащими темными усами.

— Вы чего сюда затесались?.. Вон отсюда!.. — зарычал на них блюститель порядка, надув щеки и сверкая глазами.

Неожиданно появившийся городской насмерть перепугал маленьких оборвышей. Охваченные паникой, они быстро повернули назад и со всех ног бросились бежать, держась середины улицы.

— Бере-гись!.. — вдруг гаркнул на них бородатый кучер, и, как вихрь, промчалась мимо ребят пара рысаков, запряженных в шикарную коляску, в которой сидела дама в огромной шляпе с дрожащим красным пером и крохотная беленькая собачка.

Крик сытого кучера, точно удар кнута, ожег приятелей, и они, как ошпаренные, отскочили в сторону. Но там на них крикнул другой кучер, мчавшийся с противоположной стороны. Мальчики окончательно растерялись и снова бросились бежать посередине улицы, пока опять не наткнулись на городского.

— А!! — разинул рот городской.

Но оборвыши не дали ему закончить и в ужасе повернули назад.

Спирька с Рыжиком очутились в положении кур, забредших в чужой огород. Дети гонятся за ними, кричат им: «Киш, киш!..», а обезумевшие от страха куры мечутся по засеянным грядкам, не находя выхода.

Наконец один городской сжалился над ними и указал им, куда идти. Долго шли они по улицам Одессы, тщетно отыскивая глазами такое место или такое заведение, куда они могли бы зайти поесть, попить и переночевать. Но, к великому их огорчению, по обеим сторонам улиц, по которым они проходили, гордо возвышались каменные громады, ярко сверкали окна магазинов, а на панелях разгуливали всё богачи, до того нарядные, до того важные, что оборвыши не осмеливались близко подходить даже к тротуарам. У Рыжика впервые шевельнулось неприязненное чувство к нарядной толпе. «Ишь, они какие, — думал он, поглядывая исподлобья на публику, — весь город себе забрали...»

Спирька думал только об одном: как бы найти подходящий трактир. Во рту у него за щекой лежал двугривенный, который очень бодрил мальчика. Его только смущала роскошь одесских улиц. Он уже готов был подумать, что Одесса — город богачей, как вдруг они повернули на Базарную улицу, и радостная улыбка озарила лица мальчиков. Они увидели бедняков и несказанно обрадовались. Дома и здесь были большие, каменные, но публика была совсем иная. Здесь народ не чванился, а держал себя свободно, громко разговаривал и даже песни пел.

Местная публика как нельзя лучше пришлась по душе Рыжику и Спирьке. Оба они были рады тому, что в Одессе живут не одни только богачи. В большой восторг пришли они от оборванных и грязных детей, которыми базарная площадь кишмя кишела.

— Гляди, сколько нашего брата здесь, — указывая на маленьких оборвышей, проговорил Рыжик.

— И отлично, хорошо: стало быть, и мы тут панами будем, — довольным тоном сказал Спирька.

— Пироги горячие! Пироги! — раздался вблизи приятелей звонкий бабий голос.

Спирька с Рыжиком молча перекинулись взглядом, улыбнулись и купили у бабы пару горячих пирогов с печенкой. С волчьей жадностью уничтожали приятели пироги, находя их замечательно вкусными, несмотря на то что от пирогов не совсем-то важно и приятно пахло, а от остывшего во рту сала прилипал язык к нёбу.

Базарная площадь была со всех сторон окружена трактирами, питейными домами, ресторациями и другими подобными заведениями. Когда открывалась дверь любого из этих заведений, на площадь врывался шум пьяных голосов. Иногда из открытой двери трактира, точно неодушевленный предмет, выволакивали пьяного.

Спирьку, как более опытного и знающего, потянуло к трактиру.

— Пойдем, слышь, в трактир, — сказал он Рыжику, — там чайку попьем и о ночлеге разузнаем...

Рыжик охотно согласился на предложение товарища, и оба приятеля спустя немного времени сидели в трактире «Белый орел» и пили чай. На чистую половину, где столы были покрыты белыми скатертями, их не пустили. Мальчишка-половой в белых штанах, с грязной тряпкой вместо салфетки через плечо, увидав Спирьку и Рыжика, подлетел к ним, усадил их за единственно незанятый столик подле дверей и, назвав их помещиками, спросил, что им угодно.

— Чаю! — коротко ответил Спирька и заранее отдал последние два пятака, которые остались

от двугривенного после пирогов.

Половой схватил деньги и, как вихрь, умчался куда-то. Спирька успел только разглядеть его затылок, на котором лоснились густо вымазанные маслом русые волосы, подстриженные в скобку.

Грязная половина трактира, в которой сидели приятели, была битком набита оборванцами. Среди посетителей положительно не было ни одного человека, мало-мальски прилично одетого. На всех здесь висели грязные, бесформенные лохмотья. В трактире пили чай, но больше всего водку. Среди посетителей были женщины и дети. Народ держал себя здесь более чем непринужденно. Шум, крик, давка, звон посуды и площадная брань не прекращались ни на минуту. В трактире было жарко и душно. Табачный дым и пар тяжелыми тучами носился над головами посетителей. Сквозь этот туман огни висящих ламп казались кроваво-красными. Возбужденные потные лица, бороды, женские головы в платочках, кулаки, бутылки и громадная стойка с брюхатым буфетчиком вырисовывались неясно, точно в тумане.

Рыжик, впервые очутившись в подобной обстановке, растерянно и пугливо озирался по сторонам, не зная, на чем остановить свой блуждающий взор. Спирька же, наоборот, чувствовал себя здесь, как рыба в воде. Ему с нищими не раз приходилось бывать в таких заведениях.

Когда половой в двух чайниках принес им кипяток с чаем, Спирька, подражая купцам, выполоскал стаканы, а затем налил чай.

— Пей и не робей! — сказал он Рыжику и добавил, понизив голос: — Шмыгни-ка глазами направо и погляди, какая компания сидит.

Санька взглянул на указанное место и увидел за длинным столом группу детей, мальчиков и девочек. На столе, как и у них, стояли чайники, стаканы и блюдечко с сахаром. Всех их было семеро: пятеро мальчиков и две девочки. Все они были одеты немногим лучше Спирьки и Рыжика.

— Кто они, по-твоему? — шепотом спросил у Рыжика Спирька.

— Нищие, должно...

— Нет, хватай выше! — не согласился Спирька.

— Кто ж они?

— А я так думаю: воры они, вот кто!

— Да ну?!

— Вот тебе и ну!

— А почему ты знаешь?

— Знаю, стало быть, коль говорю.

В ту минуту, когда Спирька говорил, в трактир вбежал оборванный мальчишка с быстрыми косыми глазами. Вбежавший метнул взглядом по сторонам, увидел компанию ребятишек за длинным столом и подскочил к ним.

— Братцы, — задыхающимся голосом проговорил он, — сейчас Анюта и Петька Чалый засыпались...

— Где? — в один голос воскликнула компания.

— Здесь, на Толкучке. Вот как было...

Тут косоглазый мальчишка заговорил до того тихо, что ни Санька, ни Вьюн не могли ни одного слова расслышать.

В это время на другом конце трактира вспыхнул скандал. Какой-то босяк, здоровый, с рослой фигурой и пьяной, избитой физиономией, очень похожий на Ваньку Ткача, с силой ударил сидевшую с ним женщину. Та вскрикнула и упала со стула на пол. К буяну подскочили половые и потащили его к выходу. Но буян оказался человеком сильным, и сладить с ним было нелегко. Изрыгая невозможные ругательства, он ногами опрокидывал столы, бил посуду и несколько раз богатырскими взмахами отшвыривал державших его половых.

Вся эта дикая, безобразная сцена и все ее действующие лица точно в тумане вырисовывались сквозь едкий табачный дым и горячий пар.

Спирька с Рыжиком во все глаза глядели на скандал, испытывая какое-то нехорошее, жуткое чувство.

А косоглазый мальчик как ни в чем не бывало продолжал таинственным шепотом что-то рассказывать своим приятелям. Те слушали его, по-видимому, не обращая никакого внимания на скандал, который для них, по всей вероятности, не являлся редкостью.

VIII

Из огня да в полымя

После долгой и трудной борьбы половым удалось наконец пьяного буяна вышвырнуть на улицу. Пострадавшую женщину они подняли с пола и куда-то увели. Нарушенный порядок таким образом был восстановлен.

Из «чистой» половины трактира раздались «медные» звуки машины, а посетители «грязной» половины, оставшись довольны даровым зрелищем, вернулись к своим бутылкам в ожидании нового скандала.

— Эй вы, помещики, не больно-то засиживайтесь за чаем!.. Вам здесь не квартира и не клоповник!..[4] — крикнул мальчишка-половой, промчавшись с горячими чайниками мимо стола, за которым сидели Спирька и Санька.

Окрик полового испугал и смутил приятелей. Они только теперь ясно поняли, что им некуда деваться. Для них, одиноких и бесприютных, огромный, многолюдный и богатый город мог оказаться, в сущности, пустыней Аравийской.

Рыжик совсем упал духом и даже готов был заплакать, но Спирька, как более закаленный в житейских боях, постарался ободрить и утешить товарища, хотя и у него на душе кошки скребли.

— Ты погоди, Санька, горевать, — проговорил Вьюн, видя, что товарищ намеревается плакать, — еще не поздно... может, мы что-нибудь успеем раздобыть...

— Куда мы пойдем, Спиря? — жалобным тоном спросил Рыжик, устремив влажные глаза на товарища.

— Сейчас... Не горюй! Дай подумать... — рассеянно ответил Спирька.

У Спирьки в это время действительно стал зарождаться какой-то план. Он все время с большим интересом следил за теми маленькими оборванцами, которые сидели неподалеку, за большим столом. Еще раньше, когда он только взглянул на них, он решил, что они не кто иные, как мазурики, а с момента появления косоглазого мальчика мнение это еще более укрепились в Спирьке.

«Что он там нашептывает?» — мысленно спрашивал самого себя Спирька, не спуская глаз с косоглазого оборвыша, который, наклонившись над столом, тихим и таинственным шепотом продолжал что-то рассказывать. Но вот косоглазый кончил и выпрямился.

— Иду домой, — сказал он и кое-кому из компании подал руку.

— Посиди, куда тебе? — слышались голоса.

— Нет уж, я пойду... Надо Косоручке все доложить...

— Скажи ему, что и мы скоро домой, и еще скажи, что удачи нет нам сегодня...

— Ладно, скажу... Ох, не любит Косоручка, когда без фарта... — быстро проговорил косоглазый и выбежал из трактира.

— А наплевать, что не любит, — проворчал один из компании, смуглый чернокудрый мальчик.

В это время Спирька, ничего не сказав Рыжику, вдруг поднялся с места и решительно подошел к компании оборвышей. Семь пар глаз уставились на него с любопытством и удивлением.

— Тебе чего? — раньше чем Спирька успел открыть рот, строго спросил его черноголовый кудрявый мальчик.

Впоследствии Спирька узнал, что мальчик этот — еврей и что его зовут Мошка Каракуль. Прозвище свое получил он за волосы, которые цветом и завитушками очень напоминали каракуль.

— Нам ночевать надо...

— Ну? — нетерпеливо перебил Мошка.

— А не знаем, где... Вот я хочу спросить...

— Где ночевать? — снова перебил Каракуль.

— Да постой, Мошка, не горячись! — вмешался в разговор другой мальчик, лет четырнадцати, с добродушным, немного как будто опухшим, мягким лицом и большими серыми глазами. — Дай поговорить... Вы откуда сами? — перевел он глаза на Спирьку.

— Мы сегодня из Киева приехали, — счел почему-то нужным соврать Спирька.

— На чем приехали?

— На товарной машине... В пустом вагоне...

— Вот как! — удивились некоторые из компании.

— Мы всегда так ездим, — продолжал врать Спирька, почувствовав себя смелее.

На Вьюна стали смотреть совсем иначе. Даже Мошка и тот сделался приветливей.

— Садись сюда! — предложил он Спирьке, указывая ему на стул, стоявший подле него.

Спирька весело кивнул головой Рыжику, как бы говоря ему: «Не робей, брат: дело на лад идет», — и сел рядом с Каракулем. А мальчик с добродушным, мягким лицом, которого, как узнал потом Спирька, звали Ванька Немец, продолжал между тем начатый допрос:

— А тот, рыжий, кто такой?

— Товарищ мой. Мы вместе разъезжаем.

— Чем занимаетесь?

— Мы фартовые ребята, — не моргнув глазом, соврал Спирька, который, кстати сказать, недурно владел воровским жаргоном.

Заявление Спирьки произвело прямо-таки сенсацию.

— Так вы вот кто!.. Так бы ты раньше и сказал. А то сидят себе и молчат! — воскликнул Ванька Немец и тут же добавил: — А вы сильные?

— Я, по правде сказать, — отвечал Спирька, — силен-то силен, но не очень чтобы уж, а так, средственно... Ну, а вон тот, приятель мой, тот действительно...

— Очень? — заинтересовался Мошка.

— То есть страсть какой сильный... Ведмедя уложит!..

— Ну?! — хором воскликнули оборвыши.

— Ей-богу! Только ловкости во мне больше. Я на кулачки хорошо дерусь, а он бороться мастер.

— Как его зовут?

— Санька Рыжик.

— А тебя?

— Спирька Вьюн.

— Ну, вот что, Спирька, — сказал Немец, — позови-ка сюда своего приятеля, и мы потолкуем...

Спирька не дал договорить Немцу: он сорвался с места и подбежал к Рыжику.

— Ну, брат, — зашептал он, радостно взволнованный, — дело идет хорошо... Мы на воров наскочили... Они, брат, настоящие... Пойдем к ним!..

Рыжик нехотя поднялся и последовал за товарищем. Сердце его трепетно забилось, и ему чудилось, будто Спирька тащит его в пропасть, из которой ему никогда не выбраться.

Воришки между тем внимательно и критически разглядывали Рыжика. Их глаза бегали по его широким плечам, по его крепкой, массивной фигуре и по включенным рыжим, давно не стриженным кудрям, благодаря которым голова Саньки казалась вдвое больше. А когда Рыжик подошел к столу, к нему разом протянулось несколько рук для пожатия.

— Вы, стало быть, ночевать не имеете где? — обратился к приятелям Немец.

— Нет, — ответил Спирька.

— В таком разе, идемте с нами, мы живем на Молдаванке, отсюда недалече... Наш хозяин — Федька Косоручка, мошенник первой руки. Он вас возьмет к себе... Не правда ли, ребята, — обернулся он ко всей компании.

— Конечно, возьмет, — подтвердили и другие.

— Еще спасибо скажет, — добавила одна из двух девочек, сероглазая замарашка, закутанная в большой дырявый платок.

— Уж не тебе ли он скажет? — заметил ей Мошка Каракуль.

— Нет, тебе, клопу! — вспыхнула девочка.

— Что?.. — Что ты сказала?.. Повтори!.. — вскочил с места Каракуль.

— Манька, брось! — вмешался в дело Ванька Немец, который, по-видимому, играл среди компании роль старшего. — Да и ты, Мошка, оставь!.. Как тебе не стыдно с девчонкой связываться!.. Ну, ребята, пора домой, — добавил он в заключение и вышел из-за стола, пробираясь к выходу.

Спустя немного маленькие оборвыши шагали по опустевшей Базарной площади, направляясь к Молдаванке.

В то время Молдаванка была неблагоустроенной окраиной, на которой даже бедняки избегали селиться. Ютился там народ темный, безработный. Улицы на Молдаванке почти совсем не освещались, а в ненастное время они утопали в грязи и болоте. Одесситы даже днем боялись бывать в этой местности. Не проходило дня, чтобы на Молдаванке не произошло убийства или грабежа. Короче говоря, Молдаванка была местностью, где жило и пряталось все преступное, грязное и несчастное. Вот почему не только Рыжик, но и Спирька, не на шутку трусили, когда компания оборвышей, пройдя площадь, вошла в какую-то длинную, темную и безлюдную улицу.

Луна еще не взошла. На темно-синем небе крупными алмазами горели звезды. Но их блеск не давал света земле, и Молдаванка утопала во мраке. На улице, по которой шла компания, было тихо и безлюдно. Слышно было, как ноги оборвышей хлюпали по жидкой грязи.

— Федька Косоручка, брат, человек хороший, да только бог смерти ему не дает, — вполголоса говорил Ванька Немец шедшему рядом с ним Спирьке. — Был он когда-то конокрадом, много раз сидел в тюрьме, а как на одном деле попался да как избили его — он и сделался Косоручкой, потому ему руку выломали. Теперь он сам не ворует, а только перекупает да еще мелкоту обучает... Ну, понимаешь, на манер как бы школа у него...

— А спать нам будет где? — вдруг задал вопрос Спирька, который главным образом беспокоился за ночлег.

— Известное дело, будет... Да мы скоро придем... Вон там огонек, видишь?.. Как дойдем, так, значит, и дома.

На конце улицы действительно мерцал огонек, как далекая звездочка.

Рыжик за все время не проронил ни слова. Ему не нравились новые знакомые. Он их побаивался и очень жалел, что послушался Спирьку и пошел за воришками.

Саньке сделалось грустно. Совсем не того ожидал он от Одессы.

Чудесные рассказы Полфунта об этом городе врезались в память Рыжика, и он стремился сюда, полный наивных, несбыточных надежд и мечтаний. Надежды эти, как мы видим, не сбылись, и Санька затосковал. Он почти бессознательно следовал за компанией и думал о своих неудачах. Давно ли он пустился странствовать — еще года нет, а уж сколько пришлось ему выстрадать, сколько горя перенести!..

— Ну вот и пришли, — перебил думы Рыжика Немец, остановившись перед каким-то невысоким деревянным забором.

Это было на самом конце улицы. Дальше тянулась ровная незастроенная местность, освещенная только что взошедшей луной.

— Эй, новички, за мною лезьте! — скомандовал Немец и вскочил на забор.

Маленькие оборвыши, не исключая и двух девочек, с ловкостью опытных акробатов перескакивали один за другим через забор и мгновенно исчезали из виду. Спирька первый последовал за компанией, а потом уже перелез и Рыжик. По ту сторону забора дожидался их Ванька Немец, а от остальных членов компании и следа не осталось.

— Теперь идите за мной, — сказал Немец, — я покажу вас хозяину.

Спирька и Рыжик молча последовали за ним. Они шли по обширному двору, огороженному со всех сторон деревянным забором. Лунный свет, проникший сюда, озарял какую-то странную постройку необычайной длины. Здание это имело вид навеса и тянулось от одного конца забора до другого. Крыша была односкатная и плоская. Рыжик, если бы захотел, мог бы крышу достать рукой. Кроме этой длинной и узкой постройки, других зданий не было. Во дворе было тихо. Луна медленно плыла сквозь звездный строй и будто висела между землей и небом. Ее тихий, покойный свет падал на плоскую крышу навесообразного дома и на его серый фасад, испещренный множеством низеньких окон и дверей. Под ногами мальчиков хрустел прошлогодний бурьян.

— Ворота далече отсюда, — объяснил Немец своим спутникам, — вон на той стороне... Так вот мы через забор, чтобы, значит, ближе было...

— А где те? — спросил Спирька.

— Кто?

— Да вот ребята, что сейчас с нами были.

— Они, брат, по своим конурам разбежались. Завтра всех увидишь... А теперь идемте к Косоручке... Что он скажет...

— А ты как думаешь, что он скажет? — любопытствовал Спирька.

— Думаю, что оставит вас... Ему ведь убытку не будет...

В это время мальчики подошли к дому, и разговор прекратился. Перед ними замелькали низенькие оконца и черные двери. Окон и дверей было много. Весь дом, как легко можно было догадаться, был разбит на множество мелких жилых помещений одинакового размера.

— Стойте, мы пришли, — сказал Немец, остановившись перед одной дверью. — Шагайте за мной да глядите не стукнитесь о косяк.

С этими словами Немец толкнул дверь и нырнул в темные сени. Потом он ощупал другую

дверь и открыл ее. Слабый свет бледной полосой вырвался из небольшой комнаты, в которой горела жестяная лампочка, прибитая к стене напротив дверей. Ванька Немец первый вошел в комнату, а за ним уже робко последовали Спирька и Рыжик.

Странный вид имела эта небольшая квадратная комнатка, с низким и совершенно черным потолком, с единственным окошечком и кирпичным полом. Стены не были оштукатурены, и обнаженные большие камни, из которых было сложено все здание, имели вид ящиков, поставленных друг на друга. В комнатке пахло гарью и сыростью. На полу, вдоль стен, лежала солома, покрытая тряпьем. Вся обстановка состояла из пары табуреток, одного некрашеного стола и круглой железной печурки. На соломе спали люди. Их серые фигуры темными пятнами вырисовывались в полумраке плохо освещенной комнаты. Только направо от дверей, в самом углу, сидела на груде тряпок какая-то старуха в серой длинной рубахе. Лица женщины не было видно: она сидела с низко опущенной головой, обхватив колени своими длинными костлявыми руками. Седые космы ее волос, похожие на клочья шерсти, упали ей на подол и чуть-чуть шевелились. Старуха, услышав шаги, подняла голову, откинула назад волосы и взглянула на пришедших. Спирька и Рыжик, увидав лицо старухи, вздрогнули, вообразив, что перед ними сидит настоящая ведьма. Красноватый огонек лампочки падал прямо на старуху и хорошо освещал ее костлявую горбатую фигуру и морщинистое желтое лицо с длинным хищным носом, который почти прикасался к острому и задранному вверх подбородку. Мягкий беззубый рот с тонкими, вдавленными внутрь губами обозначался едва заметной узенькой черточкой.

— Бабушка, а бабушка, — подошел к ней Немец, — где хозяин?

— Ась?

— Хозяин где? — возвысил голос Ванька.

— Не знаю... Иди ищи его сам, ежели он тебе нужен, — ответила старуха.

— У, старая ведьма, — проворчал Немец, а затем обернулся к своим спутникам: — Нету Косоручки, завтра увидим его, а теперь ложитесь спать... И я с вами лягу. Вот сюда идите...

Спустя немного они лежали на соломе и тихо разговаривали.

— Все здесь квартирки такие, — шепотом рассказывал Немец, — сени да комнатка. Тут, видишь ли, раньше были кузни, много кузниц; и потом кузнецы ушли на Южную улицу, а сюда переселился наш брат, фартовый люд. Есть тут и стрелки, да мы с ними компанию не ведем. А наш хозяин, Федька Косоручка, пять квартир сымает... Тут еще у нас, брат, потаенные ходы сделаны...

— Где? — заинтересовался Спирька.

— А вон у той стены, что к забору выходит. Там два камня вынимаются, и какой хочешь человек пролезет.

— Для чего этот ход?

— Как — для чего?.. А ежели полиция нагрянет аль обход?.. Вот тут мы живым манером камни долой — и поминай как звали...

Рыжик плохо слышал Немца: он был занят собственными думами.

Положение, в котором они с приятелем очутились, сильно беспокоило и пугало его. По мнению Саньки, они со Спирькой попали из огня да в полымя.

«Отсюда надо подальше», — мысленно решил Санька и стал обдумывать план будущих

действий.

Спирька и Немец давно уже уснули. Даже старуха и та после долгого сиденья упала на тряпье, вытянулась и засвистела носом, а Рыжик все еще был занят своими думами.

Наконец в лампочке керосин весь выгорел, и огонь погас; тогда только Рыжик стал засыпать.

IX

Школа воров

Санька спал недолго: едва только занялась заря, уж он лежал с открытыми глазами. В комнате становилось светлее. Теперь Рыжик имел возможность лучше разглядеть внутренность убогого жилища. Но чем дольше он вглядывался в окружающую его обстановку, тем хуже становилось у него на душе. Такой нищеты, такого убожества Санька никогда еще не встречал. Если бы не маленькое окошечко со стеклами, комнату, в которой находился Рыжик, можно было бы принять за чулан, за кладовую, за что угодно, но только не за жилое помещение.

А между тем здесь спали люди. Санька насчитал семнадцать человек. Все они лежали в лохмотьях, грязные, жалкие, где и как попало. Влажная от сырости солома совершенно измочалилась и не шуршала, когда спящие ворочались. Воздух в комнате был нестерпимый. Санька положительно задыхался. Временами ему казалось, что он лежит в каком-то большом мусорном ящике. По ноздреватым каменным стенам трущобы, точно слезы, крупными каплями стекала вода, прячась в соломе, на которой спали люди. Рыжик взглянул на Спирьку.

Тот спал сном праведника, обняв, как родного брата, Ваньку Немца. Санька подивился на приятеля и немного даже подсадовал.

«Спит, и горя ему мало», — подумал Рыжик.

В окошко тем временем все сильнее и ярче проникал свет наступающего утра. Вот поднялась старуха. Ворча и кряхтя, стала она одеваться. Она надела на себя какие-то коричневые лохмотья, а нерасчесанную седую голову покрыла черным платком и вышла из комнаты. Рыжик успел только разглядеть ее крючковатый нос и длинную палку, которую она захватила с собою. Старуха, уходя, не совсем плотно закрыла дверь, и в комнату вместе с яркой полосой света ворвалась струя свежего воздуха.

Санька учащенно задышал, желая побольше набрать в себя чистого воздуха, но из этого ничего не выходило: свежий воздух, проникший через узенькую щель неплотно закрытой двери, быстро растворялся в смрадной атмосфере грязной трущобы, и дышать все-таки было трудно. Тогда Рыжик решил последовать примеру старухи. Осторожно, чтобы никого не разбудить, он поднялся с места и вышел из комнаты. Через минуту он был на дворе и с жадностью вдыхал здоровый весенний воздух. На дворе было тихо и безлюдно; горбатая фигура старухи обогнула длинное здание и вышла из ворот на улицу. Рыжик поднял голову и залюбовался светло-голубым небом, на котором не было ни одного облачка, ни одного пятнышка. Только на востоке небосклон окрашивался не то в розовый, не то в бледно-сиреневый цвет. Близился восход. Только что проснувшиеся птички, свистя и щебеча, весело кружились и трепетали в голубоватом воздухе наступающего утра. Рыжик впервые после долгой зимы увидал ласточек. Острокрылые и белогрудые, они то стрелами вонзались в небесную синь, то вдруг падали вниз и грудью гладили землю. Санька следил за

ласточками с любовью и большим интересом. Ему казалось, что они только что прилетели из теплых стран и что, может быть, вчера только они пронеслись через Голодаевку и, может быть, их видели Дуня, панычи и все, кто там живет. Последнее предположение невольно вызвало у Рыжика воспоминания о прошлом, и ему снова сделалось грустно. С тоскливым чувством обвел он глазами обширный двор и задумался. Ему не нравилось здесь. Чем-то таинственным и преступным веяло от этого огороженного двора, от этого до безобразия длинного и низенького здания, в котором живут не то мазурики, не то нищие. Рыжик вспомнил, что Полфунта говорил ему о каком-то Черном море, на берегу которого и стоит город Одесса.

«Но где оно, это море? — спрашивал самого себя Рыжик. — Как к нему подойти? Нет, отсюда надо поскорее убраться. Пойду сейчас разбужу Спирьку, и мы тронемся с ним дальше», — твердо решил Санька и направился к трущобе, в которой ночевал. Но не успел он сделать и двух шагов, как перед ним, точно из земли, вырос громадного роста человек с круглыми серыми глазами. Рыжик, взглянув на этого человека, оцепенел от ужаса. А тот, не трогаясь с места, неподвижным взглядом смотрел на Саньку и этим смертельно пугал мальчика.

Страшнее всего было лицо великана. Крупное и темное, это лицо было рассечено надвое. Красный шрам резкой и глубокой чертой лег от низкого, заросшего жесткими волосами лба до широкого безволосого подбородка. По всей вероятности, человек этот получил когда-то сильный удар по лицу ножом или другим орудием, причем удар пришелся по лбу, носу, губам и подбородку. Вот этот-то шрам главным образом и делал лицо страшным.

— Что, брат, спужался? — тоненьким, почти детским голосом спросил великан.

У Рыжика отлегло от сердца. Слабый голос великана, несколько не гармонизировавший с его мощной фигурой, почему-то сразу успокоил Саньку, и он стал смотреть на него не со страхом, а с любопытством. Большой человек с тонким голосом был одет довольно прилично: на нем была черная пиджачная пара, лакированные сапоги офицерского покроя и круглая мягкая шапочка, надвинутая на затылок. Между прочим, Рыжик успел заметить у незнакомца еще одну особенность: правая рука его, изогнутая в виде косы, все время находилась возле груди, на весу. Санька сейчас же догадался, что великан правой рукой не владеет. У Рыжика даже мелькнула мысль, не есть ли этот субъект тот самый Федька Косоручка, о котором вчера рассказывал Ванька Немец.

— Будет тебе глаза на меня пялить, — тем же тоненьким голоском снова заговорил великан, — лучше скажи, откуда ты взялся.

— Я здесь не один, — счел почему-то нужным заявить Рыжик.

— А с кем ты?

— С товарищем, со Спирькой... Он еще спит...

— Где спит?

— А вон там, с Ванькой Немцем... А ты Федька Косоручка? Да?

— Откуда ты меня знаешь? — удивился великан.

— Знаю уж... — поддразнивая незнакомца, сказал Рыжик, шаловливо склонив к плечу свою рыжую кудрявую голову.

В это время из трущобы выползли на двор Ванька и Спирька.

При виде их Санька совсем оживился.

— Вот и мой товарищ! — воскликнул он и побежал приятелю навстречу.

Спирька и Немец щурили глаза и позевывали.

— Этот страшный — Федька Косоручка? Да? — громко спросил Рыжик у Немца.

— Чего ты орешь?.. Конечно, он... — тихо, но энергично остановил Рыжика Ванька.

Тот живо присмирел. Косоручка подошел к мальчикам.

— Сколько вчера заработал? — коротко спросил он у Немца.

— Нисколько, — по-видимому робея, ответил Ванька.

— Отчего же это «нисколько», голубчик ты мой? — совсем по-детски запищал Федька Косоручка и совершенно неожиданно схватил левой рукой Немца за плечо и, так тряхнул его, что у бедняги чуть душа не выскочила из тела.

Вот тут-то лицо у Косоручки действительно сделалось страшным. Дряблое, желтое и безволосое, оно вдруг налилось кровью, круглые серые глаза остановились, а шрам потемнел и резким, глубоким рубцом обозначился посередине лица. Рыжик и Спирька основательно струсили и уже приготовились было «задать стрекача», как выражался Спирька, но все очень скоро уладилось, и приятели успокоились. Федька выпустил Немца, а тот, крепко выругавшись, стал растирать плечо, которое держал в своей руке Федька, и этим дело ограничилось.

— Где ты их нашел? — как ни в чем не бывало спросил Косоручка, указывая на приятелей.

— Они фартовые ребята, — ответил Немец, все еще глядя на хозяина исподлобья.

— Вот как! — удивился Федька. — Посмотрим, посмотрим, какие вы воры... — обернулся он к приятелям.

В это время обитатели трущоб проснулись и один за другим стали выходить на свежий воздух. Солнце взошло и залило двор ярким золотым светом. Обширный и только что совершенно пустынный двор быстро наполнился народом. Тут были мужчины, женщины, старики и дети. Рыжику показалось, что он снова находится в Незнамове, среди нищих: до того появившаяся толпа напомнила ему обитателей той ночлежки, которую он с Вьюном оставил всего два дня тому назад. Как там, так и здесь, за исключением Косоручки, не было ни одного человека, мало-мальски хорошо одетого. Здесь люди как будто щеголяли грязными лохмотьями и хвастались ими друг перед другом. Физиономии этих людей вполне гармонировали с их костюмами. На каждом шагу попадались здесь субъекты с подбитыми глазами, с опухшими от пьянства лицами и хрипылыми голосами. Женщины в этом отношении мало чем отличались от мужчин и поражали своим безобразием. Рыжик увидел, между прочим, и вчерашних знакомых: Мошку Каракуля, косоглазого мальчика, который вчера прибежал на минутку в трактир, Маньку, подругу ее, курносую девочку, и остальных членов вчерашней компании. Мертвый доселе двор ожил. Послышались голоса, крики, брань; заголосила детвора, и заругались бабы. Некоторые из них вытаскивали из квартир постели и разбрасывали их по двору для проветривания. Иные развешивали свои лохмотья на протянутые веревки.

Возле Косоручки собрался кружок мальчиков. Это были всё юные, начинающие воришки, которым Федька преподавал уроки воровства. Один из мальчиков вынес «учителю»

табуретку, и урок начался. Косоручка уселся спиной к дому, а лицом к «ученикам».

— Не тот вор, кто ворует, а тот вор, кто попадаетеся, — ораторствовал Косоручка, обращаясь к маленьким оборванцам, слушавшим его с большим вниманием.

— Глянь-кось, что Мошка делает! — шепнул Спирька на ухо Рыжику.

Дело в том, что в то время, когда Федька говорил, Каракуль незаметно подкрался к нему и осторожно запустил два пальца в карман его пиджака. Все видели проделку Мошки, но никто и виду не подавал, что замечает это.

— Вон вчерась, к примеру, — продолжал Косоручка, — Петька и Анютка засыпались. Отчего? Оттого, что ловкости у них не было...

— Тащит, ей-богу, тащит!.. — дрожа от волнения, снова прошептал Спирька, увидев, как Мошка осторожно и тихо стал вытягивать из кармана Косоручки черный кошелек с блестящим медным затвором. Каракуль держал кошелек концами двух пальцев.

— А ловкость, братцы, — продолжал «учитель», — для нашего дела — первая статья... Ежели ты карманник, ты должен пальцы запускать в карман так, чтоб тебе самому не слышно было, а не так, как Мошка...

При последних словах Косоручка быстро повернулся на табуретке и левой рукой так схватил Мошку, что тот, вскрикнув от боли, уронил кошелек на землю.

Свидетели этой сцены разразились дружным хохотом. На бабьем желтом лице «учителя» появилась улыбка.

— Вот чуткий какой!..

— Его не обкрадешь!..

— Что, Мошка, засыпался?..

Восклицания и насмешки сыпались со всех сторон.

— Пойдем, Спиря! Что нам тут делать? — тихо проговорил Рыжик, обращаясь к приятелю.

Но тот до того был заинтересован, что и слушать его не захотел.

— Да погоди, не ной!.. — отмахнулся, точно от комара, Спирька и стал следить за дальнейшими действиями воришек.

На дворе между тем народу становилось меньше. Оборванцы услышали колокольный звон и отправились «стрелять» на церковные паперти. Остались только воришки да несколько баб с грудными детьми.

Косоручка продолжал урок. С уверенностью истинного знатока разъяснял он «ученикам», как должны они действовать при том или ином случае. Очень долго объяснял он мальчишкам, как надо вынимать стекло из закрытого окна, чтобы никто не услышал, и как надо пролезать через форточки. Свои объяснения подкреплял он примерами из личной практики. Примеры эти больше всего интересовали слушателей. Потом Косоручка стал говорить о качествах, необходимых каждому «порядочному» вору.

— Хороший и честный вор, — говорил Косоручка, — должен быть осторожным, но не трусом, должен забирать из чужой квартиры все ценное, но не должен быть жадным, потому что жадность губит нашего брата. Вор должен быть честным, и если он «работал» с товарищем,

он должен поделиться поровну, а если засыплется, никого не выдавать... А главное — вор должен быть сильным и ловким...

— Вот он сильный... — перебил оратора Ванька Немец, указав на Рыжика. — Он может ведмедя уложить.

— Да неужто? — шутливо воскликнул Косоручка и с улыбкой взглянул на покрасневшего и окончательно смутившегося Рыжика.

Санька мгновенно сделался предметом всеобщего внимания. Любопытные глаза мальчиков, всех цветов и оттенков, внимательно рассматривали Саньку со всех сторон.

— Все это враки... Какая у него сила!.. — слышался чей-то голос.

— Да я, ежели он хочет, один на один с ним пойду! — заодно воскликнул Мошка.

— Ай да Каракуль! Вот молодец! — слышались восклицания.

— Ну, где ему, холере, с таким парнем тягаться! Хвастает, дошлый... — нарочно подзадоривали Мошку некоторые из товарищей.

— Кто, Мошка хвастает?.. Вот уж неправда! — восклицали другие.

Эти возгласы наэлектризовывали Каракуля, и, точно молодой петух, он выступил вперед. Присутствующие предупредительно выстроились полукругом и таким образом заранее очистили место для поединка.

— Ну, иди: я тебя вызываю один на один! — дрожащим, взволнованным голосом проговорил Мошка и стал посередине круга.

Вся его маленькая, тощая фигурка, облаченная в невозможные лохмотья, выражала один сплошной задор. Кулачонки были сжаты, и черные глаза сверкали, как две искорки. «А ну-ка, выходи!» — казалось, говорили его откинута немного назад фигурка и задорно поднятая, черная как смоль мелкокудрая голова.

Рыжик струсил и попятился назад, что немедленно вызвало среди присутствующих насмешки и остроты.

— Вот так силач!.. Мошки испугался!.. — закричали одни.

— Ведмедя уложить может, а Мошки струсил.

— Ишь, попятился-то, что твой рак.

По мере того как Рыжик отступал, Каракуль становился смелее и задорнее.

— Чего отступаешь? — сверкая глазами и крепко сжимая кулачонки, выкрикивал Мошка. — Мы, брат, раков видали, нечего нам их представлять.

Каракуль положительно насккивал на смущенного и растерявшегося Рыжика. Санька совсем не Мошки боялся, а его пугала вся эта толпа оборвышей, для которой Каракуль был свой человек, а он чужой. Спирька испытывал почти то же самое, что и Рыжик, и уже неоднократно упрекал себя, зачем он вчера похвастал силой приятеля. Его разбирало зло на Мошку.

«Я б тебе, черномазому, наклал бы по первое число, ежели б ты попался мне в другом месте», — мысленно говорил Спирька Мошке и невольно сжимал кулаки и крепко стискивал зубы.

Федька Косоручка не принимал во всей этой сцене никакого участия. Он только улыбался и, по-видимому, с наслаждением следил за всеми действиями Мошки и Рыжика.

А Каракуль между тем совсем уже близко подошел к Рыжику и кулаками почти дотрагивался до лица противника.

— Отстань!.. Я не хочу драться... — бледный и чрезвычайно взволнованный, твердил Рыжик, тихо отступая.

— Начинай, Мошка! Чего смотреть на него! — послышался чей-то голос.

Каракуль сейчас же исполнил приказание и кулаком ударил Рыжика в глаз. Санька вскрикнул от боли, обеими руками закрыл лицо и опустился на корточки. Мошка торжествовал. Подбоченившись, он встал посередине круга, выставил вперед одну ногу, обутую в старую калошу, и обвел присутствующих победоносным взглядом. Но в эту секунду к Мошке подскочил Спирька и так ударил его в ухо, что тот закружился, как волчок, и упал на землю.

— Это не по правилу... Он сзади подскочил...

— Его за это проучить надо...

На Спирьку сразу напало несколько человек. На него, как горох, посыпались удары. Произошла свалка. Спирька не выдержал и начал кричать. Вот тут-то Рыжик и стал действовать. Придя в себя после полученного им удара, он со свежим синяком под глазом ринулся в драку.

— Я вам теперь покажу... — процедил сквозь зубы Санька и, как тигр, набросился на толпу.

Безумная злоба кипела у него в груди, он не помнил себя от негодования. Жгучее чувство обиды удвоило его энергию и силы. От каждого его удара кто-нибудь да падал. Шапка слетела с головы, и рыжие кудри Саньки упали на его возбужденное и раскрасневшееся лицо.

— А у нас вот как дерутся... — задыхаясь от волнения, говорил он, нанося удары направо и налево. — Вот как у нас дерутся... — повторял он, не переставая действовать кулаками.

Спирька почувствовал, что Рыжик разошелся вовсю, и также напряг энергию. Воришки не ожидали такого отчаянного и смелого нападения со стороны Рыжика и невольно растерялись. Некоторые даже до того трусили, что позорно бежали.

Федька Косоручка, наблюдая за тем, как враги Рыжика падали от каждого его удара, заливался мелким, едва слышным смехом, от которого дряблое, желтое лицо его ширилось, морщинилось, а шрам темнел и становился кровавым.

Минут через пять драка прекратилась. Рыжик и Спирька вышли победителями. Больше всех досталось Немцу и Мошке. Последний сидел на земле, подле Косоручки, и тихо всхлипывал, закрыв лицо руками.

— Молодцы, ребята! — похвалил приятелей Федька. — А ты, Рыжик, совсем молодец... Из тебя толк выйдет... Вот тебе за это...

Косоручка, к великому изумлению остальных мальчиков, подал Рыжику целый рубль.

Спустя немного Рыжик и Спирька в сопровождении вчерашней компании отправились в трактир пить чай. Мошка шел рядом с Рыжиком. Он теперь искренне уважал его и не питал к нему ни малейшей злобы.

Прошел месяц. Все это время Рыжик жил будто в тумане. Новая жизнь, новые люди и новые ощущения совершенно овладели им, и, помимо воли, Санька пошел не по тому пути, по которому ему хотелось. Неоднократно намеревался он уйти из Одессы, но каждый раз Спирька умел уговорить его, и он оставался. Так прошла пасха, и наступил май, теплый, благоухающий и цветущий.

Санька пользовался полной свободой и мог уходить куда и когда угодно. В продолжение месяца он успел отлично ознакомиться со всем городом, так как с утра до вечера бродил по улицам. Один раз совершенно неожиданно забрел он на Приморский бульвар и впервые увидал море. Трудно передать, что сделалось с Рыжиком, когда перед его взором расстелилась необъятная сверкающая равнина моря. Санька стоял подле памятника Ришелье, на первой ступени гигантской каменной лестницы. Он находился в самом лучшем и красивейшем уголке Одессы, но это его мало трогало. Он не обратил почти никакого внимания на прекрасный бульвар, на памятник и на колоссальную знаменитую лестницу. Море, живое, огромное и трепещущее, поглотило все его внимание. При взгляде на него Рыжиком овладел восторг. Его бесконечная даль и свободная ширь пришлись по душе маленькому бродяге. Он решил сойти вниз, к самому морю, чтобы хоть рукой дотронуться до его гигантского темно-синего тела.

...С того дня Санька подружился с морем. Каждый день приходил он к нему и рассказывал ему о своих печалях и радостях. Рыжик полюбил море ревливой, горячей любовью, и поэтому он избегал шумных, хлопотливых и многолюдных пристаней и гаваней, а выбрал себе за Ланжероновской дачей укромное местечко и оттуда беспрепятственно им любовался.

Больше всего Рыжика увлекала синяя даль, где небо сливалось с морем. Напрасно старался он взглядом пронзить ее насквозь и увидеть, что делается там, за горизонтом: при каждой такой попытке взор его таял в бесконечном пространстве, а глазам становилось больно. Тогда Санька принимался мечтать, выдумывать, и фантазия услужливо рисовала ему дивные картины жизни, которой живут неземные существа по ту сторону горизонта. В такие минуты душа Рыжика рвалась вперед, и он всеми мыслями стремился в заманчивую даль.

Каждый день море казалось Саньке иным, каждый день он находил в нем новые прелести, новые красоты. Пробежит ли тень птицы или облачка над водною гладью, беспокойный ли ветер пронесется и море, вздрогнув, нахмурится, солнце ли упадет и золото заката обильной червонной массой разольется по синим волнам, пока море не проглотит самое солнце, — Рыжик все замечал и всем любовался.

Санька стал понимать голос и язык моря; так, по крайней мере, ему казалось. Когда море бывало покойно, оно нежным голосом, похожим на голос лесного ручейка, что-то рассказывало своему маленькому слушателю, а он, устремив мечтательный взгляд на гладкую его поверхность, с наслаждением слушал его тихие, кроткие речи. В такие минуты Рыжик и сам таинственным шепотом передавал морю свои самые сокровенные думы и желания. Никто их не слышал, никому до них дела не было, только ветер иногда подкрадывался внезапно, схватывал два-три слова и тут же, ослабевая, ронял их в море.

Однажды Рыжик пришел к морю и не узнал своего друга. Еще недавно кроткое и ласковое, оно было чрезвычайно взволнованно. Рыжик остановился, боясь подойти к самому берегу. Солнца не было. Серым тяжелым покровом опустилось небо над взволнованной

поверхностью. Море кричало, пенилось и вышвыривало на берег огромные седые волны. Волны, падая в объятия береговых камней, с отчаянными воплями умирали, разбиваясь вдребезги. Полное дикого озлобления, море подпрыгивало и раскачивалось, точно хотело выпасть из своего глубокого ложа и проглотить и затопить все, что попадает на пути. Вокруг пристаней тысячи кораблей и пароходов в смертельной панике метались и бились о берег. Казалось, что море задумало сбросить со своих плеч все эти суда, всю эту тяжесть... Рыжик долго смотрел, как грозное море выражало свой гнев, и волнение моря передавалось ему.

— Так им и надо!.. — злобно проронил Рыжик, сам не зная, к кому должны относиться его слова. — Так им и надо! — Взволнованный, он ушел домой.

А на другой день море как ни в чем не бывало встретило его обычной лаской и кротким, тихим журчаньем. И снова Рыжик начал мечтать, слушая волшебные сказки моря.

Совсем иную жизнь вел в это время Спирька. Он весь ушел в интересы воровской шайки, среди которой он сразу занял видное положение. Дни и ночи проводил Спирька с новыми друзьями в трактире, где пил водку, курил папиросы и обдумывал план грандиозной кражи, совершить которую ему страстно хотелось. С Рыжиком он видался только ночью, в трущобе Косоручки. Отношения приятелей с каждым днем становились холодней. Спирька был рад, когда Рыжика не было возле него, потому что Рыжик являлся живым укором для его не совсем еще уснувшей совести. Бывали минуты, когда Вьюн желал совершенно развязаться с Санькой, но что-то его удерживало. Вообще Рыжик пришелся не ко двору вора, и удивительно было, что его терпел Федька Косоручка, который не любил праздных, бесполезных помощников. Но, по всей вероятности, у Косоручки насчет Саньки был какой-то план, иначе он не стал бы его содержать. Санька иногда тяготился дармоедством, как он сам называл свое существование в Одессе, и нередко просил у Косоручки дела, на что хозяин каждый раз отвечал одной и той же фразой: «Погоди, хлопчик, дело будет». И Рыжик в ожидании будущего дела уходил к морю.

А Спирька тем временем не зевал и мало-помалу начал действовать. Один раз он с Ванькой Немцем украл два тюка овечьей шерсти. Федька дал им за это десять рублей. Спирька в тот же день напился до того, что чуть было не умер. Насилу отходили. В другой раз он стащил у торговки корзину с галантерейным товаром. Воришки стали смотреть на него с завистью и почтением. Косоручка часто ставил его в пример другим ученикам и предсказывал Вьюну завидную будущность.

В то время как Рыжик любовался морем и уносился мечтами в неведомый мир, Спирька все ближе сходил с ворами. Слабый огонек добра совершенно угасал в сознании отверженного мальчика. Спирька узнал, что ученики Федьки — ничего не стоящие мелкие базарные воришки и что в Одессе имеются вору, которые живут по-барски, одеваются с неслыханной роскошью и богаты, как князья. Некоторых из них он сам видел. Один раз вечером подкатил на лихаче к их трущобе какой-то молодой барин в цилиндре и с сигарой в зубах. Он что-то шепнул Косоручке и тотчас укатил обратно. Образ этого изящного господина прочно запечатлелся в его памяти. От товарищей Спирька узнал, что барина этого зовут Колька Англичанин, что он железнодорожный вор и что всего два года тому назад он «засыпался» и его били смертным боем. Затем Спирька удостоился видеть королеву карманных воров — Соньку Золотую Ручку. Разодетая в шелк и брильянты, она в карете подъехала к трущобам Косоручки, забрала с собою Мошку Каракуля и уехала. С тех пор Спирька Мошки не видел.

Спирьке страстно захотелось сделаться хотя бы таким вором, каким был Ленька Фомкач. Этот вор среди «фартовых ребят» пользовался огромной популярностью. Фомкач был ловкий, красивый и смелый парень лет двадцати двух. Одевался он по-русски, но с таким шиком и роскошью, что все ему завидовали. Первый раз Спирька увидал Леньку Фомкача в одном из трактиров, где он прокучивал «заработанные» деньги. Фомкач был одет в шелковую косоворотку малинового цвета, в бархатные шаровары и в лакированные сапоги. Он

ежеминутно приказывал заводить машину и за каждую песню кидал в лицо машиниста скомканную кредитную бумажку. Спирька глаз не спускал с раскутившегося вора и мучительно завидовал ему.

А через два дня этого самого Леньку привезли под вечер к Косоручке избитого, окровавленного, в одном белье. Но от этого его значение ничуть не уменьшилось, так как воры привыкли к подобным превращениям.

Фомкач проболел недели две и стал поправляться. Когда он совсем выздоровел, Косоручка одел его и дал ему возможность снова приняться за свое дело. Ленька ушел, и два дня о нем не было ни слуху ни духу, как вдруг на третий день, под вечер, явился он с каким-то серьезным делом к Федьке. Рыжик, Спирька, Немец и прочая мелкота были уже дома и лежали на дворе, под открытым небом, намереваясь заснуть. Появление Фомкача заинтересовало мальчишек.

— Наверно, хорошее дело нашел, — прошептал Спирька.

— Уж Фомкач даром не прибежит... Не таковский! — подтвердил Немец.

Один только Рыжик отнесся к появлению Леньки совершенно безразлично. Он в это время думал о том, как бы снова пуститься в путь и как бы сделать так, чтобы и Спирька с ним пошел.

— Что-то долго совет держат, — снова промолвил Немец.

Но не успел он кончить, как из комнаты вышли Косоручка и Фомкач.

— Ну, ребята, поднимайтесь! Дело есть, — проговорил Федька.

Все мальчишки, сколько их было, как один человек, поднялись на ноги.

— Не все, не все пойдете, — сказал Косоручка. — Пойдут Спирька, Рыжик и Немец...

— А я? — слышался чей-то робкий голос.

— А я? — протянул еще кто-то.

— В другой раз, а теперь спите, — сказал Косоручка и направился к себе.

А Фомкач, Рыжик, Спирька и Немец молча перелезли через забор и быстро зашагали по направлению к городу.

Когда они прошли Базарную площадь, Ленька остановился и проговорил:

— Ребята, я пойду вперед, а вы идите за мной; только держитесь подальше, будто меня не знаете...

После этого они снова пустились в путь. Спирьке было и страшно и приятно в одно и то же время. Наконец-то его мечта сбылась и он идет на серьезное дело... Только какое это дело? Кого и как они будут обкрадывать?... Вопросы эти назойливо лезли ему в голову и не давали покоя. Несмотря на теплый вечер, Спирьку лихорадило. Он всеми силами старался удерживать дрожь, пробежавшую по его телу, дабы спутники не заметили и не подумали, что он трясит.

Рыжик также заинтересовался предстоящим делом и чего-то боялся. Он смутно знал, что воровать нельзя, что за это наказывают; но не наказания он боялся, а чего-то другого. При мысли о том, что он сегодня у кого-то что-то отнимет, что тот, кого он обкрадет, будет

страдать, плакать, ему становилось жутко и нехорошо. В Саньке, попросту говоря, еще бодрствовала совесть. Она-то и хозяйничала в его маленьком сердце и заставляла его прислушиваться к ее укорам.

Через час на углу одной из главных многолюдных улиц Одессы компания остановилась. Ленька Фомкач зорко осмотрелся, а затем обратился к своим спутникам:

— Ребята, вы видите большой серый дом, что насупротив нас?

— Видим, — ответил за всех Спирька.

— И ворота видите?

— Видим.

— Ну, так слушайте!.. — Фомкач принял веселый, беспечный вид, будто он случайно встретился с мальчишками, и заговорил так, что проходившей мимо публике в голову не могло прийти, что это злоумышленники. — На углу, — улыбаясь во весь рот, продолжал Фомкач, — стоит городской, а у ворот — дворник, а потому вы должны войти во двор того серого дома по одному, а не все разом. Двор там большой, длинный, и много лестниц имеется... Пройдете середину двора и меня подождите, я вас там спрячу... Ну, идите, а там, на месте, я вам все растолкую... Хозяину кланяйтесь! — нарочно крикнул Ленька, снял шапку, поклонился и пошел в противоположную сторону.

Воришки приступили к исполнению приказа. Первым перешел улицу, а затем вошел в ворота указанного дома Спирька, за ним сейчас же последовал Рыжик. Последним вошел Ванька Немец.

Двор, о котором говорил Фомкач, был таких огромных размеров, так густо заселен, что его можно было принять за небольшой городок. Со всех сторон был он застроен высокими каменными корпусами. Кого-кого только не было на этом дворе! Медники, водопроводчики, кузнецы, сапожники стучали молотками; из коробочной мастерской доносились резкие, визгливые голоса поющих мастеров; детвора, точно червяки, копошилась на дворе, присоединяя к общему шуму, стукотне, гаму и свои голоса.

На дворе было душно, жарко и тесно. Сотни окон в каменных корпусах были настежь открыты. На верхних этажах ярким пламенем отражался на стеклах солнечный закат, а внизу уже реяли сумерки.

На вновь явившуюся компанию никто не обратил внимания. Воришки затерялись в этом многолюдий, как щепки в дремучем лесу. Они смело могли здесь разговаривать о чем угодно — их никто бы не подслушивал, ими никто бы не интересовался.

— Вот так ярмарка! — воскликнул Рыжик, который не мог равнодушно видеть толпы.

— Здесь поработать можно... — проговорил Немец, с видом знатока осматривая двор и его постройки.

Вскоре явился и Фомкач.

— Ну, ребята, не зевайте, за мной идите! — бросил он на ходу и прошел мимо.

Шайка немедленно последовала за ним. Пройдя несколько сажен, Ленька завернул в один из черных ходов и шмыгнул под каменную грязную лестницу. Там он открыл небольшую деревянную дверцу и втолкнул подбежавших помощников в какой-то темный чулан.

— Вот здесь будет ваше место, — шепотом проговорил Ленька, закрывая дверь. — Садитесь,

тут мешки лежат... Ну, теперь слушайте: вы будете здесь сидеть, пока все не утихнет. Я вчера тут всю ночь пробыл... Вы не бойтесь: сюда никто не придет... Здесь чулан для угля. А квартира от этого чулана теперь пустует... Горбатиха все разведала...

В это время мимо чулана проходил кто-то, и Фомкач умолк.

«Вот она какая!..» — подумал о Горбатихе Рыжик. Он знал ее. Это была мать Косоручки, та самая старуха, которая так испугала его, когда он со Спирькой в первый раз ее увидел.

— Здесь я просверлил дырку, — снова начал Ленька, когда шаги утихли. — Когда посмотрите в нее, увидите окна, что насупротив. Вот эти-то окна нам и нужны. Живет там управляющий, богатейший человек... Золота, серебра и денег — не сосчитать... Все наше будет, ежели не струсите...

Голос его дрогнул. Ленька как будто поперхнулся. По-видимому, и он сильно волновался. Про его помощников и говорить нечего — они дрожали, как остриженные овцы, выгнанные на холод.

— И вот это, братцы, как утихнет все и как огонь потухнет в окнах, тогда вы еще часик подождите, а там вылезайте. Один из вас ворота откроет. Они не на замок, а засовом запираются... Ну, знаете, как будто дышло просовывается...

— Я знаю... Я отопру... — стиснув зубы, чтобы не стучали, вызвался Спирька.

— Вот молодец!.. А теперь слушайте дальше... Я по улице расставлю дозорных и буду гулять всю ночь... Как только ворота кто из вас откроет, пусть выйдет и громко кашляет два раза. Бояться нечего, потому ни городского, никого не будет. А я, как приду, окно выставлю и вас впущу в квартиру, а потом и сам войду... Вот и все... Ну, а теперь я пойду... Сидите смирно, не дрейфьте и не спите. Боже упаси, ежели уснете: все дело пропадет!.. Смотрите же, ребята, это ваша первая кража, не подкачайте!.. Ну, я пошел...

Тихо и осторожно открыл Фомкач дверцу и вышел из чулана.

XI

На месте преступления

— Теперь, кажись, можно... — прошептал Спирька, мучительно волнуясь.

На дворе давно уже царил тишина. Ни топота ног по лестнице, ни разговоров не было слышно. Все вокруг онемело, уснуло и притихло. Не так давно сидевшие в чулане злоумышленники через просверленную Фомкачем дырочку увидели, как в окнах, что напротив, потух огонь. Это заставило еще сильнее заволноваться Спирьку.

— Я пойду... — повторил он и решительно поднялся с места.

Рыжик и Немец не раз пробовали вздремнуть, но каждый раз их будил наэлектризованный Спирька. Разбудил он их и теперь. Волей-неволей последовали они за ним. Когда воришки вышли во двор, где-то протяжно и слабо прокричал гудок.

— Уже не рано, — прошептал Немец, прижавшись к стене, — фабрики гудят...

— Это не фабрики, а пароход, — заметил Рыжик.

Ночь была «фартовая», как говорят воры, то есть счастливая, потому что было темно и ненастно.

Спирька первый вышел во двор. Но едва только он очутился на вольном воздухе, как до его слуха явственно донеслись какие-то странные звуки. В смертельном страхе припал он спиной к мокрой каменной стене дома и замер на месте. Только тогда, когда к нему подошли товарищи, он догадался, что его испугало монотонное позвякивание дождевой воды, что тонкими струями стекала из водосточных труб на плоские камни. А потом уже раздался упомянутый гудок, вызвавший замечание со стороны Немца и возражение Рыжика.

Все три приятеля стояли у стены и тряслись, как щенки на морозе. Их съезжившиеся фигуры едва заметными темными пятнами выступали на сером фоне каменной стены.

— Что ж ты к воротам не идешь? — едва слышно прошептал Немец.

Спирька вздрогнул, точно на него брызнули холодной водой. Вьюн понял, что слова Немца относятся к нему, и после минутного колебания он на цыпочках не пошел, а поплыл к воротам.

А дождик все накрапывал, и вода звенела, падая на камни. Спирька подошел к воротам, отдернул засов и открыл калитку. Железные петли заскрипели и застонали. Спирька высоко поднял ногу и осторожно стал перелезать через высокую перекладину калитки. Когда он перелезал, ему почудилось, что позади него кто-то ходит, и он оглянулся. В нескольких шагах от него промелькнуло что-то большое, темное и сейчас же скрылось во мраке ночи. Спирька замер от ужаса. Холодный пот выступил у него на лбу, и сердце перестало биться. Ему показалось, что это промелькнул человек и что этот человек сейчас схватит его, и тогда он погиб. Но прошла минута, тишина никем больше не нарушалась, и Спирька немного успокоился, пришел в себя. Вспомнив наставление Леньки, он отошел на середину тротуара и громко кашлянул. В то же мгновение на другой стороне улицы появилась человеческая фигура, быстро направившаяся к Спирьке. Вьюн знал, что это был Фомкач, но тем не менее, пока Ленька подошел к нему, у него от одного только сомнения, действительно ли это Фомкач, ноги подкосились и кровь бросилась в голову.

— Что так поздно? — прошептал Ленька.

— Недавно только огни погасли, — тем же шепотом отвечал Вьюн.

— А во дворе все ладно?.. Никого не видали?..

— Кажись, никого.

— Ну хорошо! Идем!..

Спустя немного вся шайка стояла перед каменным корпусом, под одним из окон первого этажа.

— Теперь, ребята, не дышите, — едва слышно проговорил Ленька и принялся за дело.

Из кармана он достал длинный, заостренный на конце гвоздь и подошел к самому окну. Сначала он приложил лицо к стеклу и внимательно стал всматриваться, но в квартире было темно, и Фомкач ничего не мог разглядеть. Потом он ощупал угол окна, приложил к стеклу гвоздь и слегка придавил его. Раздался тихий звук, похожий на тот, когда лопается стакан или ламповое стекло. Звук был настолько слаб, что его уловило только чуткое ухо Фомкача. Остальные члены шайки ничего не слышали. Ленька провел ладонью по стеклу и остался доволен: стекло растрескалось на множество частей. Теперь оставалось самое трудное: вынуть все кусочки и очистить переплет окошка от стекла.

Желая удостовериться, все ли на дворе обстоит благополучно, Ленька отпрянул от окна и на цыпочках, слегка подпрыгивая, прошелся немного взад и вперед, а затем снова вернулся к окну. Неожиданное движение Фомкача, когда он отпрянул от окна, до того испугало его помощников, что они так на месте и присели. Но Ленька жестами успокоил их и приказал им быть немыми. После этого он снова принялся за дело, которое требовало большого умения и опытности. С необычайной ловкостью и осторожностью он вытащил первый осколок стекла и, держа его в обеих руках, как какое-нибудь сокровище, тихо положил его возле стены. То же самое проделал он со вторым, третьим, четвертым осколком, пока квадратный переплет рамы совершенно не очистился от стекла. Все действия Леньки были до того плавны и бесшумны, что помощники его, стоявшие тут же, ничего не слышали.

Когда стекло было вынуто, Фомкач еще раз осмотрелся и, убедившись, что никого нет, стал снимать сапоги, приказав и помощникам сделать то же самое. Те беспрекословно повиновались.

— Кто из вас ловчее? — чуть дыша, спросил Ленька, обращаясь к ребятам.

— Я, — первым откликнулся Спирька.

С ним творилось что-то непонятное. Он сильно трусил, нервничал, волновался и в то же время, сгорая от нетерпения, готов был везде и всюду быть первым.

— Ну, слушай же, — подошел к нему вплотную Фомкач, — ты влезешь, отдернешь верхний шпингалет и откроешь окно. Мы тогда все войдем в квартиру.

Спирька, со свойственной ему торопливостью, подошел к окну и просунул голову в освобожденное от стекла отверстие. Из квартиры на него пахнуло теплом.

— Лезешь? — тихо спросил у него Ленька.

— Конечно, — ответил Спирька.

Тогда Фомкач схватил его за ноги и почти насильно протиснул через оконное отверстие.

Через минуту Спирька, находясь уже в квартире, встал на подоконник, спустил задвижку и открыл окно. Рыжик и Немец сейчас же перелезли к Спирьке. Последним стал подниматься Фомкач. Когда половина его туловища лежала уже на подоконнике, Леньке, как перед тем Спирьке, почудилось, что кто-то ходит позади него. Фомкач оглянулся и вперил в темное пространство широко раскрытые глаза, как бы желая взглядом разорвать черную пелену ночи, но он ничего не увидал и успокоился.

Фомкач первым делом, как только перелез через окно, зажег серную спичку. Трепетный огонек осветил большую с двумя окнами комнату — не то кабинет, не то контору.

Рыжику прежде всего бросился в глаза огромный письменный стол со множеством интересных и блестящих предметов. Но не успел он их хорошенько разглядеть, как спичка в руках Фомкача потухла и густой мрак ночи поглотил все вещи. Но вот Фомкач зажег вторую спичку, и Рыжик явственно разглядел на краю стола бронзовую фигурку собачки, под которой лежали какие-то бумаги. Санька подскочил к столу, схватил золотую, как он думал, собачку и спрятал ее в карман.

С этого момента Рыжик как будто переродился. Апатичное состояние, в котором он все время находился, сменилось вдруг необычайным оживлением. Санькой овладела неслыханная жадность, жадность вора. Похитив одну вещь, ему захотелось забрать все, что было на письменном столе, и даже самый стол. Весь охваченный воровским азартом, Рыжик бросился к столу с явным намерением стащить все, что глаза увидят, но Ленька его остановил.

— Погоди здесь работать, — сказал он ему, — дай прежде шторы спустить.

С этими словами Фомкач подошел к окнам и опустил шторы. В комнате сделалось совершенно темно. Тогда Ленька зажег одну из двух свечей, стоявших на письменном столе в красивых подсвечниках перед большим бронзовым письменным прибором. При свете огня обстановка кабинета выступила довольно ясно.

Не бог весть какая это была обстановка, но Рыжику и Спирьке казалось, что они попали в царский дворец. Ничего подобного они во всей своей жизни не видали. Даже квартира панычей, от которой Рыжик когда-то был в таком восторге, побледнела в сравнении с кабинетом, в который он проник как вор. Больше всего Рыжика соблазнял стол, на котором была масса безделушек. Как только Фомкач зажег свечу, Санька с каким-то остервенением принялся за грабеж. Лихорадочно трясущимися руками хватал он карандаши, бронзовые крышки от чернильниц, перочинные ножи и другие мелкие вещи, набивая ими карманы и пряча их за пазуху. Глаза его сверкали фосфорическим блеском. Он тяжело дышал и был возбужден до крайней степени. В таком точно состоянии находился и Спирька. Оба приятеля чуть было не подрались у стола из-за коробки перьев — до того они забылись и вошли в азарт. А Фомкач, от которого почему-то ни на шаг не отступал Немец, возился около несгораемого денежного шкафа, привинченного к стене. Однако Фомкач вскоре должен был убедиться, что из-за отсутствия необходимых инструментов ничего со шкафом не сделать, и он, махнув на это дело рукой, подошел к письменному столу, около которого «работали» Рыжик и Спирька. За Фомкачем, точно тень, последовал и Ванька Немец.

— Бросьте! Что вы делаете! — зашипел на приятелей Фомкач, увидав, с какой жадной торопливостью они «очищали» стол.

— Работаем, вот что!.. — забыв всякую осторожность, почти крикнул Санька, скосив глаза.

— Тсс... рыжий дьявол!.. — заскрипел зубами Ленька и оттащил Рыжика от стола.

Но тот напряг свои силы, вырвался из рук Фомкача и, подбежав к письменному столу, почти лег на него.

— Это мое... Я первый увидал!.. — задыхаясь от волнения и силясь руками обнять весь стол, твердил Санька.

Он был неузнаваем. Лицо его, широкое и курносое, было выпачкано в чернилах, которые он пролил, когда грабил стол. Шапки на нем не было: он еще в чулане потерял ее. Рыжие кудри разлохматились и при свете трепетно горевшей свечи отливали червонным золотом. Широко раскрытые глаза его казались совершенно черными. Они были полны огня, тревоги и решимости.

— Никому не дам... Я первый... Мое это... — точно в бреду повторял Рыжик, наваливаясь на стол.

Фомкач побледнел от ярости и страха.

— Да ты что же это, щенок паршивый, делаешь? — сквозь зубы процедил Ленька и схватил Рыжика за плечи. — Аль засыпать хочешь нас?.. Так я, брат, тюрьмы не боюсь... А вот тебя...

Фомкач не договорил: ему послышалось, что щелкнул замок в одной из дверей кабинета, и он осекся на полуслове. Услыхали щелканье замка и остальные воришки. Одно мгновение — и все они стояли у открытого окна, готовые при малейшей опасности выскочить вон из кабинета. Прошла минута жуткого, мучительного ожидания. Но кругом было мертвенно тихо. Дождь перестал. Слышно было, как стекали последние капли дождя и как они все реже и

реже позвякивали, падая на камни. Из соседней комнаты до слуха притаившихся воров доносилось равномерное и солидное тиканье больших, как можно было догадаться, часов.

Прошло еще несколько минут, Рыжик, Спирька и Немец все еще не могли прийти в себя от страха и с ужасом поглядывали на ту дверь, у которой, как им всем показалось, щелкнул замок. Один только Фомкач очень скоро успокоился и решил продолжать «дело». Ему нужно было проникнуть в другие комнаты. Он помнил наставления Горбатихи, которая главным образом указывала на столовую и на спальню. По ее словам, в столовой должен был находиться буфет, полный серебра, а в спальне на туалетном столике — шкатулка с драгоценностями. В кабинете было две двери: одна напротив окон, другая направо, неподалеку от письменного стола. Обе двери, по уверениям Горбатихи, никогда не запирались на замок. Фомкач решил сначала проникнуть в столовую, как в менее опасную комнату. Окончательно успокоившись, он направился к двери, что находилась напротив окон, полагая, что она ведет в столовую.

Рыжик в первый раз увидел, как ночные вору ходят по комнатам. Фомкач, шествуя к дверям, высоко поднимал босые ноги и балансировал туловищем и руками, точно канатоходец. Ступал он всей пятой, боясь встать на цыпочки, чтобы не хрустнули как-нибудь суставы в больших пальцах.

Но вот Ленька достиг двери. Тихо и осторожно нажал он медную ручку и, затаив дыхание, постепенно стал налегать на дверь. Но напрасно: дверь не открывалась. Не могло быть сомнения, что дверь была заперта на замок. Обстоятельство это сильно обеспокоило и даже испугало Фомкача. «Стало быть, замок давеча щелкнул неспроста», — промелькнула у него мысль, и он решил попробовать другую дверь. «Ежели и та заперта, надо, значит, удирать, покуда время есть», — подумал Фомкач и повернул направо.

К великой радости Леньки, вторая дверь была не заперта и вела прямо в столовую. Зоркие глаза опытного вора сразу увидели большой темный буфет, который выделялся своими огромными размерами. Оставив дверь в столовую открытой, Фомкач вернулся к своим помощникам. По дороге он потушил свечу. В кабинет сквозь неплотно задернутые шторы проникали сумерки приближавшегося рассвета.

— Братцы, — заговорил тихим шепотом Фомкач, — уже не рано... Скоро, гляди, светать зачнет... До шкатулки не добраться, а столовая — вот она... Заберем покуда серебро, а там касательно шкатулки поглядим опосля... Ты, Спирька, оставайся здесь... Ежели что заметишь, сейчас знать дай... А мы с Ванькой да Рыжигом пойдем в столовую работать...

Спирька остался в кабинете возле окна, а остальные все отправились в столовую.

Рыжик, подражая Фомкачу, шагал так, будто пол был усеян колючим щебнем или стеклом.

Время между тем шло, и с каждой минутой становилось светлее. Яснее стали обрисовываться предметы. Только теперь Рыжик увидел всю обстановку кабинета. Громадный кожаный диван с высокой спинкой, два кресла, шкаф с книгами и тяжелые стулья темными выпуклыми пятнами выступали на фоне светлых обоев.

В столовой было еще светлее, так как мебели здесь было меньше, а окон больше. Фомкач, видя, что времени осталось совсем мало, заторопился и прибавил шаг. С буфетом возился он недолго. Железной отмычкой он живо открыл все дверцы и стал вытаскивать сначала салфетки да скатерти, а потом уже ложки, ножи, вилки и другие ценные серебряные вещи... Помогали ему Ванька и Рыжик. Каждую металлическую вещь они должны были обернуть в салфетку, чтобы они не ударялись друг о друга. На этот раз Рыжик действовал не совсем охотно и ежеминутно спрашивал у Леньки: «Еще не все?», на что тот каждый раз отвечал сердитым, угрожающим жестом. Рыжика мало интересовали ложки и вилки, хотя они и были серебряные. Его больше всего занимали те блестящие бронзовые безделушки, которые он

стацил со стола. Этими безделушками были набиты его карманы и пазуха. Саньке хотелось скорее уйти отсюда и на свободе хорошенько разглядеть добычу.

— Вот и все... — прошептал Фомкач, взвалил себе на плечи узел и быстро направился к кабинету.

Рыжик, а за ним и Немец последовали за своим старшим. Но не успели они дойти до дверей, как вдруг среди мертвой тишины раздался отчаянный крик Спирьки, и вслед за тем послышался топот ног, мужские голоса и хлопанье дверьми. У Фомкача ноги подкосились, а из рук выскользнул узел и упал с глухим звоном на пол. Рыжика охватил ужас. Трепеща всем телом, он с лихорадочной торопливостью стал выгружать карманы и выбрасывать вон все похищенные им вещи. Он теперь не только ими не дорожил, но все они были ему противны. Каждая вещь усиливала ощущение ужаса.

— Вот они где, мазурики! — раздался вдруг чей-то сильный, грубый голос.

В столовую вбежали люди, здоровые, бородатые, не то дворники, не то мастеровые.

— Ага, голубчики, поймались!.. — радостно воскликнул первый из них, рослый, широкоплечий детина с зажженной свечой в руке. — Павел Антипыч, пожалте — все здесь... Как будто в тенета голубки попались!..

Фомкач со всех ног бросился было в кабинет, рассчитывая там выскочить из окна, но не тут-то было: в кабинете уже были люди, которые держали Спирьку...

Через несколько минут вся шайка была на дворе. Воров окружили дворники, рабочие и добровольцы-конвойные. Рассвет был близок. Небо очистилось от туч, и день обещал быть солнечным.

— Эй, что там такое? — крикнула какая-то заспанная физиономия, высунувшись из окна третьего этажа.

— Воров поймали! — охотно отвечал тот самый широкоплечий парень, который раньше всех вбежал в столовую.

Он, по-видимому, испытывал огромное удовольствие от сознания, что вору пойманы. Крупное скуластое лицо его расплылось от улыбки. Он крепко держал Рыжика за руку и, часто наклоняясь к нему, радостно повторял одну и ту же фразу: «Что, голубчики, пыймали вас?..» При этом выражение лица у него было такое, точно он сообщал мальчику великую радостную весть.

Двор стал просыпаться. То и дело раскрывались окна, высовывались любопытные лица, и со всех сторон сыпались вопросы:

— Что случилось?..

— Где поймали?.. Кого поймали?..

— Каких мазуриков?.. А, вот они где!..

— Бей их!..

Все эти восклицания ясно и отчетливо улавливал Рыжик, но понять, вникнуть в смысл этих

отрывистых фраз и слов он не был в состоянии. В голове у него стоял непрерывный звон, а перед глазами сверкали какие-то блестящие, огненные круги. Здравый смысл совершенно оставил его, и он до того растерялся, что не мог точно сообразить, где он и что с ним случилось. Все происходившее вокруг него казалось ему сном, а мгновениями он даже был уверен, что все случившееся к нему лично не относится и что он является здесь посторонним зрителем. И на широком смертельно бледном лице его появилась бессмысленная и жалкая улыбка. Пришел в себя Рыжик только тогда, когда кто-то крикнул: «Бей их!» — и вслед за этим раздался отчаянный вопль Спирьки.

— Ой, родимые, не буду!.. — завопил Спирька.

Вслед за его криком послышался плачущий, жалобный голос Немца и глухое хрипение Фомкача.

— Вот так их... — раздавались отдельные голоса.

— Бей их!.. Чаво мазуриков жалеть!.. — крикнул кто-то.

В тот же момент Рыжик почувствовал удар по затылку. Удар был настолько силен, что у Саньки помутилось в глазах. Он, наверно, упал бы, если бы не тот самый детина, который крепко держал его за руку.

— Тише, слышь, бей! — оглянулся на кого-то детина. — Эдак и пришибить недолго...

— А он не воруй! — послышался как бы в ответ чей-то голос.

Вдруг случилось нечто совсем неожиданное. Фомкач, которого несколько человек били смертным боем, вырвался из их рук, ловким ударом свалил одного из самых сильных и бросился к воротам. За ним кинулась вся черная масса. Побежал и тот, который держал Рыжика. Пленника своего мужик не выпускал из рук, и бедному Саньке волей-неволей пришлось во весь опор мчаться с державшим его человеком.

На улице толпа рассыпалась во все стороны. Торжественная предутренняя тишина нарушилась криками, свистками и топотом бегущих людей.

— Держи его!.. Лови, лови!.. — раздалось голоса.

Рыжик почувствовал, что бегущий с ним человек совсем почти забыл о нем и держит его не так крепко, как раньше. «А что, ежели вырваться?» — промелькнула мысль у Саньки. Мысль эта в одно мгновение разбудила в Рыжике энергию. Недолго думая он сильным движением вырвал руку свою из руки державшего его парня и... показал тому, как надо бегать...

— Держи его!.. — завопил здоровый, но неуклюжий парень и бросился за Санькой, но того уже и след простыл.

XII

Неожиданное столкновение

Совсем рассвело, когда Рыжик, едва дыша, добежал до городского сада. Измученный страхом и усталостью, босой и без шапки, Санька остановился, чтобы перевести дух. Кругом было тихо и безлюдно. Крики, свистки, топот ног — все это осталось позади.

Город еще спал и казался мертвым. Огромные дома с закрытыми глазами-окнами отчетливо выступали по обеим сторонам улиц. Обнаженные каменные мостовые, отшлифованные ногами людей и животных, казались белыми паркетами. Обыватели еще спали крепким сном. Их покой охраняли дремавшие у ворот сторожа. Чем-то жутким веяло от этого мертвенного покоя большого города. Да оно и неудивительно: города создаются людьми, а не природой, а потому самый большой, самый оживленный из них становится мертвым, как только заснут или уйдут творцы его — люди.

Совсем другое — природа, в которой все живет и живет вечно. Вот почему Рыжик, горячо любивший природу, не мог не залюбоваться рождением утра, совершавшимся на его глазах.

С удовольствием и любопытством следил он за тем, как ветер энергично и торопливо гнал на запад белые пушистые тучки, очищая путь солнцу. Голубой простор постепенно светлел, покрывался бледно-розовыми пятнами, а на востоке ярким пламенем вспыхнула заря.

Рыжик прошелся вдоль сада, убедился, что ворота еще закрыты, и, недолго думая, перелез через чугунную решетку. Сад не показался Саньке мертвым, хотя в нем ни одного человека не было. Давно проснувшиеся птички громко, непринужденно распевали свои песни, а вымытые дождем деревья улыбались, сверкая алмазными каплями. На одной из веток молодой бледно-зеленой акации Рыжик увидел крохотную пеструю птичку и остановился поглядеть на нее. Качаясь на тоненькой ветке, птичка схватила миниатюрным клювом прозрачную каплю, проглотила ее, а затем, задрав серебристую головку, щелканьем и свистом выразила свое удовольствие.

Рыжик улыбнулся птичке и побежал по широкой аллее сада. Аллея заканчивалась обширной площадкой, посередине которой рельефно вырисовывалась на светло-зеленом фоне деревьев белая круглая эстрада для музыкантов. Место здесь было ровное, гладкое и обсыпанное песком. Белые цветущие акации, раскидистые каштаны и серебристые тополя, будто ведя хоровод, плотным кольцом охватывали площадку со всех сторон.

Перебегая площадку, Санька случайно обратил внимание на следы, которые он выдавливал своими босыми ногами на влажном желтом песке. Следы понравились Рыжику, и он стал кружиться и бегать, чтобы испещрить ими всю площадку. Забавляя самого себя, он совершенно забыл о только что происшедших с ним приключениях, как вдруг где-то далеко, по ту сторону сада, раздался свисток городского. Рыжику почудилось, что преследователи его находятся в саду и что он уже окружен ими. Не помня себя от ужаса, он бросился к эстраде, надеясь найти в ней какую-нибудь щель, какой-нибудь уголок, куда бы он мог проскользнуть и скрыться из виду. Эстрада была высокая. Пол ее, или, вернее говоря, подмостки были подняты от земли на добрый аршин. Эстрада стояла не на фундаменте, а на столбах, врытых в землю. Столбы были обиты досками, выкрашенными в белый цвет. Для музыкантов имелась небольшая деревянная лесенка, по которой они поднимались на эстраду. Рыжик подбежал, к лесенке, заглянул под ступени и, увидав небольшое отверстие, юркнул под эстраду и скрылся из виду. Под полом эстрады было темно и тихо. Санька на четвереньках отполз подальше от лесенки и улегся на каких-то стружках. Сердце сильно колотилось в груди мальчика, и он долго не мог успокоиться. А когда тревога улеглась, Рыжик стал думать о том, что будет с ним дальше, и чувство страха сменилось чувством тоски и безысходной грусти. Бедняга устал от всех этих тревожных незнакомой ему доселе жизни, с которой он столкнулся лицом к лицу. Ему не под силу оказалась борьба с этой жизнью, и он пал духом. Горячие крупные слезы брызнули из его глаз. Он плакал тихо, беззвучно и вспоминал родину. Сквозь слезы, точно сквозь тусклое стекло, Рыжик увидел нескончаемую вереницу дорогих образов, лиц и картин. Теперь ему все было дорого: и сама Голодаевка, и товарищи, и Зазули, и Дуня, и Мойпес, и даже Катерина.

Много слез пролил Рыжик в это памятное для него утро. Но вот иссякли слезы, и он притих,

измученный, обессиленный. Вдруг Саньке почудилось, что он не один лежит под эстрадой. От одного этого предположения у него волосы зашевелились на голове и холод пробежал по всему телу. Сначала ему послышалось, что кто-то возле него шевельнулся, а вслед за тем он явственно расслышал протяжный вздох. В продолжение двух-трех секунд, не более, Санька успел подумать о черте, о ведьме, о разбойнике, о домовом и о других «милых» созданиях.

— Кто здесь? — раздался почти над самым ухом Рыжика чей-то шепот.

Вместо ответа Рыжик, точно ужаленный, шарахнулся в сторону и торопливо пополз на четвереньках к тому самому отверстию, через которое он проник под эстраду.

Там, где находилось отверстие, свет падал небольшим золотистым пятном.

— О, уже утро!.. Пора вылезать... Послушайте, куда вы удираете? — уже совсем явственно и отчетливо услышал Рыжик, когда он дополз до отверстия.

Санька понял, что неизвестный следует за ним, и это заставило его ускорить свои движения. Еще минута — и он пулей выскочил из-под деревянной лесенки эстрады и бросился бежать к аллее. Перебежав площадку, Санька остановился, оглянулся, и... крик изумления и радости вырвался из его груди: около эстрады стоял и охорашивался только что вылезший из-под лесенки Полфунта! Невозможно передать восторг Саньки, который мгновенно узнал своего дорогого друга. С радостным воплем бросился он к Полфунту с явным намерением приласкаться к нему, но холодный, недоумевающий взгляд последнего остановил Рыжика на полпути. Дело в том, что Полфунта не узнал своего бывшего маленького спутника. Саньку действительно трудно было узнать: лицо его было совершенно черное, как у арапа.

— Дяденька... — смущенно пробормотал Рыжик, опустив голову.

Но Полфунта не дал ему договорить: он по голосу узнал приятеля и сам бросился обнимать его.

— Санька... Рыжик... ты ли это? — восклицал Полфунта, крепко прижимая мальчика к своей груди.

Это неожиданное столкновение, видимо, сильно взволновало фокусника. Голос у него дрожал, а из уст вырывались отрывистые слова и фразы.

— В каком это ты чернильном море купался? — после первых приветствий заговорил уже более спокойно Полфунта, с любопытством разглядывая Саньку. — В Одессе, — продолжал он, — насколько я помню, имеется Черное море, но не чернильное. Ты погляди только на себя, мой милый Рыжик, на кого ты похож! Рожей как будто на негра смахиваешь, а волосами — англичанина напоминаешь. Рыжий негр!.. Вот так зверь!.. Да тебя, брат, за деньги показывать можно.

Полфунта весело рассмеялся. Рыжик молчал, но по его улыбающейся широкой физиономии, выпачканной чернилами и слезами, и по смеющимся глазам, устремленным на фокусника, видно было, что он счастлив и доволен.

— Но где же ты пропадал?.. — снова заговорил Полфунта. — Где ты жил, что делал?.. Ведь мы вот уже год как расстались... А? Что же ты молчишь, мой Рыжик?

В ответ на последний вопрос Санька только вздохнул и опустил голову. Полфунта понял, что с мальчиком, наверно, случилось что-то очень нехорошее, что ему тяжело об этом теперь говорить, а потому он не стал больше расспрашивать.

— Ну ладно! — сказал он. — Потом мне все расскажешь, а пока лезь в спальню (Полфунта указал на эстраду) и найди свою шапку. Потом купаться отправимся, а потом... Ну, да там

увидим, что потом будет... Что же ты стоишь?.. Беги, говорю, за шапкой...

— У меня нет шапки, — едва слышно пробормотал Санька.

— А где она?

— Потерял.

— Кого?

— Шапку.

— Где потерял?

Рыжик снова замолчал и потупился.

— Ну ладно, пойдем к морю... Выкупаемся и думать начнем. Марш за мной!

Через час оба они сидели на берегу моря, недалеко от Практической гавани, и вели беседу. Для Рыжика Полфунта оказался тем же милым, веселым и добрым человеком, каким он был при первой встрече. Он даже и наружно нисколько не изменился. Те же добрые круглые глаза, то же смуглое подвижное лицо треугольником и та же серая крылатка... Рыжик чувствовал себя с ним как нельзя лучше. Подробно и чистосердечно рассказал он ему о всех своих злоключениях, начиная с того момента, когда его выбросили из вагона, и кончая вчерашним покушением на кражу.

— Тэк-с... Вот оно какие дела ты отмачивал!.. — вздохнул Полфунта, когда выслушал рассказ своего маленького приятеля. — Да, брат, жизнь — штука капризная. На кого захочет, легким перышком упадет, а на кого — тяжелым камнем навалится... Тебя, брат, она здорово душить начала, а потому домой тебе пора...

Рыжик внимательно слушал фокусника и в то же время глаз не спускал с любимого моря, с которым, как почему-то казалось ему, он видится в последний раз. Море было почти покойно. Темно-синяя гладь его, озаренная солнцем, чуть-чуть морщилась от прикосновения ветра, а золотистые волны мелкими складками торопливо бежали к берегу и там с тихим шепотом расплескивались о камни. Извилистый берег гавани был весь усеян пароходами и парусными судами. Мачты и трубы бесчисленных судов издали казались огромным обнаженным лесом. На далеком светлом горизонте, будто белые птицы, вырисовывались идущие к Одессе корабли с распушенными парусами.

— А теперь, — после небольшой паузы заговорил Полфунта, — я расскажу тебе, что со мною было. Купил я булку, выбежал на платформу и хотел было к тебе в вагон, а поезд-то вильнул этак перед моим носом хвостом и врезался в темноту. Только я его и видел. Стало мне тут грустно. «Как же теперь Рыжик будет без меня? — думаю. — Как он доедет?..» Но я, должен тебе сказать, долго думать не люблю, а предпочитаю дело делать. И вот я решился со следующим поездом катнуть в Одессу, за тобой... А так как денег у меня не было, то я поехал не человеком, а зайцем. В Одессе я тебя три дня искал, но найти не мог. Тогда я решил махнуть в Житомир...

— Куда? — заинтересовался Рыжик.

— В Житомир, в твой родной город, откуда ты родом. Ведь я тебя подле Житомира нашел в прошлом году.

— А какая там река? — возбужденно, глядя на Полфунта, спросил Санька.

— Река Тетерев.

— Правда, правда, — захолопал в ладоши Рыжик.

Лицо его озарилось светлой, радостной улыбкой.

— Ну-с, прикатил я через месяц в Житомир, — продолжал Полфунта, — побродил по городу, погулял по берегу реки...

— И у нас ты был? — живо перебил Санька, впившись глазами в фокусника.

— А «вы» кто такие? — улыбаясь, спросил Полфунта.

— Ну, у Зазулей... А может, ты Дуню встретил, а может, Мойпеса видел?

— Ах, вот «вы» кто такие!.. Нет, не видел я «вас», а речку вот я видел. Неважная речонка: мелкая, каменистая...

— Неправда, хорошая она! — горячо заступился за речку Рыжик. — Есть места страсть глубокие какие! От крестной моей ежели спуститься, ужаси как глубоко будет... Там один раз пьяный утоп...

— Ну, брат, пьяному и в луже утопиться ничего не стоит. Да не в том толк. Слушай дальше. В Житомире я тебя не нашел, а потому пустился обратно в Одессу. А так как мне захотелось прогуляться пешком, то я только вчера прибыл сюда из Кишинева. Вот какую я карусель ногами описал! В Кишиневе я захворал... Я, знаешь ли, хвораю иногда... И вот пришел сюда без копейки и даже без сумочки. Все состояние свое прохворал я. И отправился я ночевать в городской сад. Ну, а дальше ты все знаешь. Теперь я тебя вот о чем спрошу: домой хочешь?

— Ох, хочу, дяденька! — просил Санька.

— Не называй ты меня дяденькой.

— Не буду, не буду, дяденька!

— Опять!

— Не бу... — Рыжик обеими руками закрыл рот, а карие глаза его плутовато и весело смеялись.

— Вот что... слушай! — начал снова Полфунта, задумчиво устремив глаза вдаль. — Я здесь имею родных. Люди они богатые, но я не люблю их и не хожу к ним... Но ты без шапки, без сапог, а я без гроша... С такими средствами пуститься в путь нельзя. И вот что я надумал. Спрячу я свою гордость и отправлюсь на поклон к родным. Что дадут, то и ладно. Обмундируемся мы с тобою и начнем шагать, а ежели много дадут, на машине поедем.

— Лучше на машине: скорей дома буду! — подхватил Рыжик.

— Ты умный: сразу понял, что лучше... Так вот, ты здесь посиди, а я кланяться пойду... Что с тобой? — закончил он вопросом, заметив, как вдруг побледнел и какими испуганными глазами посмотрел на него Санька.

— Я боюсь... — тихо ответил Рыжик.

— Кого боишься?

— А ежели ты не придешь?

— Что ты! — заволновался Полфунта. — За кого ты меня принимаешь?.. Нет, голубчик, ты не бойся: я тебя не обману... Сиди и жди! Через час, самое большее через два прилечу к тебе, и

мы позавтракаем так, что любой волк нам позавидует.

Полфунта ушел, а Санька, полный тревоги и сомнений, остался сидеть на берегу моря.

XIII

Полфунта и его болезнь

Опасения и тревоги Рыжика были напрасны: ровно через два часа явился Полфунта. В руках он нес небольшой, чем-то наполненный мешок. Подойдя к Саньке, он сел рядом с ним и стал развязывать мешок.

— Вот видишь, я и пришел, а ты боялся, — проговорил Полфунта и, к великой радости Рыжика, вытащил из мешка пару подержанных, но совсем еще целых сапог и суконный картуз с лакированным козырьком, тоже подержанный.

— На-ка, примерь сапоги! — сказал Полфунта, подавая один сапог Рыжику.

— Сей секунд! — радостно волнуясь, проговорил Санька и хотел было натянуть сапог на босую ногу.

Но Полфунта остановил его:

— погоди, я и портянки купил... Тряпицы отличные, иным полотенцам не уступят...

Фокусник вытащил из мешка две длинные тряпки и подал их Саньке.

— А ты сумеешь обернуть ноги? — спросил у Рыжика Полфунта.

— Умею, чего тут не уметь! — живо подхватил Санька и стал обуваться.

Сидя на камне, он поднял ногу чуть ли не до лица, изогнулся колесом и торопливо принялся обматывать портянку вокруг ноги. Делал он это крайне неумело, пыхтел, краснел и в то же время беспрерывно повторял: «Чего тут не уметь!» Наконец после долгих усилий ему удалось надеть сапоги. Тогда он вскочил на ноги, поплясал на одном месте и, глядя на Полфунта смеющимися глазами, сказал:

— Чего тут не уметь!

— А теперь надень фуражку, — проговорил Полфунта.

Рыжик охотно натянул на голову картуз, подбоченился и от души расхохотался. Ему было бесконечно весело. Он совершенно переродился. Картуз делал его чрезвычайно забавным. Вокруг черного околыша мягкими кольцами лезли вверх рыжие кудри, а из-под лакированного козырька выглядывали темные горящие глаза и широкий вздернутый нос. Тупой подбородок, полные щеки, обсыпанные веснушками, красный рот с оскаленными крепкими зубами — все эти части лица вздрагивали и ширились от неудержимого смеха, которым Рыжик выражал свою радость.

Совсем иначе чувствовал себя Полфунта. Насколько можно было судить по его грустному лицу и по горькой усмешке, с которой он смотрел на Саньку, его настроение духа было неважное. Но Рыжик был настолько счастлив, что не обращал на фокусника никакого внимания и нисколько не интересовался его душевным настроением.

— Мы на машине поедem, да? — перестав смеяться, спросил Санька.

— Может быть, и на машине... А пока зайдem — вот тут недалеко трактирчик есть — и позавтракаем. Ох, боюсь, опять бы мне не захворать, как в Кишиневе! — со вздохом добавил Полфунта и направился к городу.

Трактир, в который зашли приятели, как все береговые одесские трущобы, не отличался ни чистотой, ни благоустройством. Низкие, закоптелые потолки, стены с грязными, оборванными обоями, обширные комнаты со множеством столиков, неизбежная машина, стойка, буфетчик, половые с намасленными волосами — вот и вся обстановка. Ввиду раннего времени в трактире посетителей почти не было. Полфунта, усевшись с Рыжиком за одним из столиков, потребовал чаю, а у Саньки спросил, не хочет ли он чего-нибудь поесть.

— Хочу, очень хочу! — живо заявил Рыжик.

— Чего же ты хочешь?

Прежде чем ответить, Санька пробежал глазами по стойке, остановил свой взгляд на огромном блюде, нагруженном колбасами, а затем, повернув голову к Полфунту, нерешительно и тихо промолвил:

— Я бы колбаски съел...

— Уж вы, господин хороший, картузик снимите, потому как здесь икона божия... — сиплым, простуженным голосом проговорил принесший чай половой, обращаясь к Саньке.

Рыжик мгновенно сдернул фуражку и сильно сконфузился.

— Подай сюда вареной колбасы и хлеба! — приказал Полфунта половому.

— Сейчас!

Спустя немного Санька с жадностью уписывал колбасу, набивая рот большими кусками хлеба. Полфунта не дотрагивался ни до колбасы, ни до чая. Угрюмый, молчаливый, сидел он напротив Рыжика, устремив глаза в одну точку.

— А вам ничего не угодно-с?

Полфунта повернул голову. У стола с грязной и влажной салфеткой через плечо стоял половой. Фокусник бросил рассеянный взгляд на узкие приподнятые плечи полового, а затем равнодушным тоном, каким просят холодной воды, проговорил:

— Принеси мне полбутылки очищенной, кусок черного хлеба с солью и стаканчик.

— Слушаю-с!

Когда половой принес водку, Рыжик с завтраком уже покончил. С любопытством и удивлением стал он следить за Полфунтом. В прошлом году во время их путешествия Санька ни разу не видел, чтобы Полфунта хоть одну рюмочку выпил. Вот почему он с таким интересом стал следить за каждым движением фокусника. С разинутым ртом смотрел Рыжик на то, как Полфунта налил полный стаканчик, как он поднес его ко рту, как закинул голову, выпил залпом, как он некрасиво сморщил лицо и как стал нюхать черный хлеб, держа его перед носом.

Не прошло и десяти минут, как бутылочка была совершенно опорожнена. Полфунта быстро опьянел. На лице выступили красные пятна, а глаза сделались влажными и мутными. В руке он держал пустую бутылку и молча глядел на стойку, за которой стоял тучный буфетчик.

Рыжик тоже молчал. Глядя на своего благодетеля, он стал понимать, какой болезнью хворает Полфунта, и ему сделалось жутко. В трактире было тихо. Единственные посетители, в лице трех биндюжников, отпив чай, расплатились и ушли, а половые, собравшись в кучу, о чем-то шушукались в соседней комнате.

— Чертова родня! — вдруг громко и резко вскрикнул Полфунта и так ударил бутылкой по столу, что она вдребезги разбилась.

К столу подлетел половой.

— Здесь, сударь, страдать не полагается, — заговорил половой, подбирая осколки. — У нас и больше выпивают, а таких экстренностей не делают...

— Другую! — коротко и повелительно оборвал полового Полфунта и швырнул на стол скомканную трехрублевую бумажку.

Слуга схватил деньги и побежал к буфету.

— Дяденька! — залепетал Санька.

— Ну? — бросил на него мутный взгляд фокусник.

Санька съежился и молчал. Он не на шутку стал побаиваться своего благодетеля.

— «Дяденька!» — заговорил снова Полфунта, выпив стаканчик из новой полбутылки. — Не называй меня ты дяденькой! Терпеть не могу!.. У меня свой дяденька имеется... И сестрица и братец есть... Они порядочные, потому что домовладельцы... А я вот — пьяница, бродяга и никуда не годный человек... И пусть... И пусть я негодяй, пьяница, а все-таки я, Иван Раздольев, презираю их... Пре-зи-раю!.. — повторил он громко, отдельно и так ударил кулаком по столу, что посуда заплясала.

Полфунта пьянел с каждой минутой. Лицо его сделалось совершенно красным, глаза потускнели, а веки воспалились. Речь становилась отрывистой и почти бессвязной. Он пил, не закусывая, как истый алкоголик. Рыжик со страхом следил за ним.

— Купцы!.. — воскликнул Полфунта и снова ударил кулаком по столу. — Знаешь ли ты, что такое купец!.. А? Не знаешь?.. Купец, братец ты мой, тоже человек... У него все есть: и глаза, и руки, и ноги, и большой живот... Одного только нет — души... Вместо души у него под сердцем купон лежит... А родня моя — купцы... Понял ты, голубчик мой?.. Они купцы, а я бродяга... Десять лет меня не видали, а как пришел сегодня, через прислугу пять рублей выслали... Видеть не захотели...

Полфунта выпил, сморщился, плюнул и снова начал:

— Нет, ты пойми: ведь обидно... Родная сестра... Я ее так любил... Мы были маленькие... И вдруг — не хочет повидаться... Десять лет не видала!.. Я плохо учился... Меня из гимназии выгнали... И родные прогнали... А из-за чего?.. Из-за искусства!.. Понимаешь ли, я искусство любил... Я театр любил... Ах, как я играл Аркашку!.. На Руси не было и не будет подобного Аркашки... А теперь кто я?.. Ничтожество из ничтожеств. Я пьяница и паяц!.. Балаганный па-яц!.. Голубчик ты мой, Саша, я несчастный... я неудачник...

Полфунта захныкал и залился слезами. Потом он рукавом вытер глаза и, едва держась на стуле, дрожащей рукой снова взялся за бутылку. Он совершенно ослаб и размяк.

Рыжик, видя, что его благодетелю становится совсем плохо, победил чувство страха и подошел к фокуснику.

Обеими руками обхватил он пьяного и, чуть не плача, стал умолять его не пить.

— Голубчик, миленький Полфунтичек, не надо!.. — взмолился Рыжик.

Пьяная голова Полфунта упала на плечо Саньки.

— Ты думаешь, я пьян? — с трудом уже выговаривая слова, забормотал фокусник. — Нет, брат... Я ослаб... это верно... Не следовало натошак... Натошак не годится... Закушу я вот... и еще выпью... Иван Раздольев пить умеет... Он, брат, пить умеет!..

Положение Рыжика становилось безвыходным. Полфунта допился до бесчувствия, и Санька не знал, что с ним делать. Безобразный вид пьяного, его беспомощность и полнейшее отсутствие здравого смысла произвели на мальчика удручающее впечатление. Он много раз видал пьяных. Он не раз видал, как напивался Тарас Зазуля, как пьянствовал его крестный, Андрей-воин и многие другие. Но на этих людей он всегда смотрел издали, а когда они становились буйными, он убегал от них. И поэтому голодаевские пьяницы его только забавляли. Совсем иначе чувствовал себя Санька с фокусником. Этот маленький и чужой ему человек в данную минуту был для него самым близким существом в мире. От него зависела вся судьба Рыжика, потому что только он один мог его доставить на родину. И вдруг этот благодетель напивается и становится почти неодушевленной вещью. Санька приходил в отчаяние. А тут еще вдобавок их выгнали из трактира. Выгнали за то, что Полфунта ногами опрокинул стол и разбил два стакана и чайник. За посуду вычли, мелочь, оставшуюся от трех рублей, вручили Саньке, а затем обоих попросили удалиться.

На улице Рыжик совсем растерялся. Через плечо у него висел мешок, а обеими руками он держал пьяного. Полфунта буквально на ногах не стоял и всю тяжестью навалился на мальчика.

— Ты не бойся!.. — бормотал Полфунта, раскачиваясь из стороны в сторону. — Я, брат, все понимаю... Мы в Житомир пойдем... Пешком пойдем... Мы бродяги, да?.. Ты Рыжик, а я Полфунта... Беспаспортные мы... Ну и ладно... А? Денежки заработаем и...

Но тут Полфунта шлепнулся на мостовую и умолк, растянувшись на камнях. Санька, растерянный и обессиленный, встал у ног пьяного и, точно покойника, принялся его оплакивать.

Собралась толпа. Явился городской. Рыжик, увидав полицейского, до того струсил, что чуть было не бросился бежать.

Ему почудилось, что городской знает, что он на рассвете с ворами покушался на кражу, и что он его сейчас арестует. Но в ту же минуту Санька успокоился, так как полицейский даже не взглянул на него, а занялся исключительно пьяным.

— Ишь, натрескался! — проворчал городской и сделал было попытку поставить пьяного на ноги, но не тут-то было: Полфунта оказался в бесчувственном состоянии.

— Рано праздник встретил! — заметил кто-то из толпы.

— В крылатке, а напился, как в поддевке, — слышался еще чей-то голос.

— А ты думаешь, крылатки не пьют? Эге, еще как заливают!..

— Ему бы банки поставить, живо очнется...

— Чего зубы скалишь? Грех да беда с кем не живет...

— Братцы, аблакат нашелся... Сейчас могильную речь скажет...

Восклицания, шутки и острые словечки сыпались со всех сторон.

— Чего вы тут не видали? Разойдитесь! — крикнул городской.

Толпа на мгновение раздалась, но потом опять сомкнулась. Рыжик стоял тут же и употреблял все усилия, чтобы не расплакаться. Городовой наконец заметил его.

— Ты был с ним, что ли? — спросил он у Рыжика.

— Да, — едва слышно ответил мальчик и опустил глаза.

— Где же вы были?

— Вот там, в трактире.

— А кто он тебе: отец, брат?

— Дядя, — неожиданно для самого себя соврал Санька.

— С какой же это он радости так напился?

— Не знаю.

— Где вы живете?

— Не знаю.

— Да ты что, на самделе дурак аль прикидываешься? Такой здоровый, а все твердит одно: не знаю да не знаю.

— А может, они нездешние? — снова послышался чей-то голос из толпы.

Городовой повернул голову, презрительным и строгим взглядом оглядел того, кто без позволения осмелился вмешаться не в свое дело, а затем, обернувшись к Рыжику, спросил:

— Вы нездешние?

— Нет.

— Кто же вы? Приезжие?

— Да.

Полицейский укоризненно покачал головой и снова принялся было за Полфунта, но напрасно: фокусник был мертвецки пьян и не подавал никаких признаков жизни.

— Его бы на извозчика да в ночлежный дом, — не унимался все тот же голос, — он бы выпался и на человека стал бы похож. А то расспросы да допросы... Будто и впрямь умный аль следовательно...

— Вас не спрашивают и прошу не вмешиваться! — строго провозгласил городской, после чего снова обратился к Рыжику: — Деньги у твоего дяди есть?

Рыжик вместо ответа разжал руку: на ладони у него лежало сорок копеек.

— Сейчас я вас отправлю, — сказал городской и остановил извозчика, который в это время проезжал мимо.

Извозчик, увидав на панели пьяного, безнадежно махнул рукой.

— И не везет же мне сегодня: на второго утопленника наезжаю! — сказал он и энергично плюнул.

— Не в часть, а в ночлежный отвезешь... И мальчика захватишь... Двугривенный получишь, — проговорил полицейский.

— Этак-то другое колесо выходит! — повеселел извозчик.

Затем он слез с козел и обратился к толпе:

— Православные, помогите багаж на дрожки взвалить.

В толпе послышался смех.

На другой день Полфунта проснулся в одном из одесских ночлежных домов с головной болью и мучительными угрызениями совести. Подле него сидел Рыжик. Вид у Саньки был больной, усталый. Вчерашний день надолго остался у него в памяти. Ему много пришлось выстрадать. Дело в том, что Полфунта не один раз, а три раза напивался в продолжение дня. Когда его привезли в ночлежный дом, он был совсем без чувств. Санька даже стал серьезно опасаться за его жизнь. Фокусника бросили на нару, куда забрался и Рыжик. Через два часа он проснулся и потребовал водки; а так как денег не было, то он тут же, в ночлежке, продал за один рубль свою крылатку. Рыжик плакал, умолял его не пить, но тот его не слушал. В третий раз он напился уже вечером. Его угощала трущобная братия за то, что он разные смешные штуки выкидывал. Никогда еще Рыжик не видал его таким скверным, неприличным и гадким. Мальчик нравственно страдал за него.

— Ты прости меня, голубчик! — охрипшим и виноватым голосом проговорил Полфунта, обращаясь к Саньке.

Лицо его было измято и казалось опухшим. Он, по-видимому, сильно страдал.

— Мы сегодня тронемся в путь... — продолжал он. — Пройдемся немного по Бессарабии, а потом уже махнем на Украину...

— Я бы домой хотел... — вставил Рыжик.

— Домой мы и пойдем. Только у нас, понимаешь ли, денег нет, так вот я хочу по таким местам пройти, где полегче... Ты, голубчик, не беспокойся: будешь дома... А пить я не стану. Слово даю тебе...

— Вот это хорошо будет! — подхватил Санька, у которого снова зародилась надежда попасть домой. — А то я страсть как напужался!

— Не напужался, а напугался, — поправил Полфунта. — Ну, теперь ты можешь быть покоен. Пока до Житомира не дойдем, капли в рот не возьму.

У Саньки точно гора свалилась с плеч. Ему стало легко и весело.

Ровно в полдень друзья вышли из Одессы.

Был холодный осенний день. С утра и в продолжение всего дня моросил дождь, а под вечер в сыром воздухе замелькали большие и мягкие хлопья снега. Голодаевка, с ее жалкими домишками, в этот осенний день казалась какой-то пришибленной, придавленной. Река едва заметной темной полосой вырисовывалась в сумерках наступающего вечера. На улице не видно было ни людей, ни животных: все спрятались от ненастья. Только ветер один, завывая и свистя, разгуливал на просторе.

В хате Зазулей было темно и тихо, хотя семья была в полном сборе, а в мастерской, на верстаке Тараса, сидел даже гость, кум Иван Чумаченко.

Зазули сумерничали — вернее, Аксинья не хотела зажигать огня, потому что керосин был на исходе.

Дети Зазулей, Вера и Катя, лежали на печи. Сестры не спали. Точно птички, нахохлились они и молча напрягали зрение, не выпуская из виду мать, сидевшую у окна. Им все почему-то казалось, что взрослые начнут есть, как только они заснут, и девочки поэтому нарочно гнали сон, широко раскрывая глаза.

Зазули и кум Иван хранили глубокое молчание. Говорить было не о чем, а дела не веселили. Сапожник думал о том, зачем его нелегкая принесла сюда, и тем не менее продолжал сидеть, так как у него дома было еще скучнее. Тарас думал о том, как бы теперь хорошо было выпить с кумом по поводу первого снега и печальной погоды. А жена Тараса думала о завтрашнем дне и о том, как она без денег проживет этот день и удастся ли ей утром накормить детей. Вообще думы были невеселые. Безотрадные мысли как будто рождались от угрюмого молчания. И неизвестно, до каких пор могло бы протянуться это тоскливое безмолвие, если бы совершенно неожиданно не послышались чьи-то шаги в сенях.

Услыхав шаги, Аксинья поднялась с места. В ту же минуту дверь отворилась, и в хату вошли два каких-то человека.

— Здесь живет Тарас Зазуля? — спросил один из вошедших.

Голос был совершенно незнакомый.

— Здесь, здесь! — торопливо отвечал Тарас и тут же стал кричать на жену. — Оксана, да засвети огонь! Никого не видно...

Не успел Зазуля кончить, как Аксинья уже зажгла спичку и направилась к непрошеным гостям. Но едва только она взглянула на них, как крик радости вырвался у нее из груди: у дверей стояли Рыжик и незнакомый ей Полфунта.

— Санечка!.. Мой милый!.. Мой родимый!.. — вскричала Аксинья и, дрожа от волнения, кинулась зажигать лампу.

Подошел к дверям и Тарас, а с печи стала слезать Верочка.

Через минуту хата огласилась радостными восклицаниями, расспросами и шумным говором.

Когда первые восторги прошли и когда все немного успокоились, выступил вперед Полфунта.

— Ваш мальчик? — шутя спросил он, положив руку на плечо Рыжика.

— Наш, наш! — ответили ему хором.

— В таком случае, получайте его в целости и сохранности.

— Спасибо, спасибо вам! — заговорил Тарас. — Что же вы не сядете? Садитесь, прошу вас, будьте гостем...

Последние слова «будьте гостем» Зазуля произнес дрогнувшим голосом, так как вспомнил, что угощать нечем. А он человек был хлебосольный и гостеприимный, как все украинцы.

Полфунта, точно угадав мысли Тараса, запустил руку в карман, вытащил рубль и подал его Аксинье.

— А вы, хозяйюшка, — сказал он ей, — угостите нас... Мы в дороге озябли... Нам, мужчинам, водочки дайте, а рыжему мальчику вашему чайку дайте, да не крепкого, чтобы цвет волос не испортился...

— Что вы беспокоитесь? — залепетала Аксинья, принимая рубль.

— Ничего, ничего, — поспешил утешить ее Полфунта, — деньги эти не мои, а вашего сына... Вместе со мною в цирке заработал их...

— Вот как! — улыбнулась Аксинья и с лаской посмотрела на своего любимца.

Аксинья побежала в лавочку, а мужчины уселись за стол. Рыжик увидал Верочку, удивился, как она выросла, поцеловал ее и посадил рядом с Полфунтом. Катя, не умевшая еще сама слезать с печи, все время не переставала хныкать. Но на нее никто не обращал внимания. Тем временем Санька стал постепенно осваиваться и наконец осмелился заговорить.

— А Мойпес жив? — спросил он у Тараса.

— Как же, жив! — воскликнул Зазуля. — Он на другой день, когда ты пропал, вечером явился... больной, усталый... Три дня не жрал и выл и все бегал куда-то искать тебя... Думали,дохнет пес, ан нет, выходился. Он на своем месте, в сарае, лежит...

— Можно к нему?

— Сходи, ежели охота есть.

Рыжик выбежал из хаты.

— Ну-с, может, вы теперь хотите знать, где был ваш мальчик и что он делал? — спросил Полфунта, когда Санька выбежал из хаты.

— Рассказывайте, будьте добры! — подхватил Тарас.

— Послушать антиресно! — решил вставить и свое слово Чумаченко.

— Извольте! Ваш Санька был в большой школе. Называется эта школа — жизнь. Успел он только пройти пригготовительный класс, но и то на добрый грош умнее стал.

Оба кума, громадные и неуклюжие, с напряжением слушали маленького человека, но при всем старании ничего не могли понять. Полфунта заметил это и заговорил более просто. В немногих словах рассказал он им всю историю приключений Саньки. Его рассказ в высшей степени заинтересовал обоих слушателей и даже Верочку, которая все время глаз не спускала с Полфунта.

Рыжик между тем, выбежав на двор, подошел к низенькому плетню и тихо свистнул. В ту же

минуту из сарая вылетело что-то черное, большое и с визгом бросилось к Саньке. Это был Мойпес. Встреча друзей была поистине трогательна.

— Дорогой мой песик!.. Славненький... — прошептал Рыжик, крепко прижимая к груди голову собаки.

Пес отвечал на ласку лаской. Он не переставал вилять хвостом, радостно визжать и прыгать. Несколько раз ему удавалось положить свои передние мокрые лапы на плечи Саньки. Рыжик был наверху блаженства. Наконец-то он дома, на родине!.. Заветная мечта его последних дней сбылась, и счастливее Рыжика не было человека. Он только жалел, зачем все это случилось вечером и в такое ненастное время. Будь это днем, он всю Голодаевку обегал бы, со всеми повидался и рассказал бы о своих приключениях. Теперь ничего нельзя было поделаться и приходилось ждать до завтрашнего утра.

Освободившись из объятий Мойпеса, Санька вернулся в хату. Там Полфунта рассказывал о том, как они с Рыжиком после долгих скитаний по Бессарабии и Украине попали в Киев и поступили в цирк: Полфунта в качестве клоуна и фокусника, а Санька — его помощником.

— Сорок два рубля в один месяц заработали! — добавил в заключение рассказа Полфунта.

— Ого! — удивился Тарас.

— Здорово! — подтвердил и Чумаченко.

— Э, да разве это заработок! — хвастливо заметил Полфунта. — Если бы у нас были свои костюмы да все принадлежности для фокусов, мы бы и сто заработали.

— Здорово! — повторил сапожник.

— А то сорок два рубля, — продолжал фокусник, — разве это деньги?.. Купил я себе пальтишко, сапоги, шапку, кое-как одел мальчонку — и вот все деньги.

— Деньги — вода, известное дело, — сказал Тарас.

— Вода, истинно вода! — подтвердил Чумаченко.

В это время в хату вошла Катерина, а вслед за нею явилась Агафья-портниха. Аксинья, идя в лавку, не утерпела и дала знать соседям о появлении Саньки. Агафья, со свойственной ей добротой и нежностью, горячо обняла Рыжика.

— Ах ты, сердечный мой!.. Где же ты был все время?.. А мы по тебе тут стосковались, — мягким голосом заговорила Агафья.

От этой материнской ласки Рыжику сделалось хорошо и покойно на душе, а на глазах навернулись слезы умиления и благодарности.

Катерина ничего не сказала и даже не подошла к Саньке. Она издали глядела на него и как-то странно морщила брови. Катерина была такая же худая и высокая, как всегда.

Вскоре вернулась Аксинья с закуской и выпивкой. Живо накрыла она стол, все приготовила и пригласила дорогих гостей откусать.

— Смотри, кума, как вырос мой крестник, — сказала Агафья, обращаясь к Аксинье.

— Я и то уже гляжу, — отозвалась Зазулиха, — в один год и так вырасти!

— Уж скоро полтора будет, — вставил Тарас. — За ваше здоровье! Извините, не знаю, как вас величать, — вежливо обернулся он к Полфунту, держа налитую рюмку.

— Меня зовут Иван Петрович, — ответил Полфунта и также поднял рюмку.

Мужчины чокнулись и выпили. А женщины занялись Рыжиком.

Они разглядывали его, расспрашивали о его похождениях и ласкали его. Рыжик выглядел молодцом. Одет он был довольно прилично.

— А где Дуня? — спросил вдруг Санька.

— Дуня у директорши живет, — ответила Акси́нья. — Ей там очень хорошо. Маленькая барышня Надя полюбила ее, и они живут, как сестры. Ее обувают, одевают... Совсем как паненка. Читать и писать учится...

— И он умеет читать и писать, — вмешался в разговор Полфунта, указывая на Рыжика.

— Как это — умеет? — удивился Тарас.

— Очень просто: я его выучил. Все лето гуляли без дела, а дни были длинные... Дай, думаю, поучу малыша: может, потом и спасибо скажет... И вот я его выучил. Кое-как читает, может и писульку нацарапать... Чего больше!

— Спасибо вам, добрый человек, что сироту не оставили, — поклонилась ему Акси́нья.

— Это верно, что спасибо, — вставил свое слово Чумаченко и выпил вторую рюмку.

— Известное дело, спасибо, — сказал Тарас и тоже выпил.

— Вот я вам каким Рыжика вашего доставил!.. — проговорил Полфунта. — Теперь мое дело — сторона. Завтра отправляюсь в путь, а вам на память оставлю Саньку. Да, кстати, а переночевать у вас мне можно будет?

— Да что вы спрашиваете! Конечно, можно. Даже рады будем, — сказала Акси́нья.

— Очень рады будем, — вставил Тарас и в третий раз выпил.

— Да вы поживите у нас денька два. Куда вы в такую погоду пойдете? Поживите, мы рады будем, — совершенно искренне стала упрашивать Акси́нья.

— Очень вам благодарен. Я бы с удовольствием пожил у вас, да времени у меня нет... Я счастье свое должен догнать... Вот я теперь в Житомире, а мне кажется, что мое счастье теперь в Полтаве...

— Какое же это счастье? — не на шутку заинтересовался Тарас.

— Обыкновенное. У каждого человека есть счастье, только не каждый человек умеет его беречь. Я потерял свое счастье лет двенадцать тому назад. И вот до сих пор не могу его поймать. Я уверен, что приду в Полтаву, а мое счастье махнет в Ромны. Я и в Ромны пойду, а из Ромны на Амур, в Ташкент, мне это все равно, а уж счастье свое я найду...

— А не лучше ли посидеть да обождать: может, само счастье на вас наскочит? — проговорил Тарас и налил по четвертой.

— Сидеть не годится, — уверенно заявил Полфунта. — От сиденья не получишь уменья. И придет счастье, да не сумеешь взять его. Нет, уж я завтра непременно отправлюсь. А ты, — обратился он к Саньке, — живи на Голодаевке и будь сыт. Весной, может, пройду мимо, тогда увидимся. А пока, друзья, за ваше здоровье!

Полфунта чокнулся и выпил. Акси́нья поставила самовар. Чай пили до поздней ночи, так что

Санька уснул не раздевшись.

На другой день Полфунта ушел, оставив Аксинье три рубля. Она было не хотела взять, но он уверил ее, что деньги для него совершенно лишняя роскошь и что они только мешают ему.

Санька проводил Полфунта до самой рощи. Там они сердечно распростились и расстались. Рыжик, немного грустный, вернулся в город в сопровождении Мойпеса, который по старой памяти не отставал от хозяина ни на шаг.

Рыжик отправился к Дуне. Был легкий морозец. Река еще не встала, но вдоль берега, точно куски стекла, уже лежали над водою хрупкие и тонкие ледяные слои. Небо было серое и неприветливое. Голодаевские ребята, не имея сапог, попрятались по домам, и на улице поэтому не было почти никакого оживления. Рыжику это обстоятельство крайне не нравилось, так как он хотел, чтобы все его видели.

Панычи встретили Саньку далеко не так радостно, как он почему-то рассчитывал. Он как вошел в кухню, так и оставался там все время, потому что панычи не сочли нужным пригласить его в комнаты. Случись это в другое время, Володя и Сережа наверное бы более горячо встретили Рыжика, но он явился к ним тогда, когда они сами были заняты новым происшествием в их жизни. Дело в том, что оба они поступили в гимназию и только недавно надели на себя мундиры с блестящими пуговицами. И Володя и Сережа были страшно заняты собою и прежде всего желали, чтобы все любовались только ими и их мундирами.

Несвязный и сбивчивый рассказ Рыжика о его приключениях они выслушали довольно равнодушно, а когда на кухню пришли Надя и Дуня, они немедленно отправились к себе.

Дуню Рыжик узнал с трудом. Бывшая замарашка и босоножка превратилась в настоящую барышню.

Увидав Саньку, Дуня вскрикнула от радости и первая бросилась к нему. Искреннее и душевное приветствие Дуни немного вознаградило Рыжика за разочарование, которое он испытал от холодной встречи с панычами.

Дуня долго и с большим интересом расспрашивала Рыжика о его жизни и о том, где он был и что с ним случилось.

Санька был очень доволен, что повидался с Дуней, хотя он ушел домой далеко невеселый. Какая-то непонятная грусть овладела им, и ему с каждой минутой становилось тоскливей. Больше всего Саньку беспокоили хмурые признаки наступающей зимы.

XV

За счастьем

Долго тянулась зима. Рыжику казалась, что ей конца не будет. За последнее время он совершенно измучился. Голодаевка опротивела ему очень скоро. То, к чему он так горячо стремился, что хотел увидеть, далеко не было так заманчиво и интересно, как он воображал. На чужбине родина рисовалась ему прекрасной страной, где он с каждым предметом, с каждой пылинкой сроднился с малых лет. Но вот он увидел эту чудную страну, увидел близких людей, и что же? На другой день ему все наскучило. Жизнь на Голодаевке тянулась серо, однообразно. Все, что он оставил, он нашел таким же, без всяких перемен, без всяких изменений. Та же бедность, вечная нужда приемных родителей, те же интересы, мелочные, жалкие. Здесь люди только и думали, как бы раздобыть на хлеб, а что окажется лишним —

пропить.

Рыжик не нашел себе товарища. Все его бывшие приятели отданы были в ученье и давно уже забыли об играх. Да и сам Санька не захотел бы с ними дружить. Оставалась только Дуня, но с нею он мог видаться лишь изредка, да и то урывками.

Таким образом, Рыжик оказался совершенно одиноким и как будто даже лишним существом. Первые дни им еще интересовались, приходили спрашивать его, где он был, что видел. А когда всё узнали, бросили им заниматься и как будто даже перестали его замечать.

Самолюбивый мальчик мучительно страдал от сознания, что он среди голодаевцев является совершенно ненужным и лишним существом. Не раз он вспоминал, как Тарас называл его дармоедом, когда еще он, Санька, был маленьким.

Чтобы избавиться от упреков в дармоедстве, Рыжик сам отправился к крестному и попросил, чтобы он его принял в ученье. Тот охотно согласился, и мальчик с необычайным рвением принялся за работу. Но скоро и сапожное ремесло ему надоело, и он стал мечтать. Вот с этого-то момента Рыжик и стал жить двойною жизнью. Наружно он жил, как все люди: работал, помогал крестному, беспрекословно исполнял приказания Катерины и был во всех отношениях хорошим и старательным парнем. Но все это было только наружное. На самом же деле Рыжик был занят совсем другим. Он мечтал о весне и ревниво оберегал эту сладкую мечту, боясь намеком или взглядом выдать свою тайну.

Он мечтал о том, как наступит весна, как придет за ним Полфунта и как снова он, вольный и свободный, пойдет гулять по лесам и полям... Ночью Санька чувствовал себя лучше. Лежа на печи, он мог мечтать, сколько ему хотелось. Чаще всего мечтал он о море.

Но вот наконец пришла и весна.

Чутко прислушивался Рыжик к пробуждению природы. Он первый почувствовал теплое дыхание весны, первый увидел, как спадали тяжелые оковы зимы и как постепенно освобождалась земля. Быстро наступали теплые дни. Ярко засияло солнце, на голубом небе появились легкие, полупрозрачные тучки, и зеленым бархатом покрывалась земля. Река сбросила ледяной покров, и прилетели птицы.

У Рыжика от волнения сердце готово было разорваться. Он сам не понимал, что с ним такое, но его неудержимо потянуло куда-то. Стоило ему только взглянуть на далекий, светлый горизонт, как у него сейчас же являлось желание бросить все и уйти куда глаза глядят. Единственно, что его удерживало, это надежда, что за ним придет Полфунта. Но Полфунта не приходил, и страдания Рыжика становились выше его сил.

Весенние праздники прошли для Саньки почти незаметно. Он ничем не интересовался, и ничто его не радовало. Короче говоря, ему донельзя опротивела Голодаевка, ее обыватели и их нищенская жизнь.

Каждый праздник Рыжик уходил за город и там проводил весь день. Чаще всего любил он ходить на мельницу и на ту дорогу, где он когда-то впервые встретился с Полфунтом.

В одно из воскресений Санька, по обыкновению, отправился гулять. Погода была великолепная. Был полдень. Рыжик долго гулял по роще, потом вышел к реке, выкупался, а затем перешел плотину и стал подниматься по пыльной широкой дороге, по которой он два года тому назад впервые пустился в путь с Мойпесом.

Избегая пыли, Санька держался ближе к канаве, края которой густо заросли травой. Долго шел Рыжик, мечтая о своих будущих путешествиях, как вдруг он остановился в большом волнении. В одном месте, на дне канавы, он увидел спящего человека. Сердце замерло в

груди мальчика. Какое-то внутреннее убеждение подсказало ему, что это Полфунта. И он не ошибся. Едва только Санька поравнялся с неизвестным человеком, как тот, услышав шаги, поднял голову и расхохотался.

Это был Полфунта.

— А ты, брат, легок на помине: сейчас только во сне тебя видел, — сказал Полфунта и приподнялся с места.

Санька прыгнул прямо на него и стал душить его в своих объятиях.

— Голубчик, милый!.. Я думал, ты не придешь... — задыхаясь от волнения, говорил Рыжик.

— погоди... Ну тебя!.. Задушишь... А на что я тебе?

— Я с тобой пойду, — решительно заявил Санька. — Мне уже четырнадцатый год пошел... Я не маленький...

— Что ж из этого?

— А то, что я могу быть тебе помощником.

— Землю мерить помогать будешь?

— Что хочешь, мне все равно...

— Ах, Рыжик, Рыжик, откуда ты взялся на мою голову? — проговорил Полфунта и улыбнулся.

— Ну хорошо, возьму я тебя с собой. Будем вместе бродяжить, разыскивая счастье... А если мы этого счастья не найдем, тогда что? Ведь ты вырастешь никуда не годным человеком. И грех этот на моей душе будет...

— Никакого греха не будет, — уверенно перебил Рыжик, — мы найдем счастье...

— Вот как! Ты уверен?

— Да.

— Ну и чудак же ты! А впрочем, и на Голодаевке тебя не бог весть какое счастье ожидает. Кстати, ты чем там занимался?

— У крестного сапоги учился шить.

— И многому научился?

— Кожу мочить умею.

— Только-то! Ну, ежели так, беги домой, попрощайся и, если тебя отпустят, лети сюда, я тебя подожду.

— Не пойду, — решительно заявил Санька.

— Почему?

— Не хочу. Мне там надоело и так... Я сейчас с тобой пойду...

Полфунта задумался. Наступило молчание.

— Ладно, — промолвил наконец Полфунта, — идем, если так. Только помни: терпи! Не всегда сладко будет... А теперь — гайда в путь-дороженьку!

Полфунта встал, встряхнулся и велел Рыжику снять сапоги.

— Без сапог тебе легче ходить будет, и в город не босяком, а человеком войдешь.

— А мы сейчас куда пойдем? — спросил Рыжик, снимая с себя сапоги.

— Куда? За счастьем — вот куда, — полушутя, полусерьезно ответил Полфунта и выскочил из канавы.

Через час фигуры двух путников едва заметными черными точками виднелись вдали.

Часть Третья

I

Ночные приключения

Солнце прощалось с землею. Его последние огни охватывали далекий край неба и расплавленной золотисто-красной массой разливались по горизонту. Казалось, что там, далеко, кто-то вздумал поджечь небо и развел для этого гигантский костер. Но пламя заката постепенно гасло. Теплый майский день тихо умирал, уступая место вечерним сумеркам.

Полфунта и Рыжик лежали на опушке леса и молча следили за работой природы.

— Хорошо как! — прошептал Рыжик.

Он не любил долго молчать.

— Что хорошо? — спросил Полфунта.

— Все хорошо. И поле это зеленое, и небо, и... все, все хорошо...

— Ну и радуйся, коли тебе хорошо, — проговорил хандривший весь день Полфунта.

Рыжик промолчал. Но через минуту он не выдержал и опять заговорил:

— Отчего все люди так не живут, как мы? Ушли бы все из городов и ходили бы по земле... И как бы всем весело было!

— Умолкни, милый: ты глупости мелешь, — проворчал Полфунта.

— Почему глупости? — не унимался Рыжик. — Ведь нам как хорошо! Мы и поля, и леса, и реки, и разные города видим... Гуляем в свое удовольствие. Ну, и пускай люди так живут. Мне не жалко.

— Какой ты щедрый! — сказал Полфунта и невольно улыбнулся. — И глуп же ты, Рыжик! Ай-ай, как глуп!.. Ты хочешь, чтобы все люди, как тараканы, расползлись по свету и чтобы ни

одного чистого местечка не осталось на земле. Недурно, что и говорить... Эх, Сашка, Сашка, когда ты поумнееешь?

— Я давно умный, — засмеялся Рыжик.

— А ежели ты умный, то и придумай, где бы нам сегодня переночевать.

— А здесь чем плохо? Травка мягкая, дождя нет, тепло... Отлично уснем!

— Нет, не отлично.

— Почему не отлично?

— А потому, что дождь будет.

— Откуда ты знаешь?

— Оттуда. Разве не видишь?

Полфунта рукой указал на юг, где на далеком небосклоне чернела туча.

— Эка, испугался чего: пятнышка! — возразил Рыжик, вглядываясь в указанную точку. — И завтра эта туча не дойдет до нас.

— Ты так думаешь? Ну, в таком случае оставайся здесь, а я в деревню отправлюсь ночевать.

Полфунта встал, поднял вырезанную им в лесу палку и тощую серую котомку, в которой лежали его башмаки, одна смена белья, несколько картонных изделий для фокусов, осьмушка табачных корешков и «Ревизор» Гоголя.

Котомку он перекинул через плечо, шляпу надвинул по самые брови и один двинулся в путь, ни разу не взглянув на товарища. Зато Санька глаз не спускал с приятеля, а с его широкого курносого лица, усеянного веснушками, не сходила плутовская улыбка.

«Далеко не уйдешь, голубчик!» — говорили смеющиеся карие глаза Рыжика.

Полфунта продолжал шагать вперед как ни в чем не бывало. Вскоре его маленькая фигурка едва видимым серым пятном вырисовывалась на темно-зеленом фоне яровых полей, между которыми пролегалa дорога в деревню.

— Теперь, брат, берегись, наскочу! — воскликнул про себя Рыжик и быстро вскочил на ноги.

Он зачем-то закатал парусиновые штанишки до колен, надел на палку связанные сапоги, положил палку с сапогами на плечо, сдернул с головы картуз, немного согнулся, тряхнул красно-золотистыми кудрями и стрелой помчался вперед, едва касаясь босыми ногами мягкой пыльной дороги.

Не прошло и пяти минут, как Санька поравнялся с Полфунтом.

— Ты чего же не остался на опушке? — небрежно бросил Полфунта своему спутнику, стараясь не глядеть на него.

— Ишь ты какой! Мне, чай, одному скучно, — учащенно дыша, проговорил Рыжик, прижимаясь на ходу к Полфунту.

Вечер наступал быстро. На потемневшем небе появился молодой месяц. Пробежал свежий, влажный ветер.

— Поздно придем! — тихо, как бы про себя, ворчал Полфунта. — Не надо было валяться так долго на опушке... А теперь, изволь-ка радоваться, стучи под окнами! Да еще не всякий пустит, на ночь-то глядя...

— А до деревни еще далече? — перебил ворчанье Полфунта Рыжик.

— Взойдем на горку — видна будет.

И действительно, как только они поднялись на бугорок, Рыжик увидал деревню. Окруженная со всех сторон хлебными полями, деревня эта издали в сумерках наступающей ночи показалась Саньке большой и богатой. Он уже имел понятие о том, что такое бедная и богатая деревня. Ему чудилось, что крестьянские хатки упали откуда-то с высоты и рассыпались меж полей в красивом беспорядке.

— Вот это, я понимаю, деревня! — радостно воскликнул Рыжик.

— А я вот не понимаю, чему ты радуешься... Здесь, того и гляди, без ночлега останешься.

— Почему?

— Да потому, что деревня нищенская.

Рыжик очень скоро убедился в справедливости слов Полфунта.

Когда они подошли ближе, крохотные хатенки выступили перед путниками во всем своем неприглядном виде. Соломенные крыши до самых окон покрывали убогие домики. Эти домики напоминали собою кавказских нищих, у которых порыжевшие лохматые шапки надвинуты по самые глаза.

Полфунта с Рыжигом вошли в деревню. Собака, лежавшая на дороге, при их приближении лениво поднялась на ноги, что-то проворчала себе под нос, нехотя отошла в сторону и снова улеглась. Кругом было тихо и безлюдно. Редко-редко в какой хате горел огонек.

Полфунта глазами выбрал наиболее видный домик и подошел к нему. Рыжик, конечно, последовал за ним. Через оконце они увидели многочисленную семью, сидевшую за ужином. Внутренность комнаты освещала маленькая лампочка, висевшая на стене. Полфунта постучал в окно. В ту же минуту все сидевшие за столом, точно по команде, повернули головы к окошку. Старуха, хлопотавшая возле стола, подошла к оконцу, и почти приложив сморщенное лицо свое к стеклу, спросила скрипучим, старческим голосом:

— Вам кого надо?

— Позвольте проходим переночевать! — просительным тоном прокричал Полфунта и добавил: — Издалека идем... устали очень... От дождя дозволейте укрыться...

При последних словах Полфунта Рыжик посмотрел на небо. Капля дождя упала ему на нос, и он опустил голову.

— В самом деле дождь! — пробормотал он про себя.

— У нас третьего дня прохожие ночевали, — слышался через окно голос старухи. — Не наш сегодня черед. Ступайте к ковалю Ивану!

— А чтоб вам черт ребра пересчитал! — злобно проворчал Полфунта и отошел прочь.

Он знал, что в деревнях и селах, лежащих на большой проезжей дороге, существует порядок по очереди пускать запоздавших путников на ночлег, и поэтому он не стал разговаривать со

старухой, а отправился отыскивать хату коваля Ивана.

Подойдя к третьей хате, Полфунта снова постучался в окно.

— Кто там? — откликнулся на стук молодой женский голос.

— Пустите, ради христа, переночевать прохожих! — взмолился Полфунта.

— Сейчас.

Полфунта и Рыжик подошли к дверям. Прошло добрых десять минут, пока дверь в сени открылась. Путешественники вошли в маленькую, но чистенькую хату. Большая русская печь у дверей, длинная широкая лавка вдоль стены, большой стол, на котором горела свеча в глиняном подсвечнике, темные иконы без риз и киотов в красном углу — вот все, что успел заметить Рыжик, войдя вслед за Полфунтом в хату. Молодая, красивая женщина приветливо встретила ночлежников и спросила, не хотят ли они поужинать. Рыжик утвердительно кивнул головой.

Молодая хозяйка хлопотала. Она достала с полки завернутый в серое полотенце каравай хлеба, положила на стол две деревянные ложки и отправилась к печке.

Полфунта следил за каждым ее движением и в то же время глазами выбирал место для спанья.

«Должно быть, на лавке спать придется», — мысленно решил он про себя.

Незванным гостям была поставлена миска горячих щей. Приятели поужинали на славу и вполне искренне поблагодарили молодую хозяйку. Как раз в это время в окна и в крышу застучал дождь. Хозяйка, одетая в пеструю ситцевую юбку и с красным очипком на затылке, проворно убрала со стола и стала посередине хаты.

Она с любопытством разглядывала гостей, желая, по-видимому, вступить с ними в разговор. Если бы не очипок на голове, ее легко можно было принять за девочку: до того было молодо и наивно ее миниатюрное смуглое лицо.

— Это вы и есть жена Ивана-коваля? — обратился к ней с вопросом Полфунта.

— Я самая, — отвечала хозяйка.

— А хороший коваль ваш муж? — продолжал допрашивать Полфунта таким тоном, каким обыкновенно говорят с детьми, когда у них спрашивают, любят ли они папу, маму, тетю...

— Такого коваля во всей волости нет, — заметно оживившись, ответила ковалиха.

— Вот как! А давно вы замужем?

— Давно. Скоро полгода будет.

— Это верно, что давно, — иронизировал Полфунта. — А где он теперь, ваш муж?

— В нашем местечке гуляет. Работу вчера повез и не вернулся. Загулял, значит.

— Он часто гуляет у вас?

— Нет. В месяц раза два-три...

— Действительно, что редко... Ну, а во хмелю он буен?

— Нет. Веселый он даже тогда и драться любит...

— Ох-хо! — сокрушенно вздохнул Полфунта и умолк, догадавшись, что имеет дело с красивой дурочкой.

Легкая тревога закралась в его душу. «А что, если загулявший коваль явится ночью пьяный и вздует нас ради потехи так, что мы век помнить будем?» — думал про себя Полфунта. Тревога эта с каждой минутой усиливалась в нем, и если бы не дождь, Полфунта вряд ли бы остался ночевать в хате коваля.

— А вы нас, хозяйюшка, где уложите? — спросил он у ковалихи после долгого раздумья.

— Ложитесь на лавку! — сказала хозяйка.

Она достала с печи две подушки, или, вернее говоря, два мешка, набитые сеном, бросила их на лавку, а сама села у стола.

Полфунта и Рыжик, пожелав хозяйке покойной ночи, улеглись спать не раздеваясь.

Санька долго не мог уснуть. Он прислушивался к шуму дождя, изредка поглядывал на неподвижно сидевшую за столом хозяйку и щурил глаза на свечку. Когда он прищуривал глаза, ему казалось, что лучи от горевшей на столе свечки протягиваются и достигают его ресниц. Но усталость взяла наконец свое, и Рыжик заснул крепким, богатырским сном.

В самую полночь приятелей разбудил сильный стук в дверь и чей-то грубый, ревущий голос:

— Эй, ж инка, отпирай! Хату расшибу! — ревел мужской голос в сенях.

Свеча давно догорела, и в хате было темно. Ночлежники слышали, как забежала хозяйка, чиркнула спичку и как трясущимися руками она зажигала лучину. А тот, кто был в сенях, не унимался.

— Скоро ли там? — кричал грубый мужской голос, и вслед за тем раздался такой удар в дверь, что стекла задребезжали в окнах.

Полфунта и Рыжик, лежа на разных концах длинной и широкой лавки, одновременно, точно сговорившись, съежились в комочек и решили не подавать признаков жизни.

В хату ввалился огромного роста человек. При неровном свете лучины, зажженной хозяйкой, человек этот показался Рыжику чудовищем. В одной руке он держал длинный кнут, а в другой — темную бутылку с широким дном. Высокие сапоги его были облеплены грязью.

— Гей, здорово, жинка! — гаркнул он во все горло и, слегка пошатываясь, направился к столу.

— Здравствуйте, — тихим голосом откликнулась на приветствие хозяйка. — Что это вы, Иван Семенович, запозднились?

— Кто, я запозднился? Брехня, Маруся, брехня. А свечка где?

— Вся сгорела, вас дожидаясь...

— Сгорела?.. Ну, и нехай! А я во какую привез, люстринную! — Коваль нагнулся, запустил пальцы в голенище правого сапога и вытащил изрядно помятую стеариновую свечу. — На,

засвети!

Та немедленно исполнила приказание пьяного мужа: свечу зажгла, а лучину потушила.

Настроение духа коваля было самое веселое. Рыжик, полуоткрыв глаза, с затаенным страхом следил за каждым его движением. Иван Семенович, как называла его жена, поставил бутылку на стол, кнут бросил на лавку, около скорчившегося Полфунта, и потребовал ужинать.

Тут только Санька хорошо разглядел хозяина хаты. Это был широкоплечий детина, громадного роста, с черной бородкой и сильными, тяжелыми руками.

Весь мокрый и грязный от дождя, хозяин хаты сел за стол, а хозяйка пошла доставать ужин из печки.

— Гей, жинка, открой двери: жарко мне! — крикнул коваль. Молодая женщина сейчас же исполнила приказание. В хате действительно было и душно и жарко.

За ужином Иван выпил стаканчик водки и стал рассказывать жене о своих удачах в городе. Какой-то пан Бриндзевич очень хвалил его работу, три гривенника дал ему на водку и еще новый заказ сделал.

— Живем, Маруся! — весело и громко закончил свой рассказ Иван и так ударил кулаком по столу, что бутылка закачалась и миска со щами запрыгала.

Рыжик до того заинтересовался, что забыл всякий страх, и уже не одним, а обоими глазами смотрел на коваля. А хозяин между тем не столько ел, сколько пил. После каждого выпитого им стаканчика он становился оживленнее.

— Чего, жинка, пригорюнилась? — крикнул коваль и подбоченился. — А мне во как весело!.. Эх, жаль, побить некого!..

Коваль поднялся из-за стола и тут только увидал на лавке Рыжика, а потом и Полфунта.

— Кто такие? — спросил он у хозяйки.

— Прохожие ночевать просились. Наш черед сегодня, — отвечала жена.

— Га, вот это хорошо! Гости дорогие, вставайте ужинать.

— Они уже ужинали, — робко проговорила ковалиха, но муж не обратил внимания на ее слова.

Он подошел к лавке и, словно котят, смахнул на пол сначала Полфунта, а потом и Рыжика.

— Кто вы такие? — повторил свой вопрос коваль, глядя сверху вниз на медленно поднимавшихся с пола ночлежников. — Ну?.. Где ваши языки?.. — не дождавшись ответа, нетерпеливо крикнул на гостей хозяин и схватил с лавки брошенный им недавно кнут.

Рыжик струсил не на шутку. Пьяный коваль, по-видимому, готов был разойтись вовсю. Все, что еще оставалось у Саньки сонного, вмиг проснулось, и он оживился под влиянием страха. Прежде всего ему на ум пришла мысль захватить с лавки свои сапоги и удрать, благо двери настежь были открыты. Но шум дождя и покойный вид Полфунта удержали Рыжика. Но Санька ошибся: Полфунта только казался покойным, а на самом деле он трусил не менее своего приятеля. Как человек опытный в подобных делах, Полфунта понял, что бежать не имеет смысла, и решил поступить иначе. В ту минуту, когда коваль стоял над ним с кнутом в руках, Полфунта скорчил такую рожу, что пьяный хозяин в изумлении отступил шаг назад.

— Кто ты? — упавшим, испуганным голосом спросил коваль, незаметно отступая к столу.

— Я кто такой? — пискливым голосом прокричал Полфунта и запрыгал и завертелся по хате с такой быстротой, что сам Рыжик, не понимая, в чем дело, на всякий случай старался держаться подальше от приятеля.

— Я двоюродный шури́н сатаны и племянник дьявола... Пойдем к нам в ад, гостем будешь!..

— тонким голоском провизжал Полфунта и, корча невероятные рожи, подскочил к ковалю.

У бедного Ивана весь хмель из головы выскочил.

— Цур меня... — шептал коваль, пятясь к столу.

С хозяйкой совсем сделалось дурно. А Полфунта не переставал дурачиться, нагоняя страх не только на хозяев хаты, но и на Саньку. Фокуснику, однако, все это показалось недостаточным. На минутку он повернулся лицом к дверям, быстро достал из кармана серные спички, вымазал фосфором лоб и подбородок, пальцами вывернул наизнанку веки, отчего глаза его сделались действительно страшными, упал на пол и на четвереньках пополз к хозяину, не переставая визжать и корчить рожи.

Трудно передать, что сделалось с ковалем, когда он увидел ползущего к нему Полфунта с вывернутыми веками и светящимися от фосфора лбом и подбородком. Перепуганный насмерть великан дрожащей рукой осенил себя крестом и полез под стол, не помня себя от ужаса.

— Цур, цур, чертяка... — шептал под столом коваль.

Полфунту только этого и надо было. Увидав, что Иван окончательно обалдел от страха, он встал, схватил с лавки свою котомку и сделал знак Рыжику. Тот сразу сообразил, в чем дело, и последовал за Полфунтом, не забыв захватить свои сапоги.

На улице было темно и грязно от дождя. Сквозь разорванные и гонимые ветром тучи изредка выглядывали звездочки.

— Ты что это? — спросил у Полфунта Рыжик, желая скорее узнать, для чего приятель разыграл черта.

— Молчи, ты ничего не понимаешь, — прошептал Полфунта. — Ежели бы я этой штуки не выкинул, пьяный коваль так бы нас избил, что мы его век помнили бы. А теперь, пока он очухается, мы уже далеко уйдем.

— Молодец ты, Полфунта! Ей-богу! — в полном восхищении воскликнул Рыжик, только теперь сообразив, какую хитрую штуку проделал с ковалем его ловкий приятель.

— Ты не шуми больно! — остановил расходившегося Саньку Полфунта. — Опасность еще не миновала. Придет коваль в себя, беда будет...

Не успел он кончить, как спящая улица огласилась громкими, отчаянными криками.

— Это он... Бежим! — сказал Полфунта.

— Не поймаешь! — крикнул Санька и со всех ног бросился вперед.

— Гей, держи! Лови черта! — слышался ревуший голос коваля.

Рыжик прибавил прыти. Ноги его вязли и скользили по грязи, но он на это мало обращал внимания. Далеко позади раздавались чьи-то крики и собачий лай. А Рыжик, точно спугнутый

заяц, мчался вперед, забыв в это время про Полфунта и про самого себя...

II

Не-кушай-каши

Долго без оглядки бежал Рыжик. Остановился он только тогда, когда почувствовал, что ноги у него подкашиваются. Весь мокрый, грязный, стоял он на скошенном лугу и едва переводил дыхание от усталости. Тут только Санька вспомнил о приятеле и с беспокойством стал оглядываться и прислушиваться. Было темно. До рассвета оставалось еще много. Рыжик отбежал порядочное расстояние. Никаких голосов, никакого лая он теперь уже не слышал. Жутко становилось Саньке. Мысль о том, что он может потерять Полфунта, сильно его испугала, и он готов уже был вернуться назад, но темень и бездорожье удержали его.

Положение Рыжика становилось далеко не веселым. Во время отчаянного бега он сбился с пути и теперь сам не знал, где он и что с ним будет. А стоять до рассвета посреди поля, под открытым небом, было тоже нелегко, тем более что он едва на ногах держался от усталости.

«А что, ежели я крикну?» — мысленно спросил себя Санька. И не успел он подумать о последствиях, как из уст его вырвалось имя приятеля:

— Полфунта!..

Сильный, молодой голос Рыжика прорезал тишину ночи и стих. Санька с замиранием сердца стал прислушиваться, но отклика ниоткуда не последовало. После его окрика стало как будто еще тише и темнее. Мальчик обернулся в другую сторону. Под его босыми ногами хлюпала дождевая вода, которую еще не успела впитать земля.

— Полфунта-а!!! — снова пронесся протяжный одинокий окрик Саньки.

Ответа не последовало.

— Дядя Ва-ня-а!!!

На этот раз уже слезы слышались в голосе мальчика, но отклика не было. Измученный страхом и тревогой, Санька медленно поплелся вперед, сам не зная куда и зачем. Не успел он сделать и десяти шагов, как остановился в крайнем удивлении. Ему показалось, что он подходит к той самой деревне, где они с Полфунтом обрели такой неудачный ночлег. Конусообразные хатки темными пирамидами вырисовывались вдаль. Рыжик сделал еще несколько шагов, пристальнее стал всматриваться вдаль и тогда только понял, что перед ним не деревня и не хатки, а свежескошенная трава, подвешенная на кольях для просушки. Санька вспомнил, что в прошлом году в одной из таких копен они с Полфунтом прекрасно устроились и провели целую ночь.

Подойдя к первой копне-пирамиде, Рыжик сейчас же нашел отверстие, ведущее внутрь копны. На него пахло острым ароматом свежего сена. Этот любимый Рыжигом запах мгновенно нагнал на него сон. Повинуясь неудержимому желанию соснуть на мягком сене, Санька пролез в пирамиду, положил подле себя сапоги и сам улегся на мягкой, свежей траве. Он был рад, что попал в сухое место. Он почувствовал приятную теплоту и решил до утра побыть в сене. А утром Полфунта его сам найдет.

С последней мыслью Санька сладко уснул.

— Ой-ой, батюшки, ноги отдавил, разбойник! — услышал Рыжик чей-то голос и проснулся.

В ту же минуту он почувствовал, как что-то живое, теплое зашевелилось под его головой.

Рыжик испуганно вскочил на ноги. В отверстие пробивался утренний свет. Это обстоятельство немного успокоило мальчика. «Хорошо, что ночь прошла», — подумал он.

А между тем в сене шевелился кто-то.

«Не Полфунта ли это?» — мелькнуло у Саньки в голове, и радость нахлынула на него, и сердце его усиленно забилося.

— Кто здесь? Это ты, Полфунта? — спросил Рыжик и замер в ожидании ответа.

— Нет, брат, здесь не Полфунтом, а пудами пахнет, — слышался из-под сена чей-то хриплый незнакомый голос.

В звуках этого голоса Рыжик уловил что-то доброе и простодушное. Но некоторые меры предосторожности он все-таки принял: сапоги и палку взял в руки, а сам пополз к выходу.

— А кто же ты? — снова спросил Рыжик, обращаясь к неизвестному существу, копошившемуся в сене.

— Я кто?.. Я, батюшка ты мой... Ой-ой, спинушку заломило... Я, брат, человек и отставной рядовой, а зовут меня Не-Кушай-Каши... Ох-хо-хо!..

В это время голова говорившего поднялась, и Санька увидал круглое, давно не бритое лицо человека.

— Что, понравилось тебе имечко мое? Хе-хе-хе!..

И круглое лицо засмеялось.

Рыжик невольно улыбнулся, глядя на незнакомца, с трудом вылезавшего из-под сена. Что-то смешливое и добродушное чувствовалось в этом большом, неуклюжем человеке.

— Ну, брат, вылезай, а то нам вдвоем не выкарабкаться отсюда. Того и гляди, шалашик опрокинем.

Рыжик послушался незнакомца и первый вылез из сена, а вслед за ним выполз и его случайный соночлежник.

Вот тут только Санька увидал, с кем имеет дело. Это был большой, неповоротливый человек лет за пятьдесят. Круглая, как мяч, голова его с широким, плоским лицом была коротко острижена. Вздутые щеки были покрыты седой щетиной давно не бритой бороды. Глаза у него были круглые, светло-серые, усы длинные, с коричневым оттенком, брови густые, нависшие. Большие, толстые уши незнакомца особенно как-то выделялись на фоне седой остриженной головы. Эти уши и внутри и снаружи были покрыты мягкой, пушистой растительностью.

Выйдя на свет, незнакомец встряхнулся, протяжно и громко зевнул, внимательно осмотрел со всех сторон небо, низко кланяясь востоку, на котором яркими огнями горело восходящее солнце. Покончив с осмотром, незнакомец обернулся к Рыжику и засмеялся добрым стариковским смехом.

— Экий ты рыжий! — любовно поглядывая на Саньку, промолвил он. — Это ты, что ли, ночью-то кричал?

— Я, — ответил Рыжик и хотел было подробно рассказать о вчерашнем приключении, но незнакомец перебил его:

— Ты потом расскажешь, а пока вот что: полезай-ка в нашу спальню и тащи оттуда мою шапку, торбу и чайник... А ну-ка, молодые ножки, пошевелитесь трошки! — добавил он в заключение и хлопнул Саньку по плечу.

Рыжик охотно бросился исполнять просьбу старика.

Утро было дивное. Земля, освеженная дождем, только что проснулась и весело улыбалась голубому небу, на далеком горизонте которого сияла корона земли — солнце. Как звезды в ясную ночь, сверкали на лугу крупные капли чистой, прозрачной росы. Птицы и насекомые встретили утро торжественным многоголосым гимном.

Не прошло и минуты, как Рыжик уже вылез из-под сена, таща за собою имущество незнакомца.

— Вот за это спасибо тебе! — сказал старик, принимая от Саньки свои вещи. — А теперь сядем за стожком и позавтракаем. Ты, чай, не откажешься?

— Я и чай люблю, — поспешил заявить Рыжик, не поняв старика.

— И чаек поьем, — согласился незнакомец и направился к теневой стороне пирамиды, где и уселся, выбрав место, наиболее мягкое и сухое.

— Садись! — пригласил он Рыжика и стал развязывать торбу.

Спустя немного Рыжик сидел напротив незнакомца с набитым хлебом и свиным салом ртом и глаз не спускал с добродушного отставного солдата.

— Ну, брат, рассказывай теперь, кого ты ночью кликал и как сюда попал? — обратился к Саньке старик, когда завтрак подошел к концу.

Рыжик, проглотив последний кусок, подробно рассказал о вчерашнем случае. Незнакомец слушал его с большим вниманием, причем его круглое лицо не переставало улыбаться.

— Ну, брат, горе твое невелико, — заговорил незнакомец, выслушав Рыжика до конца, — приятеля ты своего найдешь, а не найдешь, так и без него не пропадешь. Эх, брат, на моем веку этих самых попутчиков да товарищей не счесть сколько было! И не горюю я... Да и о чем горевать-то? Человек никогда один не бывает: завсегда с ним его тень ходит... А куда же вы с этим Полфунтом шли? — вдруг вопросом оборвал свою речь старик.

— Мы шли за счастьем, — с наивной уверенностью ответил Рыжик.

— Славный путь придумали... хе-хе-хе!.. — тихо засмеялся старик, а затем проговорил: — Нет лучше, как идти за счастьем: путь долгий и веселый. Я, братец, уже двадцать лет хожу по этой самой дорожке и слез не лью...

Старик вздохнул, достал из-за пазухи кисет, набитый махоркой, и не торопясь принялся из газетной бумаги скручивать трубку, или так называемую «собачью ножку».

— А почему тебя зовут Не-Кушай-Каши? — после долгого молчания вдруг спросил Рыжик со свойственной ему простотой и наивностью.

Бывший солдат ухмыльнулся, закурил «цыгарку», выровнял рукой свои длинные усы, а затем уже приступил к ответу:

— Теперь Не-Кушай-Каши — моя настоящая фамилия, а было время, когда у меня, кроме Антона, никакого имени не было. Был я тогда подпаском. Ни отца, ни матери не помнил. Общественный был я... Ну ладно!.. Вот это, скажем, подрос я. Надо в солдаты идти, а у меня ни роду, ни племени. Ладно... Вот это, скажем, забрили меня да в город, в казармы. Как раз к обеду пригнали меня. Ввели в казарму. Гляжу, солдаты кашу едят, жирную, пахучую... У меня нос так и заходил кругом. Грешный человек, любил я в те поры кашу. Ну ладно!.. Вот это, скажем, только я в казарму, а со двора барабан тревогу бьет. Солдаты как вскочат, как схватят ружья да вон из казармы!.. Я один и остался. Не имел я тогда понятия о военной службе и не понимал, для чего тревогу бьют. А как кашу едят — я знал. И вот это, скажем, как выбежали солдаты, я стал глядеть на кашу. А каши-то цельных шесть мисок. Пар густой, вкусный валит. Не хочу я, скажем, на кашу глядеть, а гляжу. Ну, и, грешное дело, соблазнился... Подошел я к первой миске, подсел, взял ложку и попробовал. За первой ложкой, скажем, вторую съел, а там третью, четвертую, и пошла машина в ход... Ну ладно... Вот это пришли солдаты. Каши нет, а я на полу валяюсь: глаза луженые, живот горой вздуло, и рот раскрыт — ни дать ни взять, рыба на суше. Тут, скажем, принялись меня лечить. А как вылечили, порку задали... И, помню, фельдфебель наш, когда пороли меня, стоял подле и все, сердечный, приговаривал: «Не кушай каши, не кушай каши!..» Вот с тех пор, скажем, меня и называли Не-Кушай-Каши!..

Старик закончил свой рассказ незлобивым смехом.

Рыжик залился звонким хохотом. Он живо представил себе деревенского парня, который, объевшись каши, лежит на полу казармы. Но веселость Рыжика была непродолжительна. Как это часто бывает, в ту минуту, когда он заливался неудержимым, заразительным смехом, ему вдруг припомнился Полфунта. Образ приятеля, будто тень, промелькнул и скрылся. Санька все вспомнил, и настроение духа его сразу испортилось. Он мгновенно оборвал свой смех, вскочил на ноги и с беспокойством стал осматривать окрестность, надеясь увидеть где-нибудь Полфунта.

— Да ты, парень не гляди, — обратился к нему Не-Кушай-Каши, — все едино никого не усмотришь. А вот придем, скажем, в местечко, тогда уж твоего Полпуда, наверно, найдем.

— Полфунта, а не Полпуда, — чуть ли не плача, поправил Рыжик.

— Пусть Полфунта, это все едино...

— А найдем мы его?

— Ежели он, скажем, там да ежели он жив, то бесприменно найдем.

Уверенный тон Не-Кушай-Каши немного успокоил Рыжика.

— А до местечка еще далече?

— Сегодня дойдем. Вот тот лесок как пройдем, городок и завиднеется.

Не-Кушай-Каши рукой показал в ту сторону, где в виде темной полоски вырисовывался на светлом фоне горизонта небольшой лесок, а может быть, просто рощица.

— Вот как дойдем до леса, мы привал устроим, чайку попьем, и ладно будет. А там, скажем, и местечко... Не горюй парень!.. Все по-хорошему будет. А теперь давай-ка в путь тронемся... Ох-хо-хо, косточки солдатские!..

Кряхтя и охая, Не-Кушай-Каши поднялся на ноги, взвалил торбу на плечи, прошептал несколько раз про свои косточки солдатские и ровным, неторопливым шагом пошел к дороге.

Санька, понутив голову, последовал за своим случайным попутчиком. По временам он бросал на старика косые, подозрительные взгляды, и смутное беспокойство закрадывалось в душу мальчика.

«Кто он для меня будет, этот незнакомый человек? — мысленно спрашивал он самого себя. — Неужто мне всегда-всегда придется ходить с ним?..»

Не найдя ответа на эти вопросы, Санька еще ниже опустил голову и весь отдался во власть невеселых дум.

III

В еврейском местечке

За чаем на берегу ручья Рыжик узнал от Не-Кушай-Каши много интересного. Отставной солдат, между прочим, рассказал ему, чем он занимается, когда попадает в еврейское местечко.

— Я, братец ты мой, делаюсь тогда шабес-гоем, — ровно и не торопясь говорил Не-Кушай-Каши.

— А что такое шабес-гой? — спросил Санька.

— Это, братец ты мой, штука тонкая. Видишь ли, у евреев такая мода: воскресенье они празднуют в субботу. И вот, скажем, как в пятницу зажгли огонь, так, значит, и зашабашили. И ничего-ничего им делать нельзя. Закон им позволяет кушать да молиться, а больше ничего. Ну, вот тут-то они, скажем, и просят нашего брата, хрестьянина, помочь им: кому со стола подсвечник снять надо, кому до синагоги богомолье донести надо, а кто просит скотину накормить... Много разного дела найдется. Ну, и исполняешь...

— А они что за это? — любопытствовал Рыжик.

— А уж это глядя по делу и по состоянию. Бедняк, скажем, кусок булки даст, а богач рюмку водки поднесет, а то и цельный пятак еще в руку положит.

— Это дело легкое, — после некоторого раздумья проговорил Санька.

— Какое дело легкое?

— Да вот это самое, евреям помочь еврейское воскресенье прожить...

— Оно-то правда, что дело легкое, да вот беда: в одно время всем делать надо, а один много ли домов обегает? Вот и будь ты мне помощником! Я тебя не обижу. Что дадут — все пополам. Согласен?

Рыжик не скоро ответил. Он в ту минуту думал об исчезнувшем Полфунте. Он надеялся встретить приятеля в местечке и уйти с ним дальше, в самый Петербург, о котором Полфунта не раз упоминал за последнее время.

— Что же ты, братец, молчишь? — снова заговорил Не-Кушай-Каши. — Не хочешь быть помощником, так отвечай прямо: «не хочу, мол», а хочешь, так говори: «хочу».

— Я-то хочу... А ежели нам Полфунта встретится?

— Ну так что? Можешь с ним пойти... Я не держу тебя.

— Ладно, ежели так, — согласился наконец Санька.

До вечера оставалось недолго, когда Не-Кушай-Каши и Рыжик вошли в еврейское местечко.

— Меня, брат, здесь знают, — говорил Не-Кушай-Каши, наклоняясь к Рыжику. — Уж я тут сколько раз бывал. Мы сейчас прямо к главной молельне махнем. Меня там и служба знает...

Санька молчал. Он с любопытством оглядывал незнакомые улицы местечка и в то же время глазами отыскивал Полфунта.

Городок, куда попал Рыжик, был заселен евреями. Жители городка, живые, быстрые, с черными пейсами вдоль щек, в ермолках, в длинных, до пят, сюртуках, переполняли все улицы. Одноэтажные деревянные домики непрерывными рядами тянулись по обеим сторонам немощеных пыльных улиц. Все женское население городка было занято приготовлением к субботе. Пожилые и замужние женщины в белых чепчиках и мокрых передниках то и дело выносили помойные ушаты и выливали содержимое из ушатов тут же, недалеко от порога. Жидкие помои впитывала почва, а на отбросы, вроде рыбьих внутренностей, чешуи, картофельной шелухи и прочего, с жадностью набрасывались собаки, кошки и свиньи, шайками бродившие по местечку, выслеживая добычу.

Через открытые окна Санька увидел, как молодые девушки убирали к субботе комнаты. Они накрывали столы белыми скатертями, расставляли медные, ярко вычищенные подсвечники. Положив на стол крученые булки, они накрывали их полотенцем. Все это делалось быстро, торопливо. Каждая хозяйка боялась опоздать и выбивалась из сил, чтобы к солнечному закату поспеть с уборкой.

А мужчины в это время отдыхали. Одни из них, сидя в убранной комнате, громко распевали «Песнь песней» царя Соломона, другие, одетые в праздничные капоты, отправлялись в синагогу, а третьи просто прогуливались по улице в ожидании вечерней молитвы.

— Ну, брат, теперь держись за меня крепко! — сказал Не-Кушай-Каши, обращаясь к Саньке.

— А что? — спросил Санька, взглянув на своего спутника.

— А то, видишь ли, что мы в самую синагогу сейчас придем. Там, братец ты мой, шапки не снимать, слышь?

— Почему не снимать шапки?

— Уж так ихний закон велит, чтобы все, значит, в шапках были... И опять же, смирным надо быть и не смеяться, ежели что смешное увидишь. Понял?

— Понял, — ответил Санька, а сам все время не переставал думать о Полфунте.

Он до того был занят своими мыслями, что не заметил, как они с Не-Кушай-Каши очутились во дворе главной синагоги, переполненном детворой. Обширный немощеный двор был огорожен деревянным забором.

Посреди двора возвышалось двухэтажное (единственное в городе) каменное здание синагоги.

Рыжик заинтересовался игравшими во дворе мальчиками. Их здесь было так много, что нельзя было и сосчитать. Черномазые, смуглолицые, они оглашали воздух веселыми криками. Большинство мальчишек играли в пуговицы. Игра эта заключалась в следующем. Несколько мальчиков, вырыв у забора крохотную ямку, отходили от нее на шесть шагов и

выстраивались в одну шеренгу. Потом по очереди каждый из них кидал пуговицы. Если брошенная пуговица попадала в ямку, то бросивший ее считался старостой и получал от каждого из играющих по одной или две пуговицы, смотря какой был уговор. Карманы и пазухи играющих были набиты пуговицами всевозможных сортов. Игра сопровождалась бранью, смехом, плачем и дракою. Мелкота, за неимением пуговиц, играла в лошадки, в солдаты или просто бегала и прыгала по двору без всякой цели.

Но вот из синагоги выбежал с длинной метлой в руках маленький горбатый человек с желтой козлиной бородкой, и на дворе сейчас же сделалось тихо. Это был служка Борух, или, как его евреи называли, «шамес».

— Вы чего здесь, шарлатаны, ярмарку завели? — визгливым голосом закричал Борух, грозно потрясая метлой.

Мальчишки, услышав голос шамеса, точно стая галок, разлетелись в разные стороны.

Рыжик невольно улыбнулся, когда увидал, какое сильное впечатление произвел на детвору этот невзрачный горбун. «Ну, меня ты, брат, не испугал бы», — подумал Санька.

— А, Не-Кушай-Каши! — радостно воскликнул Борух, заметив старого солдата.

Он подошел ближе, протянул Не-Кушай-Каши руку и быстро-быстро заговорил с ним.

К крайнему удивлению Рыжика, его спутник не только понял, что говорил ему маленький горбатый шамес, но он сам отвечал ему на непонятном для Саньки языке.

Борух говорил с азартом, размахивая метлой, кому-то грозил, причем его козлиная бородка смешно тряслась, а остроконечная голова совсем уходила в двойной горб. Но по всему было видно, что угрозы были направлены по адресу лица отсутствующего и что к Не-Кушай-Каши служка ничего не имеет.

— Ну, брат, наше дело в шляпе, — обратился к Рыжику его новый спутник, когда Борух, наговорив с три короба, умчался обратно в синагогу.

— Почему в шляпе? — спросил Санька.

— А потому, что в местечке ни одного шабес-гоя не осталось. Был один, да вот Борух говорит, что запил. Нам, бедняга, обрадовался, как родным... Теперь пойдем-ка да присядем, а кончится служба, нас позовут.

Не-Кушай-Каши и Рыжик отправились в самый дальний угол двора и там уселись на земле. Санька с удовольствием отдыхал после долгой ходьбы. Он спиной уперся в забор, а ноги, обутые в сапоги, протянул вперед и предался отдыху.

В предвечернем воздухе наступили тишина и покой. На черепичной крыше синагоги угасли последние отблески ушедшего солнца. Со всех сторон стали появляться евреи. Все они были одеты по-праздничному, в черные длинные сюртуки, и у всех у них был грустный, задумчивый вид. Многие из них то и дело поднимали глаза к небу и громко вздыхали, создавая этими вздыханиями и себе и другим праздничное настроение. В синагоге загорелись огни. Небо потемнело.

— Долго будут они молиться? — спросил Рыжик.

— Нет. Евреи скоро молятся. У них, скажем, молитвы длинные, да язык быстрый...

— А почему они такие печальные ходят?

— Это они, видишь ли, для жалости, чтоб, значит, бог пожалел их...

— У них какой бог?

— Старый, седой такой и вроде как бы из ума выживший, — не задумываясь, ответил Не-Кушай-Каши, который, как истый русский солдат, не любил слов «не знаю».

Санька, вполне удовлетворенный ответами Не-Кушай-Каши, замолчал и с любопытством стал следить за тем, что делалось в синагоге. Окна молельни были открыты, и Рыжик хорошо мог видеть молящихся и слышать их голоса. Обширная зала синагоги была вся уставлена длинными скамьями, перед которыми стояло множество пюпитров с ящиками. Посреди синагоги возвышался большой четырехугольный амвон, покрытый тяжелой скатертью, шитой серебром и золотом. Все места в синагоге были заняты. Перед каждым пюпитром стоял молящийся. Молились евреи усердно, произносили молитвы громко, раскачиваясь во все стороны, часто поднимали руки и закатывали глаза на лоб.

Рыжик с любопытством следил за каждым их движением. Особенно хорошо запомнил Санька конец молитвы. Как-то сразу в синагоге сделалось тихо. Молящиеся вытянули вперед головы и застыли в этой позе. Казалось, они к чему-то прислушивались. Вдруг все они, точно по команде, привскочили и так заголосили, что само здание задрожало от этого неистового крика. Потом все сразу смолкло. Молящиеся повернулись лицом к востоку и стали беззвучно что-то шептать. Видно было только, как они шевелили губами и как раскачивались во все стороны. Движения их были быстры и странны. Одни то открывали, то закрывали глаза, другие теребили свои пейсы, наматывая их на указательные пальцы, третьи стучали кулаками себе в грудь, а четвертые подымали плечи и делали вид, что хотят улететь. И все эти движения они проделывали молча, не произнося ни одного звука. Эта безмолвная молитва длилась минут семь-восемь, а затем молящиеся один за другим отступали три шага назад, низко кланяясь направо и налево. После этого в синагоге опять раздался хор сотни голосов. Но это был последний призыв. Вскоре молящиеся стали расходиться по домам.

— Эй, Не-Кушай-Каши, Не-Кушай-Каши! — послышался визгливый голос Боруха.

— Вспомнил горбунишка нас! Хе-хе-хе!.. — обрадовался солдат. — Ну, брат, вставай: теперь за дело пора взяться, — добавил он, обращаясь к Рыжику, и поднялся с земли.

Санька последовал за ним.

Когда в синагоге никого не осталось, служка повел наших спутников к себе.

— Ну, Не-Кушай-Каши, ты теперь навсегда у нас жить останешься, — говорил горбун, идя вперед. — Тебе наш габэ (староста) жалованье положит... Два керблах (рубля) в один месяц.

— Что ж, я не прочь, ежели, скажем, и доход какой будет.

— Конечно, будет!.. А это кто такой? — спросил вдруг шамес, указывая на Рыжика.

— Это мой спутник... Славный парнишка. Он мне помощником будет.

— А, это очень хорошо, — сказал Борух и что-то добавил на непонятном для Саньки языке.

— Нет, нет, ни боже мой! — воскликнул по-русски Не-Кушай-Каши. — Говорю, парень честный, славный... Ну, понимаешь, ручаюсь за него.

— Хорошо, хорошо! — весело проговорил Борух и первый через просторные сени вошел в синагогу.

Не-Кушай-Каши и Рыжик последовали за ним. В синагоге горели в люстрах свечи, а у дверей

на стене висела небольшая керосиновая лампочка. Не-Кушай-Каши, будучи хорошо знаком с обязанностями шабес-гоя, не стал дожидаться приказаний служки, а сам принялся за дело. Он взял табурет и отправился тушить свечи. Через минуту в синагоге сделалось темно, только в руке Не-Кушай-Каши мерцала грошовая сальная свечка.

Борух поблагодарил солдата, достал из шкафчика булку и кусок фаршированной рыбы, отдал это Не-Кушай-Каши и сообщил, что спать он его и Рыжика уложит в хедере (школе). Затем все трое вышли в сени. Борух запер синагогу и ключ от замка спрятал в сапог. Там же, в сенях, находилась дверь, ведущая в хедер.

— Ну, кушайте на здоровье и спите себе! — проговорил служка, открывая хедер.

— Послушай, Борух, а шнапса (водки) не будет? — тихо спросил солдат.

— Ах ты какой! И где ты видал, чтобы шабес-гою шнапс давали в праздник? — сказал шамес, а затем добавил: — Подожди немного, шабаш пройдет, и ты себе будешь шнапс тринкен...

Служка захихикал и заискивающе потрепал рукав Не-Кушай-Каши.

Спустя немного оба путника сидели в хедере и при свете тоненькой свечи закусывали. Мрачный, унылый вид имела эта громадная комната. Длинные столы и скамьи служили единственным убранством хедера. Чем-то холодным, неприветливым веяло от этих серых голых стен и черного потолка. Только край стола, где сидели Рыжик и его попутчик, был освещен грошовой свечкой, а все остальное утопало во мраке. Жуткая тишина воцарилась кругом. Борух, закрыв окна и ставни, ушел к себе домой. Во всем дворе никого не осталось, кроме Рыжика и Не-Кушай-Каши.

IV

Новый знакомый

На другой день Рыжик проснулся в хедере. Он спал на длинной, широкой скамье, положив под голову сапоги и палку. Не-Кушай-Каши, лежа на другой скамье, кулаками протирает глаза и громко зевал.

— Ох-хо-хо, косточки солдатские! — протяжно проговорил он, кряхтя и потягиваясь. — А в сене, чай, помягче спать будет... Как, братец, думаешь? — обратился он к Саньке и повернул к нему свое круглое небритое лицо.

— Знамо, помягче, да и вольготней, — откликнулся Рыжик. — Не по вкусу мне здесь... Уйду я отсюда, — добавил он и стал надевать сапоги.

Только что стало рассветать, когда Санька, желая подышать свежим воздухом, вышел во двор. Безоблачное небо показалось ему сиреневым. Хлопотливые воробьи уже прыгали по двору, мелькали в воздухе и чирикали во всю мочь.

Несмотря на ранний час, в синагоге уже сидели молящиеся и на разные голоса распевали псалмы.

На дворе появились мальчуганы. Двое из них — один долговязый, худой парнишка с необычайно длинными и тонкими пейсами вдоль впалых щек, другой быстроглазый, черный, как арапчонок, — подошли к Саньке и с нескрываемым любопытством стали рассматривать его, как какого-нибудь заморского зверя. К этим двум подошли еще двое, затем еще и еще, и

не успел Рыжик опомниться, как он уже был со всех сторон облеплен малышами. В первый момент он даже немного растерялся, видя себя окруженным со всех сторон, но, присмотревшись лучше к этой «гвардии», он успокоился. «Пусть только посмеют — так шарахну, что воробьями от меня отскочат, — подумал Санька и оправился. Наконец один из мальчиков заговорил с Рыжиком.

— Ты навсегда у нас останешься? — спросил мальчик у Саньки.

— У кого это — «у нас»? — нахмутив брови, переспросил Рыжик.

— Ну, у нас в местечке.

— Нет, не останусь! — решительно ответил Санька.

— Почему?

— А потому, что скучно мне здесь, и еще потому, что я по-вашему не понимаю...

Тут в разговор вмешался другой мальчик, и беседа должна была разрастись, но, как назло, появился Борух и разогнал всех. В этот самый момент вышел Не-Кушай-Каши. В его туалете произошла заметная перемена. Ни торбы, ни чайника при нем не было: он все это оставил в хедере. Одет он был в розовую рубашку навыпуск, по-русски, и опоясан черным крученым шнурком с кистями. Обут он был в целые и довольно приличные опорки.

— Эх, жалость какая: морда давно у меня не брита, — проговорил он, проводя рукой по лицу.

— Ну, да ладно, завтра поскоблим ее. Хе-хе-хе!.. А теперь, братец ты мой, пойдем на работу.

— Куда? — спросил Санька.

— Пойдем, увидишь.

Они вышли со двора синагоги и очутились на улице.

— Видишь улицу? — спросил у Рыжика Не-Кушай-Каши.

— Вижу.

— Отлично. Теперь, братец ты мой, мы вот как делать будем: я пойду по той стороне, а ты по этой. Не пропуская ни одного дома, всюду заходи.

— Для чего?

— А вот слушай: войдешь в дом, шапки не снимай, а поклонись и скажи: «Доброе утро! С праздником вас! Что делать надо?» Как спросишь, так сейчас же тебе бабы укажут, что делать. Ты исполнишь и подождешь немного. Дадут что — ладно, а не дадут — уходи: стало быть вечером расчет будет. Понял?

— Чего тут не понять! — пробормотал Рыжик. — Все понял, да что!.. — Он махнул рукой, вздохнул и зачем-то по самые глаза надвинул мягкий картузик.

Санька сильно тосковал о Полфунте, и ничто его не веселило. Как-то машинально отправился он обходить дома. Вот он зашел в первый дом. Переступив порог, он по привычке сдернул шапку, но вспомнил наставления Не-Кушай-Каши и снова натянул картуз на свою лохматую рыжекудрую голову.

Вместо приветствия Рыжик осторожно высморкался в руку.

— Что надо делать? — спросил он у молодой девушки с черными растрепанными волосами и

заспанным лицом. Она попалась ему навстречу с периной в руках.

— Почекай трохи, зараз, зараз... — проговорила девушка и торопливо прошла в другую комнату.

Через минуту она вновь появилась и уже знаками приказала Рыжику следовать за собой. Санька послушно пошел за нею. Они вошли в просторную комнату, где стоял покрытый скатертью стол и шкафчик с книгами. У окна сидел седой старик в черных очках и, раскачиваясь взад и вперед, читал нараспев какую-то большую книгу.

Девушка с заспанным лицом подвела Рыжика к столу и пальцами указала на пять медных подсвечников, а затем знаками велела ему снять их со стола и поставить на шкафчик. Рыжик все это исполнил.

— А больше ничего не надо? — спросил он, пятась к дверям. Он снова хотел было снять картуз, но вовремя спохватился, что этого нельзя делать, и опять высморкался, благо рука была поднята к носу.

Девушка вместо ответа подала Саньке кусок булки. Рыжик догадался, что его миссия окончена, и вышел вон, спрятав булку за пазуху. Как раз в это время на противоположной стороне улицы показался Не-Кушай-Каши. Рыжик побежал к нему.

— Ты чего?

— Не хочу я быть шабес-гоем, — ответил Санька и опустил голову.

— Почему не хочешь?

— Так. Пойду искать Полфунта...

— Эх ты, чудака мальчонка! — проговорил Не-Кушай-Каши и сокрушенно покачал головой. — Да рази я для своей пользы тебя держу? Иди, пожалуй!.. Только тебе же лучше, ежели что заработаешь на дорогу...

— А почему они молчат? — не зная к чему придраться, пробормотал Санька.

— Кто?

— Да евреи. Только пальцами показывают, что делать надо.

— Опять же ты чудака выходишь! — воскликнул Не-Кушай-Каши. — У них, понимаешь, закон такой, что нельзя словами приказывать. Ну, ступай, ступай, братец, давай делать дело, а привыкнешь — век здесь жить будешь.

Рыжик, понуря голову, отправился на другую сторону улицы.

Когда взошло солнце и первые лучи его облили городок теплом и светом, все проснулось и оживилось кругом. Жители местечка не спеша отправлялись в синагогу. По дороге они напевали что-то про себя и пощелкивали пальцами. На улице появились расфранченные женщины с тяжелыми серьгами в ушах. То там, то сям забегали ребятишки-босоножки. Рыжик стал осматриваться. Нигде ни одного знакомого человека, ни одного русского звука. И опять ему сделалось тоскливо. Он почувствовал себя одиноким, брошенным, никому не нужным.

— Уйду, уйду отсюда, — прошептал Рыжик, которому надоело обходить дома.

Он подходил к переулку, пересекавшему улицу. На углу Санька остановился и устремил глаза вдаль. Сердце замерло в груди юного бродяги: перед его глазами бесконечной лентой легла дорога из города. Он увидал любимую даль, увидал упавший на землю горизонт, море зелени и света, увидал свободный, необъятный простор, и душа у него взволновалась. Не задаваясь никакими вопросами и целями, Рыжик повернул в переулок и быстро зашагал.

Не прошло и пяти минут, как Санька был уже вне города. Там он сел на первый попавшийся камень, снял сапоги, закинул их на плечи и отправился в путь. Чтобы мягче было ногам, он сошел с дороги и зашагал по узенькой травяной тропинке. Лучи солнечные еще не успели выпить всю росу, и Санька охотно купал в ней свои ноги.

Теперь Рыжик почему-то был уверен, что найдет Полфунта. Надежда эта росла и крепла в его сердце, и он бодро, с веселой улыбкой на лице шел вперед, нисколько не жалея, что расстался с Не-Кушай-Каши.

Добрых шесть верст прошел Рыжик по мягкой, узенькой тропинке, пока она не довела его до первого перепутья. Перед Санькой легли три дороги, и он остановился в нерешительности, не зная, по какой из них продолжать свой путь. Он оглянулся. Городка, где он оставил Не-Кушай-Каши, уже не было видно. По обеим сторонам дороги зелеными необозримыми коврами расстилались хлебные поля, а далеко впереди возвышалась темная стена леса. Солнце поднялось уже довольно высоко и пронизывало воздух раскаленными лучами. Рыжик, наверно, дошел бы до леса, если бы не перепутье, захватившее его врасплох. Все три дороги были одинаковой ширины, но вели в разные стороны. Мальчика взяло раздумье: куда идти? Что-то тревожное, беспокойное шевельнулось в груди Рыжика. Очутившись один среди необъятных полей, Санька впервые почувствовал себя маленьким, ничтожным, беспомощным. Ему скучно стало без товарища, и он в первый раз пожалел, что расстался с Не-Кушай-Каши.

До сих пор Саньке никогда не приходилось задаваться вопросом, куда идти: им всегда кто-нибудь руководил. Теперь же, оставшись с самим собою, Рыжик сразу понял, что ходить по земле без цели нельзя. У каждого человека должна быть какая-нибудь дорога, которая должна привести его к известному месту. Рыжик вспомнил, что Полфунта всегда знал, куда и зачем он идет. А вот он, Санька, как слепой, стоит на перепутье, не зная, куда направить свои стопы.

С горя и от нечего делать Рыжик достал из-за пазухи кусок булки и принялся жевать, опустившись на край дороги.

Он ел и думал все о том же. «Вон птичкам людей не надо... Ишь заливаются как!» — думал Санька, подняв к небу рыжую голову. «Они дорогу знают, — продолжал думать Рыжик, флегматично разжевывая булку. — Им весь свет облететь ничего не стоит. Оттого им и не скучно. Всё поют да ноют...»

— Приятный аппетит и с приятной встречей вас! — вдруг над своей головой услышал Санька чей-то голос.

От неожиданности Рыжик вздрогнул и вскочил с места.

— Что с вами, милорд? Боже мой, не укусила ли вас божья коровка?

— Нет, это я так, — по простоте души, серьезно ответил Рыжик.

Перед ним стоял белокурый мальчик, с голубыми смеющимися глазами и добрым, красивым лицом. Одет парнишка был чрезвычайно плохо, пожалуй хуже Саньки, но это не мешало ему выглядеть веселым, бодрым и довольным.

— Куда путь держишь? — спросил неизвестно откуда взявшийся мальчик и, не дожидаясь ответа, опустил на траву. — Садись, земли хватит, — предложил он Рыжику.

Санька ухмыльнулся и сел неподалеку. Белокурый парнишка вытащил из кармана пачку папирос и стал закуривать. Рыжик глаз не спускал с него, следя за каждым его движением. По всему было видно, что парень этот не из робкого десятка и человек бывалый. От его манер, от его светло-русых кудрей и от всей его тонкой, стройной фигуры веяло чем-то задорным, ухарским...

— Хочешь? — предложил он Саньке папироску.

— Хочу, — набравшись храбрости, проговорил Рыжик и протянул руку.

— А ты куришь?

— Нет.

— Нет? Ну, так и не получишь. В пути курево дорого стоит.

Мальчик спрятал папиросы обратно в карман. Санька несколько на него за это не обиделся.

— Ты не встречал одного человека? — спросил Рыжик.

— Одного? Что за вопрос? Я встречал сотни, тысячи людей... — с важностью сказал незнакомый мальчик.

Он полулежал в небрежной позе и почти не обращал внимания на Саньку. Наступила продолжительная пауза. Улыбка смущения скользнула по лицу Рыжика и пропала, оставив едва заметный след на губах.

— Ты куда идешь? — строгим голосом спросил мальчик, не глядя на Саньку.

— Я сам не знаю, — послышался робкий ответ.

— Что?! — удивленно воскликнул мальчик и даже немного приподнялся. — Сам не знаешь? Откуда же ты взялся?

Рыжик, путаясь и сбиваясь на каждом слове, стал рассказывать о себе и о Полфунте. Парень слушал его с большим вниманием. Он даже пододвинулся к нему поближе. «Вот как! Ай да молодец!..» — ежеминутно восклицал он по адресу Рыжика. Эти краткие, но выразительные похвалы подбадривали Саньку, и речь его полилась свободно, без запинки.

— Так вот ты какой молодец! — выслушав Рыжика до конца, воскликнул белокурый мальчик.

— В таком случае, давай руку!.. Тебя как звать?

Рыжик назвал себя и не без удовольствия пожал протянутую руку.

— А меня зовут Львом, а хочешь, называй по-маминому — Левушка, и еще Стрела мое прозвище.

— А меня дразнят Рыжиком, — окончательно повеселев, сообщил Санька.

— Рыжик? Так и запишем. А теперь я расскажу тебе и свою историю. Я беглец!.. Да, да, верно говорю! Вот уже два года, как я путешествую по разным странам и меня поймать не могут.

— А кто тебя ловит? — наивно спросил Рыжик.

— Станный вопрос! Во-первых, отчим, во-вторых, матушка...

— Какой отчим?

— Ах ты, боже мой!.. — нетерпеливо прикрикнул Левушка. — Ну, известно, мой отчим... Отец у меня умер, а мамаша вышла замуж, вот у меня и оказался отчим. А убежал я потому, что терпеть его не могу. Такой противный, что ужас... Придешь из класса, замучит уроками — всё зубрить заставлял. А я тогда про индейцев да про охотников американских начитался... У нас в школе даже общество составилось под названием: «Охотники девственных лесов». Вот тогда-то меня Стрелой и прозвали... Но я по порядку расскажу. Отчим меня мучил-мучил, пока из терпения не вывел. И вот однажды выбрал я прекрасный денек и удрал в Америку...

— А далеко это? — не вытерпел Санька.

— Так далеко, что и посейчас не могу до нее добраться...

— Домой тебе не хочется?

— Как тебе сказать... Летом не хочется... Ну, а зимой... Да я и зимой кланяться им не стану. Что, в самом деле?.. А хорошо летом путешествовать! Правда? Сколько я перевидал! Ты море, говоришь, видел... А я их целых три видел! Ей-богу, не вру! И никогда я один не хожу: всегда товарищ найдется. Вот только вчера я попутчика своего потерял. Запил, каналья, а человек славный... Много у меня было попутчиков... А хочешь, мы найдем твоего Полфунта? — вдруг резко переменял тон Левушка и взглянул на Рыжика смелым, восторженным взглядом.

— Хочу, очень хочу!.. — радостно воскликнул Санька, и широкое курносое лицо его озарилось надеждой.

— Ладно! Найдем обязательно. Ты говоришь, он из Одессы?

— Из Одессы.

— Сейчас махнем туда: он, наверно, там будет.

— Нет, он сказал, что в Петербург пойдет...

— Ну так что ж? Не найдем в Одессе, в Петербург укатим...

— А далеко ведь?

— Конечно, далеко, если пешком идти. Но мы не дураки и пешком не пойдем. Но прежде всего позволь тебя спросить: ты большой трус?

— Не знаю... — смешался Санька.

— Ну, да это мы, впрочем, узнаем. Сколько тебе лет?

— Четырнадцать.

— Эге, так ты еще совсем мальчишка!.. А мне уж когда пятнадцать было... Вот, не знаю, почему усы у меня не растут... Из-за них курить начал. Говорят, помогает... Ну, да это пустяки!.. Так вот скажи прямо: хочешь путешествовать со мной?

— Хочу, — твердо отвечал Рыжик.

— Ну, в таком случае, по рукам!

Они одновременно поднялись и крепко пожали друг другу руки. Спустя немного новые знакомые, освещенные знойным солнцем, быстрыми шагами направлялись к синевшему

вдали лесу.

V

Смелый замысел

Ровно в полдень Санька и его новый знакомый Левушка Стрела вошли в лес. По дороге Левушка забежал в одну деревню и раздобыл там хлеба и сала. Теперь друзья решили в лесу пообедать, а также поговорить о предстоящем путешествии. Рыжик чувствовал себя превосходно. Он только жалел, что с ним не было Полфунта. К Левушке он сразу как-то привязался. Стрела как раз пришелся ему по вкусу. Веселый, бойкий, самоуверенный новый товарищ пленил Саньку.

В лесу они выбрали местечко помягче, потенистей, уселись рядом и приступили к закуске. Здесь им было прохладно и покойно. Обед двух юных путешественников был неважный, но зато хорош был у них аппетит и прекрасно пели им птицы.

— Ну, Рыжик... — покончив с обедом, начал было Левушка, но вдруг умолк и задумался. — Знаешь что? — проговорил он затем. — Не нравится мне твое прозвище... Пойми: что такое Рыжик? Гриб, больше ничего. Хочешь, я тебе чудное имя дам?

— Хочу, — согласился Санька.

— С этого момента, — торжественно заговорил Стрела, дотрагиваясь указательным пальцем до груди Рыжика, — имя тебе будет Красный Волк!

— Волк? Зачем волк? — упавшим голосом спросил Рыжик.

— Ах ты, чудака какой! В этом ничего обидного нет... Да знаешь ли ты, кто такой был Красный Волк? Вот не читал ты Густава Эмара и не знаешь... Красный Волк был самый храбрый из всех индейцев Северной Америки... Ну, теперь говори: хочешь так называться?

Санька кивком головы выразил свое согласие.

— Ну, так вот что, Красный Волк, ты по железным дорогам ездил когда-нибудь?

— Ездил... И под скамейкой, и в товарном вагоне... разно ездил.

— Молодец! Только под скамейкой и товарный вагон — штуки старые. А вот я придумал способ так уж способ! Весь свет объехать можно... Хочешь, мы завтра будем в Одессе, а через неделю будем в Петербурге?

— Очень даже хочу! — воскликнул Санька.

— А хочешь, так слушай! Я эту местность знаю. Выйдем из лесу — станция будет. Там подождем поезда; я покажу тебе, что надо делать, и мы укатим в Одессу на всех парах. Красный Волк! Клянусь прахом великих вождей нашего племени, завтра мы увидим море! — с пафосом закончил Стрела и встал с места.

Санька тотчас же последовал его примеру.

Левушка сказал правду: как только они вышли из лесу, им бросилось в глаза полотно железной дороги. Телеграфные столбы, рельсы, сверкавшие на солнце, песчаные откосы, каменное здание станции с красной железной крышей, белая башня водокачки, отдаленные

гудки и свистки локомотивов — все это напомнило Рыжику прошлое. Он вспомнил Спирьку, школу воров, кражу, жизнь среди нищих, вспомнил неожиданную встречу с Полфунтом, и шибко-шибко забилося его сердце. Память, будто невидимая книга, раскрылась перед Рыжиком, и он с замиранием сердца читал повесть о пережитых им невзгодах и радостных мгновениях. Не хотел бы он вновь все это испытать, но вместе с тем воспоминания о прошлом веселили его, и он как будто даже гордился этими воспоминаниями.

Левушка и Санька шли по узенькой тропинке вдоль полотна железной дороги, направляясь к станции. До вечера оставалось еще много, хотя жара заметно спала. Станция была незначительная. Людей совсем не видать было. Когда приятели подошли к платформе, они увидели только одного сторожа.

— Пройдем по ту сторону вокзала, — сказал Левушка, — а то, если заметят нас, неловко будет. Поезд, наверно, скоро придет. Видишь, сторож у колокола стоит?

Рыжик молчал. Он весь отдался во власть нового спутника и беспрекословно ему подчинялся.

Они миновали водокачку, обошли небольшое здание станции, повернули к садику, где обильно цвели сирень и акация.

— Пойдем: за садиком не так нас видно будет, — снова заговорил Левушка. — А вот это хорошо! — вдруг воскликнул он.

— Что хорошо? — заинтересовался Санька.

— Вон на запасном пути вагон стоит, он нам нужен... Я сейчас научу тебя бесплатно разъезжать по железным дорогам...

Мальчуганы обошли садик и остановились около вагона. Это был старый, поломанный вагон второго класса с заржавленными колесами и растерзанной крышей.

Левушка, подойдя к вагону, посмотрел во все стороны, не видит ли их кто, и, убедившись, что они здесь одни, смело подошел к вагону и приступил к обучению Рыжика.

— Ты видишь вот эту длинную медную ручку? — спросил Стрела у Саньки, подойдя вместе с ним к лестничке вагона.

— Вижу, — серьезно ответил Рыжик.

— Ну, теперь слушай внимательно. Эта ручка сделана для того, чтобы пассажиры за нее держались, когда они поднимаются на площадку. Ты видишь, ручка крепкая, и привинчена она к самому вагону... Теперь взойдем на площадку... Не бойся, нас никто не видит.

Рыжик исполнил приказание. Вслед за ним вскочил на площадку и Стрела.

— Теперь слушай дальше, — продолжал свою лекцию Левушка. — По железной дороге можно было бы миллион верст прокатить даром, если бы кондуктора не спрашивали билетов. Но у нас билетов не будет, а потому мы должны сделать так, чтобы кондуктора нас не видали. Понял?

— Понял. А как же это сделать? — спросил крайне заинтересованный Рыжик.

— А вот я сейчас покажу.

Левушка открыл дверь вагона.

— Иди в вагон, а я спрячусь, — сказал Стрела, обращаясь к Рыжику. — Ты будешь кондуктор, а я заяц. Я спрячусь, а ты меня ищи.

— А долго будешь ты прятаться?

— Сосчитай: раз, два, три — и готово.

Рыжик вошел в вагон и в ту же минуту вышел, но Левушки уже не было. Санька был поражен. Его новый знакомый точно сквозь землю провалился. Рыжик поднимал глаза на крышу вагона, обводил ими окрестность, перегибался через перила площадки, заглядывал под вагон, но все напрасно. Стрела исчез бесследно. У Саньки даже тревога закралась в сердце. «А что, если он удрал от меня?» — промелькнула мысль в голове Рыжика, но он эту мысль сейчас же отогнал прочь. Как бы быстро ни удрал Левушка, он, Санька, все-таки успел бы его увидеть бегущим. Ведь трех секунд не прошло, как Санька вошел и вышел из вагона. Но куда мог он деться? Вопрос этот заставил Саньку сойти с площадки. Он стал обходить вагон, и только на противоположной от станции стороне вагона Рыжик, к великому своему удовольствию, нашел Стрелу. Левушка висел вдоль стены вагона, одной рукой крепко ухватившись за медную ручку вагона и одной ногой упираясь в последнюю ступеньку лестнички.

Увидав Саньку, Левушка соскочил на землю.

— Видал? — коротко спросил он.

— Видал, — смеясь, ответил Рыжик.

— Теперь скажи: может кондуктор меня заметить, когда он быстро переходит из вагона в вагон, да еще если это вечером случается?

— Ни за что не увидит! — воскликнул Санька.

— То-то! — самодовольно заметил Левушка. — Ну, а ты сумеешь так сделать? — спросил он у Рыжика и улыбнулся.

— Чего тут не сумеешь!.. Сделаю чисто.

— А ну-ка, попробуй!

— Изволь!

Санька влез на площадку, потом сошел на последнюю ступеньку; обеими руками ухватился за медную ручку и всем телом откинулся к стене вагона.

— Молодец, хорошо! — похвалил его Левушка. — Только ты напрасно обеими руками держишься. Надо одной рукой, и надо так висеть, чтобы лицом и грудью быть к стене вагона.

— Зачем так надо? — спросил Рыжик, соскочив на землю.

— А затем, что ветер может тебя сорвать. Ведь когда поезд мчится, ветер страсть как хлещет!.. И опять же, надо глаза закрыть, чтобы песок не попал. Ну, да я тебя еще выучу. А теперь пойдем на станцию... я пить хочу.

— И я пить хочу, — подхватил Санька.

— У тебя денег нет? — обернулся к нему Левушка.

— Нет.

— Жаль! Если бы деньги, можно было бы чайку попить. А так придется водицей угощаться...

Но не успели они подойти к станции, как сторож, стоявший на платформе, зазвонил. Он быстро несколько раз дернул веревку колокола. Железный язык скоро-скоро, как бы захлебываясь, проболтал что-то; в воздухе рассыпались металлические мелкие голоса и закончились одним сильным, долгим звуком.

— Первый звонок! — провозгласил Левушка, взойдя на платформу.

— Это что значит? — любопытствовал Санька.

— А это значит, что наш поезд скоро сюда придет. Мы тогда в вагон заберемся и доедем до Казатина. Это такая станция, большая, хорошая... Мы через час там будем...

— А оттуда куда мы?

— А вот слушай: в Казатине мы пересядем на другой поезд и укатим прямо в Одессу. Завтра утром там будем... А вот и вода! — воскликнул Стрела, подойдя к бочке, стоявшей около дверей вокзала.

Мальчуганы напились и подошли к сторожу.

— А что, дяденька, поезд на Казатин скоро пойдет? — заискивающим голосом обратился Левушка к сторожу.

Тот, большой, флегматичный на вид человек, в больших, тяжелых сапогах, искоса взглянул на приятелей и после довольно продолжительной паузы бросил им:

— Скоро...

Путешественники отошли прочь.

Через двадцать минут после звонка к станции, пыхтя и как бы отдуваясь, подошел поезд, битком набитый пассажирами всех трех классов. Поезд встретил молодой человек в красной фуражке. Прошла всего одна минута. Молодой человек в красной фуражке сделал знак сторожу, и тот три раза дернул за веревку колокола. Обер-кондуктор, маленький, но плотный человек с красной, налитой кровью шеей и большим животом, приложил к губам свисток, висевший у него на серебряной цепочке вдоль борта форменного летнего кителя, и залился свистящей трелью. Паровоз ответил ему коротким, но сильным свистком: дескать, слышу. Кондуктор второй раз свистнул. Тогда локомотив пронзительным криком огласил окрестность, и поезд как бы нехотя, тихо тронулся с места.

Левушка с Рыжиком успели-таки незаметно вскочить в один из вагонов третьего класса. Вагон был переполнен косарями, и нигде не видно было ни одного свободного местечка. Несмотря на то, что все окна были открыты, в вагоне очень дурно пахло. Помимо людей, вагон был набит разными вещами, поддевками, косами и мешками.

— Пойдем станем на площадку, а то здесь и без нас тесно, — сказал Левушка и направился к дверям.

На площадке они нашли несколько пассажиров. Это обстоятельство очень опечалило Стрелу.

— Наше дело плохо, — проговорил он над самым ухом Рыжика.

— А что?

— А то, что нам нельзя будет проделать наш фокус. Видишь, народ здесь стоит.

— Так пойдем назад, в вагон, да под скамейкой и спрячемся, — посоветовал Рыжик.

— Ну нет, уж меня не заманишь под скамейку, — наотрез отказался Левушка; а потом, подумав немного, он проговорил: — А то знаешь что, давай здесь на площадке стоять...

— А ежели кондуктор увидит?

— Ну так что ж? Все равно ближе Казатина нас не ссадят, а нам только до Казатина и нужно. Ведь там у нас пересадка...

Левушка вдруг умолк и как-то странно съежился: из другого вагона вышел обер-кондуктор и через площадку прошел в тот вагон, где сидели косари. Позади обера плелся младший кондуктор. Когда за ними захлопнулась дверь, Левушка расхохотался как сумасшедший. Санька, ничего не понимая, глядел ему в рот и, постепенно заражаясь, сам принялся смеяться, не зная чему.

— Ты чего это? — наконец спросил он у Левушки.

— Я потому смеюсь, что мы теперь панами доедем до Казатина, — стараясь заглушить стук колес, громко ответил Стрела, несколько не стесняясь присутствием посторонних людей. — В нашем вагоне уже отобраны билеты, и больше до самого Казатина спрашивать не будут.

— Почему ты знаешь?

— А вот почему. Кондуктора, когда идут за билетами, начинают обход с заднего вагона и все время идут лицом к паровозу. А сейчас ты видел, как они прошли? Совсем обратно. Теперь, значит, мы гуляем! — добавил Стрела и от восторга заплясал на одном месте.

Левушка сказал правду: приятелей действительно никто не беспокоил до самого Казатина.

VI

Опасное путешествие

По заснувшей земле мчится поезд. Он стучит, будит тишину летней ночи и рассыпает во мгле золотые искры.

Пассажиры третьего класса сидят в такой тесноте, что между ними руки нельзя просунуть. Никто из них не спит. Какой уж тут может быть сон, когда вагоны тарахтят, гремят, бьются, как в лихорадке, прислуга хлопает дверьми, паровоз кричит на всю степь и поезд то и дело останавливается на станциях и принимает все новых и новых пассажиров!

В одном из вагонов третьего класса сидят Рыжик и Левушка. Они поместились у окна, на узеньких одноместных скамейках, друг против друга. Им спать не хочется: они заняты едой и разговорами. Едят они колбасу и белый хлеб.

Две свечи, что горят в двух фонарях над дверьми, плохо освещают внутренность вагона. Рыжика совсем почти не видно: он сидит в уголке за дверьми, а белокурая голова Левушки едва вырисовывается в полумраке тряского вагона, переполненного усталыми пассажирами.

— А мы, Левушка, не обратно едем? — спрашивает Санька и чуть не давится большим куском колбасы.

— А мы, Санечка, — передразнивает Стрела Рыжика, — раки или люди?

Не получив ответа, Левушка заговорил серьезно:

— Зачем нам пятиться, когда нам нужно вперед, в Одессу? А уж насчет поезда не беспокойся: я все маршруты во как знаю! Уж поверь, не ошибусь: завтра хочешь не хочешь, а в Одессе будешь...

— Правда, какая она добрая? — мечтательно протянул Рыжик, перебивая товарища.

— Кто?

— Да старушка, которая нам полтинник в Казатине дала.

— Будешь добрая, когда денег девать некуда. А наврал я ей мало? Волк — и тот пожалеет, ежели начнешь хныкать да рассказывать о круглом сиротстве и о том, что три дня ничего не ел...

Стрела закончил свою речь тихим, сдержанным смехом.

— Молодец ты! — с чувством похвалил Рыжик приятеля.

— Со мной, брат, не пропадешь! — хвастливо заметил Левушка. — Я теперь все хитрости понимаю, а уж голодать никогда не буду...

— Откуда ты всему этому научился? — спросил Рыжик.

— Чему?

— Да вот всему... Ну вот ты знаешь, как ездить надо, у кого что попросить... Потом еще и все дороги знаешь...

— Это я, братец, у попутчиков образование получил. У меня страсть сколько их было, этих самых попутчиков! Народ они бывалый, умный... всему научить могут...

У Рыжика во все время разговора не сходила с лица широкая, блаженная улыбка. Но при последних словах Левушки улыбка мгновенно исчезла, точно невидимая рука стерла ее, и самое лицо Саньки побледнело.

Левушка сейчас же догадался, в чем дело, и обернулся. На противоположном конце вагона блеснул хорошо знакомый ему огонек кондукторского фонаря.

— Ты что, испугался? — прошептал немного дрогнувшим голосом Стрела. — Не бойся, будь смелей! Пойдем на площадку!

Рыжик беспрекословно повиновался.

— Кто в Казатине садился, билеты прошу! — послышался громкий голос кондуктора в ту самую минуту, когда Санька с Левушкой вышли из вагона.

На площадке было до того темно, что приятели плохо видели друг друга. Ветер чуть было шапку не сорвал с головы Левушки, но он вовремя успел схватить ее руками.

— Ветер порядочный, — пробормотал Стрела, а затем обратился к Рыжику: — Ты смотри не трусь и крепче картуз натяни, а то слетит... Ты все помнишь, что надо делать?

— Помню. Да что-то страшно... — послышался неуверенный, упавший голос Саньки.

— Вот тебе раз! Ну и товарищ!.. Да ты чего боишься-то? — возвысил голос Левушка.

— А ежели сорвусь, тогда что?

— Не сорвешься; держись покрепче — и не сорвешься... Да ты постой, еще рано, — ухватил Стрела Рыжика, почувствовав, что тот хочет уже спуститься с площадки. Мы подождем еще, пока кондуктор до половины вагона дойдет, а то устанем висеть-то... Погоди, я сейчас посмотрю, где он там находится.

Левушка подошел к самым ступенькам площадки, одной рукой ухватился за толстый железный прут, подпиравший крышу вагона, другой за ручку и подался вперед. Вихрь с такой силой ударил его, что он чуть было не слетел с площадки. Но опытность выручила Левушку из беды, и он остался невредим. Мало того, он успел-таки заглянуть в ближайшее от площадки окно вагона и увидеть кондуктора. Затем Стрела быстро откинулся назад и обратился к Рыжику с последними приказаниями:

— Ты смотри же виси, покуда я не подойду к тебе... Держись крепко и спрячь лицо от ветра. Ну, ступай скорее! Ты с этой стороны будешь, а я с другой... Ну, ступай!..

Рыжик крепко стиснул зубы и с замиранием сердца стал спускаться с площадки. Тут только он почувствовал, с какой быстротой мчался поезд. Колеса глухо тарахтели, выбивая мелкую дробь, а вагон так метался из стороны в сторону, что, казалось, вот-вот слетит с рельсов и разобьется вдребезги. Саньку забила лихорадка. Трепещущей рукой ухватился он за ручку, сошел до последней ступеньки и откинулся к стене вагона... На минуту Рыжик потерял всякое представление. Если бы не инстинкт самосохранения, заставлявший его крепко держаться за ручку вагона, он бы в первый же момент сорвался и, наверно, был бы раздроблен колесами поезда.

Прошла всего одна минута, а Саньке казалось, что он висит вдоль стены вагона всю жизнь. Тьма вокруг него как будто сгустилась и стала совсем непроницаемой. Рыжику чудилось, что он вместе с поездом летит в страшную, бездонную пропасть. Напрасно он старался спрятать лицо от ветра, как ему посоветовал Левушка: вихрь не переставал кружиться над ним и швырять ему в лицо мелкий, острый песок. Стук поезда, шум колес и отрывистые свистки локомотива слились в ушах Рыжика в один грозный, предостерегающий крик.

— Подымись, готово!.. Слышишь, подымись!..

Санька понимает, что Левушка кричит ему, но не может пошевелинуться: у него руки и ноги как будто омертвели.

— Ну что же ты? Кондуктор уже прошел... Слышишь? Ах, какой ты! Ну, давай руку!

С помощью Левушки Санька с большим трудом взобрался на площадку. Он долго не мог прийти в себя от пережитых им волнений.

— Ты разве не слышал, как он прошел?

— Больше не надо будет висеть? — не слушая Левушки, спросил Рыжик.

— Нет, теперь до самой Одессы доедем... Вот разве только перед самой Одессой придется разок...

— Нет, нет, я больше не стану! — горячо воскликнул Санька. — Я боюсь... Сорваться можно... Кондуктор увидит...

— Ай-ай, Санька, какой ты трусишка! Никогда кондуктор не увидит, потому что площадка открытая. Он себе проходит и не глядит по сторонам. Вот если бы вагон был с закрытой

площадкой, тогда другое дело: тогда они двери открывают и осматривают лестнички... Ну, зайдём в вагон: теперь и соснуть нам можно будет.

И в вагоне Левушка немало слов потратил, а Санька все не мог успокоиться. Каждый раз, когда кто-нибудь открывал дверь, Рыжик вздрагивал всем телом, полагая, что это идет кондуктор.

Только перед рассветом усталость поборола страх, и Санька уснул, сидя в своем уголке.

На рассвете его разбудил Стрела.

— Вставай, Санька, мы не туда заехали, — услышал Рыжик голос приятеля и открыл глаза.

Было совсем светло. Поезд мчался по зеленой степи. На далеком краю равнины солнце, точно раскаленный шар, катилось по земле, едва касаясь упавшего над ним и окрашенного ярким пламенем горизонта. В открытое окно вагона врывался запах травы ромашки и чувствовалась утренняя влага.

— Да, брат, заехали мы черт знает куда! — вторично проговорил Левушка, когда Рыжик, окончательно проснувшись, уставился на него своими большими карими глазами.

— Как — заехали? — каким-то испуганным голосом спросил Рыжик.

— А вот так: нам надо было в Казатине подождать одесского поезда, а мы, не спросясь никого, сели на этот поезд...

— А этот куда идет?

— В Брест-Литовск, вон куда идет! Сейчас я с одним пассажиром разговорился, он мне все растолковал... А я уж заодно наврал да всплакнул малость. Ну, пассажир, попятно, размягчился и вот что отвалил... Гляди, брат. — Левушка разжал правую руку. На ладони у него лежала помятая рублевка. — Теперь у нас один рубль и двадцать две копейки! — воскликнул Левушка.

Он, по-видимому, не очень был огорчен тем, что попал не в тот поезд.

— Как мы теперь Полфунта найдем? — чуть не плача, спросил Рыжик.

— Как мы его найдем? Очень просто, — ничуть не задумываясь, ответил Левушка. — Мы, оказывается, едем теперь в Брест-Литовск, и отлично. Я хорошо ту местность знаю. Из Бреста куда захочешь попасть можно. Захотим — в Петербург махнем, захотим — в Варшаву укатим... Не все ли нам равно?..

— Билеты приготовьте, господа, билеты! — вдруг раздался чей-то зычный голос.

Рыжика словно кто по затылку ударил: он весь как-то съежился, а на широком, обсыпанном веснушками лице его появилось выражение тупого, бессмысленного страха. Даже Левушка и тот побледнел. И не успели наши «зайцы» опомниться, как к ним уже подходил контролер в сопровождении двух кондукторов, обера и его помощника.

— Ваши билеты? — отрывисто проговорил контролер, протягивая к Саньке руку, в которой блестели никелированные клещики.

— Ваше превосходительство!.. — вдруг завопил Левушка и скорчил при этом такую плачущую рожу, что Рыжик, несмотря на всю серьезность положения, едва удерживался от смеха.

— Выкиньте их на первом полустанке, — процедил сквозь зубы контролер и отошел к другой

скамейке.

— Слушаю-с! — отчеканил младший кондуктор, глядя в контролерскую спину.

Потом он обернулся к «зайцам» и молча, но выразительно погрозил им кулаком.

VII

Третий спутник

Прошел месяц. Левушка с Рыжиком за это время окончательно сблизились. Благодаря железным дорогам мальчуганы успели в короткий срок изъездить порядочное расстояние и побывать во многих городах. Ездили они главным образом ночью, а днем отдыхали или занимались «благородным» нищенством, как выражался Стрела.

В продолжение лета они, наверно, сумели бы объехать всю Россию, если бы одно обстоятельство не положило конец их путешествию по железным дорогам. Случилось так, что в семи верстах от Вильно, перед станцией Вилейки, Рыжик был пойман на месте преступления, когда он висел, прижавшись к стене вагона. Кондуктор, поймавший его, до того испугался, увидав, какой опасности подвергался смелый «заяц», что принялся тузить Саньку изо всей силы. Попало тогда Рыжику как следует, и он дал слово больше по железным дорогам не ездить. Левушка пробовал уговорить приятеля переменить свое решение, даже пригрозил в противном случае бросить его, но ничто не помогало. Санька настоял на своем, и приятели пустились в путь пешком.

Вчера на рассвете они вышли из Вильно и по широкой шоссейной дороге отправились в город Ковно. У Левушки после печальной истории с Рыжиком родился новый план. Он задумал совсем иным путем попасть в Петербург. План нового путешествия заключался в следующем. Из Вильно они дойдут через Ковно, Юрбург и Либаву в Ригу, а из Риги на каком-нибудь судне приедут в Петербург и там уже найдут Полфунта. Рыжик, не знавший дороги, конечно, согласился пойти по намеченному маршруту, тем более что Стрела относительно нового пути наговорил много хорошего. Кроме того, Левушка, по-видимому, прекрасно знал ту местность. В разговоре с Рыжиком он так и сыпал названиями городов, рек, местечек и сёл. Как только они попали в Вильно, Санька стал замечать, что его приятель сразу как-то оживился и почувствовал себя как дома. Но этого мало: оказалось, что Левушка отлично владел всеми местными наречиями. Санька лично был свидетелем тому, как Стрела свободно разговаривал с литовцами по-литовски, с поляками — по-польски, с жмудяками — по-жмудски.

Последнее обстоятельство привело Рыжика в неописуемый восторг, и он пристал к Левушке, чтобы тот сказал ему, откуда он знает столько наречий и почему он вообще так хорошо знаком с этой местностью. Долго уклонялся Стрела от прямых ответов, но наконец не выдержал.

— Хорошо, я расскажу тебе все, — торжественно воскликнул Левушка, — но ты дай клятву мне, что тайна эта умрет с тобою!

Санька скорчил серьезную рожу и трижды поклялся в том, что никому полсловечка не скажет. Беседа эта происходила ранним июньским утром, за завтраком. Юные скитальцы сидели в тени придорожного гиганта-тополя, в десяти верстах от Вильно, откуда они вышли, когда еще только-только светало.

— Хорошо, я верю тебе, Красный Волк!.. — заговорил Левушка. — Теперь слушай! — Он вдруг поднялся с места, подозрительно оглянулся во все стороны, потом опять опустился на траву рядом с Рыжиком и таинственно, полушепотом, начал: — Я убежал из Юрбурга... Вся эта местность хорошо мне знакома, потому что покойный мой папаша часто переезжал из Вильно в Ковно, из Ковно в Юрбург, а из Юрбурга в Поланген. А теперь наши живут в имении около Полангена... Мой отчим — управляющий в том имении... Понимаешь, мне теперь страсть как надо быть осторожным... Меня многие здесь знают... Но меня недаром Стрелой называют! — вдруг воскликнул Левушка и поднял высоко над головой сжатый кулак. — Я мимо пройду, но меня не поймают...

— А у тебя никого из родных нет? — спросил Рыжик.

В его голосе послышалась нотка участия.

— Есть сестренка, братишка есть... Только маленькие они, никуда не годятся...

— А тебе домой не хочется? — продолжал допытываться Рыжик.

Левушка не сразу ответил. Он опустил белокурую голову, устремил неподвижный взор на свои босые ноги, а пальцами рук машинально рвал траву.

— В Америку я хочу, вот что... — после долгой паузы пробормотал Стрела и неожиданно как-то сорвался с места. — Чего мы тут расселись? Пойдем! — сердито проговорил он и тронулся в путь.

Санька молча последовал за ним. Ему до боли стало жаль товарища: хотя тот и прятал от него лицо свое, но Рыжик увидал, как две слезинки упали с длинных темных ресниц Левушки. И у Саньки сердце сжалось в груди.

На другой день они подходили к Жослинскому лесу. Был жаркий полдень. Яркое, жгучее солнце раскалило воздух, и наши босоногие путешественники с трудом переводили дыхание. И Рыжик и Стрела обливались потом.

— Уйдем скорее от солнца: в лесу остынем, — проговорил изнемогавший от жары Левушка и ускорил шаги.

Темный, дремучий бор манил и поддразнивал усталых путников. Им казалось, что зеленая громада незаметно уходит от них. Лес этот был огромный и густой. Его темно-зеленая стена легла поперек дороги, и ей конца не было видно. Солнце только снаружи обливало лес горячим светом, внутрь же бора ни один луч не мог пробиться, и там царил прохладный сумрак. Широкая шоссейная дорога, по которой шествовали приятели, пополам разрезала густую чащу и сама исчезала в ней. Рыжик и Левушка уже совсем близко подошли к лесу. Стройные сосны, будто армия воинственных великанов, недвижными правильными колоннами прочно стояли на своих местах, а впереди леса, на скошенном лугу, точно вождь-богатырь, высился громадный, крепкий дуб.

Казалось, этот гигант вот-вот повернет к бору свою крепколистую кудрявую голову и крикнет: «Вперед!» — и могучая зеленая армия тяжело шагнет за вождем и все сотрет с лица земли...

Долго отдыхали в лесу Рыжик и Левушка. Они даже соснули немного. Особенно рад был лесу Санька. Он любил поваляться в прохладном месте и пофилософствовать на досуге.

— Чего нам спешить? — повторял он время от времени. — Здесь прохладно, хорошо так, птички щебечут... И ночевать можно здесь, — добавил он.

— Ну, уж нет, — живо возразил Стрела. — Я не медведь, чтобы в лесу ночевать. На поле я согласен, а в лесу — ни за что!

— А вот я... — начал было Рыжик, но умолк: по лесу пронесся сильный, протяжный свист, похожий на свисток локомотива.

Левушка тотчас вскочил на ноги и от восторга захлопал в ладоши.

— Ура! Мы недалеко от станции! — закричал он. — Вставай скорей! — обратился он к Саньке.
— Будет тебе валяться! Разве не слышишь: мы около железной дороги.

— Ну, и пусть себе, а нам-то что? — равнодушно проговорил Рыжик, не трогаясь с места.

— Ах ты, боже мой! — с досадой в голосе воскликнул Стрела. — Ну, и валяться в лесу что за радость? Ведь нам все равно мимо проходить; так лучше же сейчас пойти, чтоб к поезду поспеть.

— На что нам поезд?

— Да так, посмотреть... Там народу много... Может, мелочь у кого выпрошу... Ведь у нас всего тринадцать копеек осталось... И еще найти можем... Богатые пассажиры часто деньги теряют... Ну, идем же! Идем же скорее!

Рыжик нехотя поднялся с места.

На станцию явились они в тот момент, когда поезд из Ковно только подошел к дебаркадеру. Пассажиры всех трех классов, одетые в легкие летние костюмы, торопливо соскакивали с площадок и направлялись к буфету.

— Станция Жосли! Поезд стоит пять минут! — провозгласил кондуктор, проходя мимо вагона первого класса.

Его голос заглушил первый звонок, данный по сигналу начальника станции. На узком пространстве между вокзалом и поездом спешно двигалась живая масса людей. Вдруг на конце платформы раздались чьи-то резкие, неистовые вопли. Рыжик и Левушка сейчас же бросились на крики и увидали высокого дородного жандарма, с окладистой светло-русой бородой и серебряной медалью на груди, который тащил одной рукой еврейского мальчика лет пятнадцати. Вот этот-то мальчик и ревел на всю станцию.

— Я тебе задам, погоди!.. — приговаривал жандарм грозным голосом.

— Ой, дяденька, не буду!.. Нехай меня холера возьмет, не буду!.. — вопил мальчик, и его длинные черные пейсы заглядывали ему в широко раскрытый плачущий рот.

— «Зайца» поймали... — равнодушным тоном и как бы про себя заметил Левушка.

— Отчего он так орет? — спросил Рыжик.

— Трус, вот и орет...

В это время раздался второй, а вслед за ним и третий звонок. Обер-кондуктор два раза перекликнулся с паровозом, и через минуту от поезда воспоминания не осталось.

Перед станционными постройками красивым зеленым амфитеатром раскинулся Жослинский лес. По другую сторону вокзала шла дорога в Жосли, а немного левее — Виленское шоссе, по которому должны были продолжать свой путь Рыжик и Стрела.

— Ничего интересного нет, пойдем! — разочарованно пробормотал Левушка.

— Пойдем! — точно эхо, повторил Санька.

Прятели, прежде чем уйти, напились холодной воды, посмотрели на часы и только затем направились к шоссе. Когда они проходили мимо вокзала, до их слуха все еще доносились отчаянные вопли мальчика.

Солнце склонилось к лесу. Жара значительно спала. Юным путникам теперь гораздо легче было шагать по дороге, и настроение их духа заметно улучшалось. Левушка закурил, а Рыжик засвистал какую-то песенку.

— А знаешь, мне его жалко стало, — прервав свой свист, проговорил Санька.

— Кого жаль стало? — спросил Стрела.

— Да вон того мальчика, которого жандарм тащил...

— А себя ты не жалел, когда кондуктор тузил тебя?

— То я, а то он... Себя не жалко...

— Слушайте, слушайте! — вдруг услышали приятели чей-то голос.

Они обернулись и увидели, к крайнему своему удивлению, того самого еврейского мальчика, о котором у них шла речь. Путаясь в длинных полах серого балахона, он бежал прямо на них.

— Уф, как жарко!.. — с трудом выговорил наконец мальчуган и остановился перед озадаченными приятелями.

Смуглое лицо его горело румянцем, черные глаза сверкали и искрились. Крепкие сапоги, фуражка с большим козырьком и пуговицей на макушке, парусиновый сюртук до пят и маленький черный мешочек в руке — вот все, что было на нем и при нем.

— Что они тебе сделали? — спросил у него Рыжик.

— А что они могут мне сделать? — ответил мальчик на вопрос вопросом и пожал плечами. — Очень я их боюсь... Подумаешь, начальство какое! — добавил он и презрительно улыбнулся.

— А зачем ты орал, ежели не боишься? — вмешался в разговор Левушка.

— Я орал потому, что жандарм этого хотел. Я вижу — ему нравится, чтоб я кричал, ну я и кричал... Что мне, дорого стоит покричать?..

Рыжик и Левушка так и покатались со смеху.

— Так это ты не взаправду ревел? — сквозь смех воскликнул Рыжик. — Ай, и молодец же ты!..

Он дружески похлопал мальчика по плечу.

— Куда ты идешь? — обратился к нему с вопросом Левушка.

— А вы куда идете? — опять ответил он на вопрос вопросом.

— Мы идем сейчас в Ковно...

— Ну, и я пойду в Ковно...

— Позволь, — перебил его Левушка, — ведь ты сейчас из Ковно «зайцем»-то приехал?

— Ну и что ж?.. А разве мне не все равно, что в Ковно, что из Ковно?.. Хотите — я пойду направо, хотите — налево.

— А зачем ты идешь?

— А зачем вы идете?

— Мы из Ковно в Петербург пойдем, там одного человека найти нам надо...

— Ну хорошо, и я пойду с вами, — сказал он таким тоном, как будто его об этом просили.

Левушка с Рыжиком значительно переглянулись между собою, а потом отошли немного в сторону и шепотом стали совещаться. Кончилось совещание тем, что в путь отправились они не вдвоем, а втроем.

— Как тебя звать? — обратился к новому спутнику Рыжик, идя с ним рядом.

— Меня зовут и Лейбеле и Хаимка. У меня два имени.

— Как мы его звать будем? — обернулся Рыжик к Левушке.

— Лучше Хаимкой его звать будем, — посоветовал Левушка.

Наступило минутное молчание. Трое путников бодро шагали вперед, глазами измеряя окрестность. Лес отодвинулся от них и ушел вместе с солнцем на запад. По обеим сторонам широкой дороги желтели хлебные поля.

— Вы, может, думаете, у меня денег нет? — нарушил молчание Хаимка. — Ой-ой, еще сколько есть!..

— Откуда же у тебя деньги? — живо заинтересовался Левушка.

— Откуда? У меня из дому деньги есть. Хотите, я вам покажу?..

— Покажи!

Хаимка остановился и запустил руку в карман своего балахона. Левушка и Рыжик также остановились. Хаимка все глубже и глубже опускал руку, пока со дна полы не вытащил крохотный кошелек.

— У меня кармана нет, а подкладка есть, — пояснил Хаимка, осторожно открывая кошелек. В ту же минуту над кошельком наклонились три головы.

— Вот один рубль и двадцать семь копеек. Вот!..

Он высыпал весь капитал на ладонь и поочередно подносил деньги к глазам то Рыжика, то Левушки.

— И у нас деньги есть, — проговорил Стрела. — Только у нас меньше: всего тринадцать копеек. Если хочешь, давай одну кассу сделаем. Мы тебе и наши деньги отдадим, а уже ты на всех покупать будешь... Хочешь?

— Ой-ой, еще как хочу! — воскликнул обрадованный Хаимка.

Левушка немедленно отдал ему тринадцать копеек, и снова все тронулись в путь.

Хаимка ликовал. С его смуглого лица не сходила радостная улыбка. Он ни на минуту не умолкал. Из его рассказов Рыжик и Левушка узнали, что он уроженец города Ковно, что у него

ни отца, ни матери нет, а теперь он отправился в Палестину; но его нашли в вагоне под скамейкой, и он едет с ними в Петербург. Жил он в синагоге на общественный счет. Хорошо учился, и за это общество его одевало и кормило. Выучился он читать по-русски, и теперь он хочет многому учиться. Он будет ходить по земле и учиться до тех пор, пока не сделается первым ученым на всем свете. Когда он придет в страну, где не будет евреев, он обрежет себе пейсы...

Приятели с удовольствием слушали болтовню Хаимки и беспрерывно задавали ему вопросы.

— А креститься ты не хочешь? — спросил Рыжик.

— А зачем мне креститься?

— Чтобы быть русским.

— Чтобы быть русским? — певучим голосом переспросил Хаимка. — Ну, а ты хочешь быть евреем?

— Нет, — решительно и коротко ответил Рыжик.

— А почему ты не хочешь?

— Да потому, что быть русским лучше...

— А евреем быть хуже? — живо перебил Хаимка.

— Конечно, хуже.

— Ну, и вот... потому и я не хочу креститься... Зачем я у тебя возьму лучшее, а дам тебе худшее? Нехай лучшее останется у тебя, а худшее у меня... А если хотите всю правду, то я гроша не дам и за мою и за вашу веру. Нам бог нужен, как дыра в голове... Но знаете вы, что я люблю? — вдруг переменял разговор Хаимка.

— Что? — в один голос спросили Рыжик и Левушка.

— Я люблю сыр. Ах, как я его люблю!.. И вы знаете, я через это по белому свету пошел... Мне очень захотелось покушать сыру, а никто не давал. Теперь я сам хозяин и буду себе его кушать на доброе здоровье.

Хаимка весело рассмеялся.

К вечеру путешественники подошли к длинному низкому зданию, сложенному из красного кирпича. Дом этот стоял немного в стороне от дороги, в двух-трех верстах от видневшейся вдали деревни.

— Это корчма. Здесь ночевать можно, — сказал Левушка.

— И сыр купить можно? — заинтересовался Хаимка.

— Конечно, можно.

— Ну, так идемте!..

Путники отправились в корчму. Через просторные сени они вошли в большую мрачную комнату. Стены без штукатурки, земляной пол, деревянный, ничем не покрытый потолок делали эту комнату похожей на конюшню.

Вдоль стен стояли длинные массивные скамейки, а напротив дверей возвышалась стойка с тремя бочонками и разной посудой. От корчмы этой пахло погребом. Когда путники переступили порог, хозяин корчмы, молодой рыжий еврей с козлиной бородкой, только что окончил предвечернюю молитву и направился им навстречу. После обычных вопросов, куда и откуда они идут, корчмарь спросил у путешественников, не потребуют ли они себе чего-нибудь на ужин.

— Сыр есть у вас? — осведомился Хаимка.

— Сколько угодно, хоть даже на целый карбованец (рубль)...

Хаимка с общего согласия потребовал на двугривенный сыру и несколько булок. Левушка купил табаку и спичек.

Прятели приступили к ужину. Рыжику и Левушке еврейский сушеный сыр очень понравился. Что же касается Хаимки, то о нем и говорить нечего: он с такой жадностью набросился на любимое кушанье, что два раза чуть было не подавился.

Солнце совсем уже зашло, когда наши путники покончили с ужином. Хозяин корчмы, получив деньги, отправил юных посетителей спать на сеновал.

В мягком ароматном сене усталые мальчуганы заснули крепким, сладким сном.

VIII

Любитель сыра

Рыжик еще наполовину не выспался, когда почувствовал, что его кто-то осторожно дергает за плечо. Нехотя и как бы с трудом приподнял он веки и увидел над собою наклоненное лицо Хаимки.

— Слушай, слушай... — едва слышно шептал Хаимка.

— Ну? — проворчал Рыжик.

— Слушай, ты сыр хочешь?

— Убирайся, я спать хочу!

Санька взмахнул рукой, точно муху отогнал, повернулся на другой бок и засопел. В это время проснулся Левушка.

— Ты что? — шепотом спросил он у Хаимки.

— Ты не спишь? Вот это мне нравится!.. — обрадовался любитель сыра.

Он осторожно подполз к Левушке и тихо заговорил с ним.

Оказалось, что Хаимка нашел целый склад сыра. Над слуховым окном чердака, или, вернее, сеновала, на прибитой доске лежали большие, тяжелые сыры. Сыр положен был там для того, чтобы он на солнце хорошенько просушился и затвердел. Хаимка еще вчера, когда подходил к корчме, увидел над крышей какие-то белые предметы и очень ими заинтересовался. Сегодня, проснувшись на рассвете, он вспомнил о виденных им предметах и немедленно поднялся на ноги. Осторожно подошел он к слуховому оконцу и выглянул из

него. Крик восторга чуть было не вырвался из груди Хаимки, когда он увидел над окном деревянную полку с разложенными на ней большими вкусными сырами. Первой мыслью Хаимки было сейчас же стащить хоть один кусок сыру, но одному этого сделать нельзя было, здесь необходим был помощник. Вот за этим и обратился Хаимка к Рыжику. Но тот, как мы уже знаем, хотел спать. Совсем иначе отнесся к делу Левушка.

— Где, где, говоришь ты, сыр лежит? — живо заинтересовался он, выслушав Хаимку.

— Вон там. Вставай, я покажу, — прошептал любитель сыра, дрожа от нетерпения и страха.

Левушка быстро вскочил с места, подошел к окну и убедился, что сыр действительно лежит на полке.

— Вот что, — обратился он к Хаимке, — я встану вот здесь, согнусь немного, а ты полезай на меня. Потом как заберешься наверх и достанешь полку, тогда и тащи сыр. Два куска довольно будет. Только осторожно подавай мне: куски тяжелые... Ну, все понял?

— Понять-то понял я, а почему ты два куска велишь брать? — тихо прошептал Хаимка.

— А тебе сколько нужно?

— Нам столько нужно, сколько у нас ртов. Нас три рта — значит, три куска надо.

— Ладно, бери три... Только смотри не шуми. Ну, полезай.

Левушка подставил спину, а Хаимка, затаив дыхание полез на него. Через минуту в оконном просвете ясно обрисовалась фигура Хаимки, сидящего верхом на подоконнике.

Солнце еще не взошло, но голубые предрассветные сумерки становились прозрачней и светлей. Просыпались птички и одна за другой вылетали из невидимых гнезд. Послышалось щебетанье и чириканье. А над влажной землей редел белесоватый туман.

Хаимка уже третий кусок сыра подавал Левушке.

— Ну, теперь довольно, — прошептал Стрела, стараясь поймать брошенный ему Хаимкой сыр.

Но на этот раз он не поймал: тяжелый кусок сыра проскользнул мимо рук и упал прямо на затылок сладко спавшего Рыжика.

Санька, неожиданно получив подзатыльник, вскочил, как ошпаренный, и уже готов был заорать во все горло, но Левушка вовремя подбежал к нему и сделал знак, чтобы он молчал.

— Тсс!.. Молчи! — прошипел Левушка, почти прикасаясь своим лицом к лицу Рыжика. — Мы сыр стащили... Надолго нам хватит...

— А не поймают нас? — сообразив, в чем дело, спросил Санька.

— Нет, все спят еще, — шепотом ответил Левушка и тут же добавил: — Мы сейчас тихонько слезем в сени, потом откроем дверь и уйдем, как хорошие люди уходят.

— Конечно, уйдем: они спят, как подохлые, — подтвердил и Хаимка.

Спустя немного ночлежники по приставленной лестнице стали с сеновала спускаться в сени. Первым спустился Рыжик, вторым — Хаимка, а уж последним — Левушка. Каждый из них под мышкой держал по огромному куску сыра, фунтов в шесть-семь. Хаимка подошел к дверям с тем, чтобы отодвинуть задвижку и открыть дверь, но, к удивлению своему, заметил, что дверь отперта.

— Ой, ребята, нехорошее дело вышло! — прошептал он и крепче прижал сыр к груди.

— Что такое? — обеспокоился Левушка.

— Дверь не заперта.

— Так что ж, тем лучше, выходи!.. — торопливо проговорил Стрела.

Хаимка грустно покачал головой и плечом открыл дверь. Вслед за ним последовал Левушка, а потом Рыжик. Но не успели друзья подойти к дороге, как из-за угла показались два человека: хозяин корчмы и его работник, здоровый литвин с длинным, плохо выбритым лицом.

— Ага! Жулики! Лови, лови их!.. — закричал корчмарь и со всех ног бросился почему-то за Хаимкой.

Рыжик и Левушка, как два добрых рысака, с невероятной быстротой понеслись по дороге.

— Лови, лови их!.. — доносился до их слуха крик хозяина корчмы.

Его голос, похожий на крик ночной птицы, пугал предутреннюю тишину и резкими, неприятными звуками рассыпался во влажном воздухе.

Левушка и Санька мчались во весь карьер. Минут через пять Рыжик оглянулся и моментально остановился.

— Стой, довольно! — крикнул он Левушке.

— Теперь не догонят, — тяжело дыша, проговорил Стрела и подошел к Саньке.

Они действительно далеко отбежали от корчмы и от преследовавшего их литвина.

— А где Хаимка? — спросил Рыжик и обвел взором всю окрестность.

Вдруг откуда-то издалека донеслись чьи-то вопли.

— Смотри, смотри: его поймали! — воскликнул Левушка, указывая рукой в противоположную от корчмы сторону.

Там, куда указывал Стрела, среди хлебных полей приютилась небольшая деревенька. Хаимка, вместо того чтобы броситься к дороге, со страху повернул в другую сторону и попал прямо в руки двум крестьянам. Крестьяне только что выехали верхом из деревни. Услыхав крики, мужики догадались, в чем дело, и без всякого труда задержали растерявшегося и выбившегося из сил «любителя сыра».

— Что ему теперь будет? — печально промолвил не совсем еще отдышавшийся Рыжик.

— Что ему будет, об этом он раньше нас узнает, — ответил Левушка, — а вот нам здорово влетит, если нас поймают. Ведь мужики на лошадях сидят... Повернем-ка лучше к лесу, пока нас не заметили... Слышишь?

— Давай к лесу, — согласился Рыжик.

Не прошло и пяти минут, как приятелей и след простыл.

В лесу беглецы вздохнули свободнее: здесь они были вне опасности. Они уселись под толстой, могучей сосной. Сыр был с ними.

— Эх, жаль, булок с собой не захватили: придется сыр без хлеба есть, — проговорил Левушка.

Но не успел он кончить, как Рыжик вдруг дико вскрикнул и вскочил с места.

— Что? Змея? — испуганным голосом спросил Стрела и также вскочил на ноги.

— Нет, какая там змея!.. Я сапоги забыл на сеновале... Что я теперь делать буду? — сокрушался Рыжик.

— А то, что я делаю: босиком пойдешь, — сказал Левушка. — И знаешь, без сапог, ей-богу, лучше. Сапоги только мешают нашему брату...

— Да, «мешают»... А когда холода придут, тогда что запоешь?

— Чудак! Холода придут, так и сапоги принесут, а пока горевать нечего. Вот ешь-ка сыр, да пойдем скорей. В Ковно деньги я живо добуду, а там и до моря недалеко... Чего горевать? Ешь сыр, говорю!

Слова Левушки немного успокоили Рыжика. Он уселся рядом с ним и не без аппетита принялся за сыр. Когда он ел, в его воображении возникал образ Хаимки, и ему от души становилось жаль беднягу.

IX

Одинокий

Ровно через две недели Рыжик с Левушкой подходили к Юрбургу. В Ковно им не повезло, и они в тот же день ушли из этого города без денег и без куска хлеба. А тут еще вдобавок и погода испортилась. После долгого ряда светлых, горячих дней наступили такие холода, что у наших путников очень часто зуб на зуб не попадал. Небо все время было задернуто облаками, за которыми пряталось солнце. Дожди шли почти непрерывно. Земля насквозь промокла, и нельзя было на ней найти ни одного сухого клочка. Зато лужи да болота попадались на каждом шагу. Приуныли наши путешественники. Умчались красные денечки, и сиротами почувствовали себя приятели. Даже Левушка и тот перестал храбриться. Рыжик совсем пал духом. Товарищи стали ссориться: Рыжик упрекал Левушку, а Левушка — Рыжика. Но чаще всего они молчали, затаив злобу.

«Это все ты виноват, — думал про товарища Рыжик. — Затащил неведомо куда... Тут и русского человека не встретишь...»

«Навязался, рыжий дьявол... Изволь тут с ним нянчиться!..» — в свою очередь, рассуждал Левушка и нередко бросал в сторону попутчика злобные, неприязненные взгляды. А ветер рвал и метал вокруг, как бешеный зверь. Тоскливым холодом дышал он на мальчуганов, знобил их тело и властно преграждал им путь. Временами он сгребал с деревьев дождевые капли и полными горстями швырял их в лицо юным скитальцам.

— Вот так лето! — часто приговаривал Санька, ежась от холода.

— Не нравится, можешь назад отправиться, — шипел Левушка, с единственной целью

позлить товарища.

— Дорога не твоя, и ты не указ! — огрызнулся Рыжик.

Вот в таком именно настроении духа и в самый наисквернейший день Санька и Стрела подошли к Юрбургу.

— Я через город не пойду, — вдруг заявил Левушка и нахмурился.

— Не пойдешь — просить не буду! — проворчал Рыжик.

— Послушай, ты напрасно так... — заговорил Левушка более мягко и остановился. — Видишь ли, меня здесь могут узнать... И мама и отчим часто из имения наезжают сюда... И вдруг меня поймают? Что тогда будет?... Меня накажут... все узнают... будут смеяться... Не хочу, понимаешь, не хочу...

Несвязная и малопонятная речь Левушки сильно тронула Саньку. Чуткое сердце Рыжика уловило в голосе товарища болезненные, жалобные нотки.

— Что ж, если тебе нельзя, я согласен, — тихо проговорил Санька.

— Ну вот и отлично! А теперь слушай, — оживился Левушка, — я пойду садами, мимо огородов, а ты ступай по главной улице. Эта улица через весь город проходит. Теперь слушай дальше. Ты иди по улице и спрашивай, где живет ксендз Ян. Тебе покажут. Ты увидишь садик, а в садике домик и много народу. Вот и ты встань перед домиком и жди. Как ихняя обедня кончится, так сейчас же ксендз обойдет всех и каждому в руку двугривенный положит... Понимаешь? Потом ты пойдешь дальше, пока из города не выйдешь. А там мы с тобой и встретимся... Я ждать тебя буду.

— А ты почему знаешь, что двугривенный дадут? — спросил Рыжик.

— Стало быть, знаю, ежели говорю. Этот ксендз Ян святым у них считается, и со всех городов деньги ему шлют для бедных. Понимаешь? Ну, иди! Помни, по одной только улице ходи, слышишь?

— А ты будешь ждать меня?

— Конечно, буду. Ну, ступай!

Рыжик с Левушкой расстались. Санька вошел в город и направился к главной улице, а Стрела пошел куда-то налево и скрылся в узеньком кривом переулке.

Прошло добрых три часа. Левушка истомился, измучился весь, дожидаясь Рыжика. Он стоял немного в стороне от шоссе, спрятавшись за стволом старого тополя. Одна верста отделяла его от города, из которого должен был показаться Рыжик. Терпение у мальчугана совершенно истощилось. По его расчету Санька давно должен был явиться. «Еще немного постою и один пушусь в дорогу», — чуть ли не в сотый раз говорил самому себе Левушка и не трогался с места.

Но вот наконец показался Рыжик. Стрела тотчас узнал приятеля, как только его рыжеволосая голова вынырнула из длинного ряда возов, двигавшихся по дороге в город.

Левушка вышел на шоссе и стал так, чтобы Рыжик мог его заметить. Через несколько минут приятели уже были вместе. Санька принес с собою неизменную колбасу и пару булок.

— А знаешь, ведь я два раза получил! — захлебываясь от восторга, сообщил Рыжик.

— Разве?

— Верно говорю! Я совсем и не думал, что так будет. Вышел этот ксендз, а нас много-много собралось... человек этак сорок, а может, и сто... И столпились это все, и руки протянули... Вот в мою руку как попал двугривенный, я хотел уйти. Вдруг слышу — меня зовет барыня, что с ксендзом была. Я подошел. Она посмотрела на меня и что-то спросила по-польски, а я замотал головой: дескать, не понимаю. А она, должно, подумала, что говорю: «Не получал». Ну, она и дала мне еще двадцать копеек.

— Беда невелика, — сказал Левушка, — ведь они со всех городов получают, а раздают-то в одном... А вот за колбасу да за булки — ты молодец. Жрать до смерти хочется... Вот что, брат, погода скверная, везде мокро, сесть негде и холодно. Так вот не зайти ли нам куда-нибудь?

— А куда?

— Вот я и думаю об этом... Знаешь что? Отправимся сейчас дальше, дойдем до первой корчмы и там весь день отдыхать будем. А перед вечером выйдем из корчмы и в первой деревне заночуем...

— А то можно и в корчме ночевать. Куда ходить по такой погоде? — подхватил Рыжик, которому план Левушки очень понравился.

— Нет, брат, мне нельзя в корчме ночевать, — проговорил Стрела и тяжело вздохнул.

— Почему нельзя?

— Опять же потому, что меня узнать могут. Как ты этого не понимаешь? Днем я первый увижу знакомого и могу удрать, а сонного меня, как маленького, схватят и потащат... Ах, да... денег у тебя много осталось?

Рыжик вместо ответа запустил руку в карман парусиновых штанишек и вытащил оттуда двугривенный.

— Ну, так мы живем! — воскликнул Левушка и бодро тронулся в путь.

Рядом с ним зашагал и Санька.

В тот же день к вечеру приятели подошли к небольшой деревушке, раскинувшейся почти у самой дороги.

Погода к тому времени улучшилась. Ветер притих, а на небе стали появляться голубые просветы. В воздухе опять почувствовалось тепло и мягкая, покойная тишина летнего вечера. В деревне еще не спали. На улице в одних рубашонках бегали ребятишки, белоголовые, голубоглазые, и оглашали воздух веселыми, звонкими голосами. Пожилые крестьяне-жмудяки сидели перед избами и меланхолично покуривали свои носогрейки. На босых ногах крестьян красовались деревянные туфли, вроде больших неуклюжих колодок. Молодежь — парни и девушки — затевала хоровод. У девушек волосы были заплетены в две косы. Одеты они были в длинные белые кофты и в юбки из пестрой клетчатой материи. Парни щеголяли ярко вычищенными сапогами и серыми двубортными курточками с огромными костяными пуговицами. Девушки затянули песню на непонятном для Рыжика языке и, точно сонные, медленно, едва шевелясь, повели хоровод. Парни приплясывали на одном месте и скалили зубы. Все это происходило на небольшом и не совсем еще высохшем лужке перед самой деревней.

— Что они делают? — тихо спросил Санька у Левушки.

— Не видишь разве? Танцуют. У них сегодня, наверно, праздник.

— Кто они?

— Они жмудяки, вроде как бы поляки, а не то как литовцы. Только они говорят по-иному...

— А русских нет здесь?

— Ишь ты, чего захотел! Здесь, брат, во всем крае русских нет. В местечках да в городах попадаются русские, а уж в деревнях не ищи лучше... Вот вдоль границы как пойдем, хорошо будет: там через каждые семь-восемь верст кордон стоит, а в кордоне солдаты, славные такие ребята... Всё больше украинцы... А то погоди-ка, я сейчас спрошу, нет ли здесь русских... — неожиданно кончил Левушка и подошел к одному из сидевших на завалинке жмудяков.

Через минуту Стрела сделал знак Рыжику следовать за ним и бодро направился к противоположному концу деревни.

— Ну, брат, есть тут одна русская изба, — проговорил Левушка, когда Рыжик его догнал.

— Где?

— А вон там, на пригорке, видишь, избушка отдельно стоит?

— Вижу, вижу.

— Ну, так вот там и живут русские.

Когда путники подошли к указанной избе, их у самых дверей встретила молодая баба, одетая не по-деревенски, а по-городскому.

— Нельзя ли, ради христа, переночевать у вас? — сняв картуз и низко кланяясь, заныл по-нищенски Левушка.

— Откуда вы идете? — внимательно оглядывая босоногих путешественников, спросила женщина.

— Из Ковно, тетенька, из Ковно, благотельница... А путь держим мы в Либаву... Там родственники живут наши... Мы сироты...

— Хорошо, — перебила молодая женщина нытье Левушки. — Я пушу вас, только в хате места нет у нас: самим тесно...

— Да нам где угодно хорошо будет, — все тем же ноющим голосом перебил Левушка.

— В таком разе, ложитесь в чулане, вот здесь...

Женщина рукой показала на маленькую, низенькую дверь в сенях.

— Там и сена много... Только глядите, чтоб без огня! — пригрозила хозяйка пальцем и тут же добавила: — А поужинать хотите?

Вместо ответа Левушка поклонился до земли. Женщина повела их в хату и поставила им творог, молоко и каравай хлеба.

Дружно принялись за еду приятели и до самого конца не проронили ни одного слова.

Комната, в которой сидели Левушка и Рыжик, была обставлена совсем не так, как у крестьян.

Тут были и стулья, и комод, и цветы на оконцах, и белые занавески, и картины на стенах. Наблюдательный Левушка живо все это заметил и встревожился. Он понял, что попал не к простым мужикам, и какое-то недоброе предчувствие закралось ему в душу.

Другая комната, отделенная от первой деревянной перегородкой, служила хозяевам спальней. Через полуоткрытую дверь Стрела успел заметить в той комнате край высокой деревянной кровати с целой горой подушек и большой револьвер на стене. Вот эта последняя вещь особенно почему-то обеспокоила Левушку.

Друзья поужинали, поблагодарили хозяйку и отправились спать.

В чулане ночлежники почувствовали себя гораздо лучше. Им было здесь просторно и мягко на свежем, ароматном сене.

— Знаешь что, — проговорил Левушка, обращаясь к лежавшему рядом с ним Рыжику, — мы рано-рано уйдем отсюда, когда еще все спать будут...

— Зачем?

— Мне, видишь ли, здесь что-то подозрительно... Тут не мужики живут.

— А если не мужики, тогда что? — заинтересовался Санька.

— А то, что могут паспорт спросить. Вот что, понял?

— Не спросят. Кому нужно?.. — протянул Рыжик и повернулся на другой бок. — А славно здесь как, на сене-то! — прибавил он, сладко зевая.

Левушка ничего на это не возразил. Рыжика стала одолевать дремота. В чулане было совершенно темно, только сквозь узенькую щель дощатой двери, как светящаяся нитка, пробивался свет из просторных сеней. Но вскоре и эта светлая полоска исчезла. Левушка также стал засыпать. Из деревни до его слуха долетали различные звуки. Эти звуки убаюкивали юного скитальца. Стрела заснул в тот момент, когда до его слуха долетел отдаленный собачий лай и отрывистые крики петухов.

Желание Левушки уйти на рассвете не исполнилось. Он и Рыжик так крепко и сладко заснули, что не только проспали восход солнца, но кому-то очень долго пришлось стучаться к ним в чулан, пока они открыли глаза.

— Санька, а Санька, слышишь, кто-то стучит к нам! — прошептал проснувшийся Левушка и дернул Рыжика за плечо.

— Эй, ребята, вылезайте чай пить! Стыдно так поздно спать! — услышали ночлежники чей-то незнакомый мужской голос.

Чуткое ухо Левушки поймало при этом какое-то позвякивание, давшее ему повод предположить, что у человека, будившего их, на ногах шпоры. «Куда это мы попали?» — промелькнула мысль в голове Левушки, и сердце у него, как и вчера, болезненно сжалось от какого-то смутного, тревожного предчувствия.

Санька же, наоборот, проснулся веселым и очень обрадовался, когда услышал, что их зовут пить чай. Недолго думая, он ногою так толкнул легкую дверку чулана, что та чуть было с петель не слетела. Обильный яркий свет солнечного утра широкой волной ворвался в чулан и ударил в глаза приятелям. Оба они зажмурились и поднялись с мягкого ложа. Но каково было удивление и испуг обоих ночлежников, когда, выйдя из чулана, они увидели перед собою жандарма!

— Пожалуйте, милости просим! — добродушно-насмешливым тоном проговорил жандарм, указывая приятелям на открытую дверь комнаты, в которой вчера они ужинали.

— А помыться нельзя будет? — вдруг спросил Рыжик и сам удивился своей смелости.

Жандарм, раньше чем что-нибудь сказать, внимательно, с головы до ног, осмотрел ночлежников и, по-видимому, остался осмотром очень доволен. На загорелом кирпичном лице его появилась улыбка.

— Желтая краска не скоро смывается, — глядя на разлохматившиеся рыжие кудри Саньки, проговорил жандарм. — А умыться жена вам даст... Мотя, — возвысил он голос, — в рукомойнике есть вода?

— Есть, я сейчас налила, — раздался из комнаты ответ хозяйки.

— Пожалуйте, умывайтесь! — с тою же добродушной насмешливостью проговорил жандарм и рукой указал на глиняный горшок с носком посередине. Горшок этот, веревками прикрепленный к потолочной балке, висел в углу сеней над большим глиняным же тазом, поставленным на табурете.

Приятель умылись и вошли в комнату. Хозяин усадил их за стол, сам налил им по стакану чаю и завел с ними беседу, или, вернее, приступил к допросу. На этот раз и у Саньки, как говорится, поджилки затряслись. Он боялся, как бы жандарм не вздумал попросить у него паспорт. Почти все время любезный хозяин обращался с вопросами к Рыжику, но в то же время глаз не спускал с Левушки. Санька заметил, что его приятель не знает, куда деваться от этих жандармских взглядов и что он готов сквозь землю провалиться.

— Стало быть, вы в Либаву отправляетесь? — переспросил хозяин и, звеня шпорами, поднялся с места. — Хорошо делаете, — продолжал он, направляясь в спальню, — Либава — город хороший... Там и торговлей заняться можно.

Последние слова он уже выкрикивал из другой комнаты. Рыжик с Левушкой быстро переглянулись. «Бежим, что ли?» — казалось, говорили их глаза. Но было уже поздно. Не успели они и подумать о бегстве, как из двери спальни вышел жандарм, одетый и вооруженный.

— Ну, вот что, голубчик, — обратился он к Рыжику, — ты можешь продолжать свой путь, а ты, — перевел он глаза на Левушку, — поедешь со мною в Юрбург.

— Зачем? — спросил Стрела, и лицо его побледнело.

— А затем, что я тебя уже два года ищу. Ведь ты сын Андреевой, что вышла замуж за Горанского, графского управляющего?

Левушка низко опустил голову и молчал.

— Ежели ты не веришь, что ты есть ты, то я могу карточку показать. Вот она где...

Говоря это, жандарм расстегнул свой китель и из бокового кармана вытащил фотографическую карточку. Санька мельком взглянул на снимок и сразу узнал Левушку, хотя тот был снят в ученической форме.

— За тебя, брат, награда обещана. Как раз вчера маменька ваша, — жандарм почему-то вдруг стал Левушке говорить «вы», — мимо проезжала из имения в Юрбург и сказала, что проживет в городе денька три. То-то обрадуется она! И сестрички, и братишки, и все ребятишки обрадуются...

У Левушки дрогнули углы рта, но сказать он ничего не сказал...

Через час Рыжик один шагал по широкому шоссе, направляясь в Поланген. Скверно было на душе у Саньки. Он теперь чувствовал себя одиноким, заброшенным и никому, никому не нужным.

Х

Земляк

Наступил августовский вечер. В воздухе чувствовалась прохлада. С моря дул тихий, влажный ветер. На берегу вдоль высоких откосов черной стеной вырисовывался сосновый лес. Там, в лесу и около леса, было тихо, покойно и безлюдно. День угас, а вместе с ним умолкли голоса жизни. Только одно море не знало покоя. Оно кипело, билось и швыряло в пространство свои гулкие вопли, звонким хором волн встречая наступающую ночь.

Эту ночь Рыжик встречал на берегу моря. Тяжелые дни переживал бедный Санька. С того самого дня, как он расстался с Левушкой, судьба точно задалась целью преследовать его. В продолжение нескольких недель он так много претерпел всякого горя и невзгод, что даже похудел и выглядел каким-то смиренным, пришибленным. Начались неудачи Рыжика с того, что с ним сейчас же после ареста Левушки познакомился какой-то оборванец и навязался ему в попутчики. Новый попутчик обманным образом отнял у него последний двугривенный и скрылся. Вслед за этим с Санькой случилось другое несчастье. Голодный до крайней степени, он свернул на какую-то богатую мызу с целью выпросить кусок хлеба. Но не успел он дойти до каменных ворот усадьбы, как вдруг на него набросились две громадные злые собаки. Псы зубами вцепились в его серые парусиновые штанишки, его самого повалили на землю и в один миг раздели горемыку донага. На отчаянные крики Рыжика к месту происшествия подбежали ребятишки и уняли животных. Саньке же дали иголку с ниткой и совет: по экономиям не шлаться и господских собак не злить. Затаив горькую обиду, Рыжик отправился дальше. Пока он добрался до моря, ему несколько раз угрожала голодная смерть. Его везде встречали неприязненно. Никто его не понимал. Две недели он не слышал ни одного русского слова. На пути ему попадались деревни, населенные литовцами, мазурами, жмудяками и немцами. Эти люди говорили на непонятных ему наречиях и большей частью относились к нему подозрительно.

Впервые Рыжика стала мучить тоска по родине. Единственное его желание было скорее услышать звуки родной речи и выбраться из чужой страны, где никто его понять не хочет. Даже море с его необъятной ширью мало обрадовало Саньку. Оно показалось ему желто-серым, грязным и мелким. Но зато его восторгу не было границ, когда однажды он под вечер увидал солдата.

— Дяденька! — радостно вскрикнул Рыжик и чуть было не упал ему в ноги. — Дяденька!.. Землячок!.. Миленький, родненький!.. — взволнованным голосом бормотал Санька.

Солдат живо понял Рыжика и как мог обласкал его.

Спустя немного Санька сидел в казарме военного кордона и пил чай, закусывая хлебом.

Солдаты пограничной стражи, жившие в кордоне, очень заинтересовались Рыжиком и обступили его со всех сторон. Для них он также явился вестником далекой родины. Узнав, что Рыжик из Волынской губернии и что он недавно кружил по Украине, солдаты положительно закидали Саньку вопросами:

— И в Полтаве ты был?

— А как урожай?

— Дождей мало, говоришь ты, было?

— Что? В мае уже косили?

Подобные вопросы, как град, сыпались на Саньку, и он никого не оставлял без ответа. Он понял, что им интересуются, что он в эту минуту очень дорог этим людям и что ему надо как можно больше наговорить им приятного. И Рыжик стал врать.

Солдаты жадно ловили каждое его слово. А когда Санька заговорил о Кременчугском уезде, откуда было большинство солдат, в кордоне наступила мертвая тишина. Рыжик видел перед собою много улыбающихся усатых лиц и врал напрапалую.

— Хлеба выше человека стоят, а колос так и гнется, так и гнется! — врал Санька.

А солдаты радостно вздыхали и любовно заглядывали ему в рот.

— Добре, добре, хлопче!.. — изредка только слышался чей-то одобрительный шепот.

Добродушные украинцы от души были благодарны Рыжику за его добрые вести и постарались принять его как дорогого гостя. Узнав, что он идет в Либаву, они надавали ему массу советов, инструкций, как ходить и где останавливаться. На другой день солдаты накормили его обедом, подарили ему мешочек с провизией и отпустили.

Рыжик ушел с облегченной душой. Он знал, что теперь он не пропадет. Через каждые восемь-двенадцать верст он найдет кордон, где солдаты охотно его накормят и приютят. И действительно, две недели благополучно шествовал Санька вдоль берега Балтийского моря, благословляя сжалившуюся над ним судьбу и добрых солдат пограничной стражи. Рыжик, когда бывал сыт, не любил заглядывать в будущее, довольствуясь настоящим. Но зато он быстро падал духом при первой неудаче.

Вот и сегодня он был сам не свой из-за того, что в одном кордоне его не приняли и ему пришлось сделать лишних десять верст. Случилось так, что перед самым вечером Рыжик подошел к предпоследнему от Либавы кордону, с тем чтобы там переночевать.

Но, как на грех, в казарме никого не было. Весь состав кордона отправился по делам службы: кто на смену, кто на разведки. Встретил Рыжика дневальный, единственное живое существо во всем кордоне. На просьбу Саньки пустить его переночевать дневальный ответил отказом, так как без разрешения взводного унтер-офицера или вахмистра он никого впускать в казарму не имел права. Тогда Санька стал у дневального расспрашивать о следующем кордоне.

— Следующий, брат, кордон в десяти верстах отсюда, — отвечал солдат и добавил: — Шагай скорей, а то ночью не пустят и там... Ходи по берегу, да на лес поглядывай: огонек как увидишь, так и подымись к лесу — там кордон и найдешь... В самом лесу он.

Рыжик отправился. Но не сделал он и пяти верст, как его застигла ночь. Санька стал трусить. Неумолчное шипенье волн у самых ног, пустынный берег и надвигающаяся тьма пугали и болезненно настраивали его воображение. Ему мерещились всякие ужасы. Напрасно старался он припоминать все, что ему говаривал Полфунта об отсутствии чертей и всякой темной силы: страх усиливался с каждой минутой. То ему казалось, что из моря встает и движется на него какая-то живая серая громада с чудовищной мохнатой головой; то ему чудилось, что его кто-то догоняет; а то ему мерещилось, что волны хватают его за ноги и тащат в море.

И Рыжик в ужасе отшатывался в сторону.

Санька стал отчаиваться. Ему казалось, что этому пути и этой надвигающейся мгле конца не будет, как вдруг на ближайшем береговом выступе он увидел огонек. У Рыжика сердце трепетно забило от радостного волнения. Со всех ног бросился он на огонек, забыв всякий страх. Через четверть часа он уже был наверху берегового откоса, где среди столпившихся сосен и елей выглядывал кордон, освещенный пятью окнами. Санька издали успел заметить, что в кордоне еще не спали, и смело направился туда. В сенях он наткнулся на дневального.

— Куда? — услышал он короткий, но строгий оклик.

— Мне взводного, а не то разводящего нужно повидать, — без запинки проговорил Рыжик, успевший во время своего двухнедельного шатанья вдоль границы хорошо ознакомиться с нравами и законами военно-кордонной жизни.

Дневальный, услышав бойкий, самоуверенный ответ, пропустил его без всяких разговоров.

Санька вошел в обширную комнату, освещенную двумя висящими лампами с большими плоскими колпаками. Комната, или, вернее говоря, казарма, была разделена на две части деревянной аркой. Первая, судя по большому столу и длинным скамьям, служила столовой, а вторая, большая половина была заставлена койками. При появлении Рыжика некоторые солдаты уже готовились ко сну, а другие были заняты разными делами: кто чистил винтовку, кто шил, кто зубрил «словесность», а кто просто прохаживался. За столом, недалеко от дверей, сидел в расстегнутом мундире молодой унтер-офицер. К его смуглому лицу, к его черным, лихо закрученным усам особенно как-то шел вышитый золотым галуном стоячий ворот мундира. Напротив унтера, наклонившись над белым листом бумаги, сидел широколицый и широкоплечий солдат в ситцевой рубаше и старательно что-то выводил пером.

— Ну что ты написал? Прочти, дуралей! — горячился унтер, заглянув в бумагу.

Солдат поднял голову и виновато усмехнулся.

— «Левольвер» написал я, — пробормотал он, не переставая ухмыляться.

— Эх ты, левольвер!.. — укоризненно покачал головой унтер.

Но тут он увидел Саньку и оставил солдата.

— Тебе чего надо? — спросил старшой у вошедшего.

— Я прохожий, в Либаву иду... Нельзя ли у вас переночевать Христа ради... — добавил Рыжик, вспомнив, как в подобных случаях просил Левушка.

— Подойди-ка сюда, поближе к свету!

Рыжик подошел.

— Откуда идешь? — зорко всматриваясь в лицо пришельца, спросил унтер.

— Из Житомира иду... Всю Украину обошел, — счел нужным добавить Санька, зная, что этим он скорее всего заинтересует солдат-украинцев.

— Послушай, милый... — странно как-то проговорил унтер-офицер, поднялся с места и вплотную подошел к Рыжику. — Из Житомира, говоришь, идешь ты?.. А не голодаевский ли ты?

— Голодаевский! — воскликнул обрадованный Санька. — А вы почему знаете?

— Так это ты Рыжик, что у столяра Тараса жил?.. — в свою очередь, воскликнул унтер, не слушая Саньку.

— И я знаю, кто вы!.. Вы брат Васьки Дули...

— Узнал-таки, шельмец! Верно, угадал!.. Ну, здравствуй!..

Унтер-офицер протянул Рыжику руку. Вокруг них сейчас же столпились солдаты и с любопытством тарасили глаза то на Рыжика, то на унтера.

— Ну, садись за стол да рассказывай! — радушно пригласил унтер Саньку.

А тот от радости до того растерялся, что некоторое время не мог слова вымолвить. Он не ожидал такой удачи, такого счастья. Шутка ли сказать: в такой глуши, где русского человека днем с огнем не найти, — и вдруг земляк сыскался, и не какой-нибудь, а унтер-офицер!

Иван Андреевич Дуля (так звали земляка Саньки) обрадовался не менее Рыжика. Гостя он усадил за стол и приказал приготовить чай. Санька блаженствовал. С его курного лица не сходила широкая, радостная улыбка. Быстро освоившись, он стал рассказывать о своих странствованиях, иногда скрашивая быль небылицей. Иван Андреевич и все остальные солдаты обступили рассказчика и слушали его с большим вниманием, как дети слушают волшебную сказку.

— Ого, вот так молодец Полфунта!.. Ишь ты!.. Да неужто?.. — то и дело раздавались восклицания во время рассказа.

Долго рассказывал Санька. Две смены часовых прошли за это время, а он еще и до половины не дошел.

Наконец Дуля сам остановил его, видя, что «гость» устал, и велел дежурному приготовить для него запасную койку.

Давно Рыжик так хорошо и с таким комфортом не спал, как в ту ночь.

XI

У солдат

На другой день Иван Андреевич занялся Рыжиком с таким рвением, точно он ему был родной брат.

— Эге, землячок, да ты гол как сокол, — сказал унтер-офицер, когда Санька сел за утренний чай.

— Это собаки на мне разорвали, — конфузливо пробормотал Рыжик.

— Да на тебе и рвать-то нечего: рубашка, штанишки, картуз лег на лоб — вот и весь твой, братец, шикарный гардероб! — продекламировал Дуля и громко рассмеялся.

Рыжик тоже смеялся, хотя ему немного было и стыдно.

— Ну ладно, — заговорил серьезно унтер-офицер, — ты у меня поживешь денька два, а мы

за это время тебя справим. Только прежде всего надо пожар снять с твоей головы.

— Какой пожар? — притворяясь наивным, спросил Санька, хотя он отлично понимал, о чем речь идет.

— Да кудри твои снять надо: они, как пожар, красные да горячие... Эй, Левченко! — возвысил унтер голос.

— Здесь! — слышался ответ из другой половины казармы.

— Тащи ножницы и ступай с земляком на берег. Остриги по-военному! — добавил Иван Андреевич и вышел из казармы.

К обеду Рыжик преобразился до неузнаваемости. Сам Полфунта вряд ли узнал бы его.

Остриженный под гребенку, он был одет по-военному. Солдаты живо состряпали ему «походный» костюм. На Саньке были надеты крепкие высокие сапоги, солдатские штаны из синего сукна и белая рубашка, опоясанная узеньким ремешком. Сам он, довольный и счастливый, был похож на мальчика-музыканта из военного оркестра.

— Ай да Рыжик, молодец! — приветствовал его Дуля. — Ну, садись, земляк, обедать, а после доскажешь нам свою историю.

Санька не любил, чтобы его долго просили, а потому немедленно сел за стол и первый взялся за ложку.

Три дня Рыжик прожил в кордоне. Время для него пролетело совсем незаметно: он успел сродниться с солдатами, успел понять всю их сложную и разнообразную службу, успел ознакомиться со всей окрестностью и побывать в гостях у латышей. Утром и вечером он ходил с солдатами купаться, причем он удивлял всех фокусами, какие он умел выкидывать в воде. Так как земляк его, за отсутствием вахмистра, исполнял должность начальника кордона, то солдаты, конечно, ни в чем не препятствовали Саньке и охотно исполняли все его желания. Из посторонних лиц он один имел право ходить по патрульной тропинке и сопровождать разводящего, когда тот отправлялся сменять часовых. По утрам, когда на обширном дворе кордона Дуля производил обычные ученья с солдатами, Санька становился в шеренгу и проделывал все упражнения. Он два раза ездил верхом в ближайшую деревню вместе с земляками на казенных лошадях. Он катался по морю на кордонном парусном баркасе. Все эти удовольствия, испытанные Санькой в последнем от Либавы кордоне, надолго остались у него в памяти. Но больше всего он запомнил облаву на контрабандистов, в которой он принимал горячее участие.

Случилось так, что на другой день после того, как Рыжик пришел в кордон, Дуля получил от лазутчика донесение, что ночью недалеко от границы проедет шайка контрабандистов с немецким товаром.

— Ребята, готовьтесь, — обратился к солдатам Дуля, прочитав донесение, — бегунцы ночью границу красть будут... Будьте молодцами!

— Рады стараться! — ответили отдельные голоса.

— Что такое ночью будет? — сейчас же пристал к земляку с расспросами Рыжик.

— Ничего не будет.

— Нет, скажите!

— Контрабандистов ловить будем, вот и всё.

— А как ловить вы их будете?

— Как зайцев ловят.

— Мне нельзя?

— Чего?

— С вами, ловить контрабандистов?

— Нет, нельзя, — категорически ответил Иван Андреевич.

Ответ этот, однако, не очень смутил Саньку, и он пристал к земляку с просьбой взять и его на облаву. Кончилось тем, что Дуля разрешил ему идти с ними.

Было десять часов вечера, когда солдаты стали готовиться к «походу», как они шутя называли предстоящий набег на контрабандистов. Иван Андреевич в последний раз стал объяснять солдатам, как им следует действовать.

— По горячим следам дальше границы не гнаться. Стрелять по ногам, на берегу не шуметь и не курить.

Дуля говорил все это ровным, спокойным голосом, точно повторял хорошо выученный урок. Но солдаты слушали его с большим вниманием, а ефрейтор Дормастук, стройный, костлявый и ловкий солдат, он же и разводящий, после каждой фразы унтер-офицера повторял краткое «слушаю».

Перед самым отходом солдаты сделались серьезными и молча стали вооружаться.

«Начинается», — промелькнуло в голове у Рыжика, когда солдаты стали готовиться к походу.

Спустя немного весь взвод стоял на кордонном дворе, готовый тронуться в путь. Ночь была тихая, безветренная.

— Правое плечо вперед, шагом марш! — тихо скомандовал начальник взвода.

Солдаты молча вышли со двора и по патрульной тропинке осторожно стали спускаться к морю. У Рыжика сердце замерло. Ему было приятно и страшно в одно и то же время. Он держался поближе к земляку и старался от него не отходить. Временами он самому себе казался героем и воображал, что совершает великий подвиг. «Вот бы когда Левушку сюда! — думал Санька. — Узнал бы он, что значит быть на всамделишной войне...»

На берегу Дуля разделил солдат на три отряда. Один из них он отправил в лес. Во главе этого отряда находился Дормастук. На обязанности отряда лежало выследить «врага» и гнать его к берегу, где его уже встретит сам Дуля со своими молодцами. Что же касается третьего отряда, состоявшего из пяти человек, то на него была возложена самая трудная задача. Солдаты этой группы должны были сесть на баркас и, не распуская парусов, на веслах идти навстречу контрабандистам. По словам лазутчика, «бегунцы» должны были высадиться на берегу в двух верстах от кордона, как раз в том месте, где часовых постов не было. В случае если бы контрабандистам удалось избежать столкновения с баркасом, то первый отряд настиг бы их в лесу.

Не следует забывать, что все это происходило ночью, в тиши, когда лес и море были окутаны таинственной мглой. Вот почему у Рыжика мгновениями лихорадочная дрожь пробежала по всему телу, и он судорожно сжимал в руке тяжелую суковатую палку — единственное оружие, какое разрешил ему взять с собою Дуля.

Прошел добрый час. Иван Андреевич с шестью солдатами сидел под откосом в трех шагах от моря. Все молчали, держа наготове винтовки. Над головами солдат склонились темные вершины сосен. Казалось, эти великаны заснули и склонили головы. Баркас с пятью солдатами давно отчалил от берега, и его уже не видно было. Море было не совсем спокойно, и волны с неумолчным шумом подкатывались к ногам сидевших под откосом солдат. Время тянулось томительно долго.

Рыжик, не видя никакой опасности, совершенно успокоился и даже немного заскучал, как вдруг на море, на порядочном расстоянии от берега, вспыхнул, точно фейерверк, красный огонек, а вслед за тем над водою прокатился сухой, трескучий выстрел.

Все сидевшие под откосом, как один человек, вскочили на ноги.

— Ну, Санька, беги в кордон, — сказал Рыжику Иван Андреевич, — теперь тебе здесь делать нечего. Еще могут подстрелить тебя, как куропатку.

Санька при последних словах земляка невольно отпрянул в сторону, но уйти не ушел: желание узнать, что будет дальше, удерживало его. А взводный принялся за дело, забыв о Рыжике. На море между тем разыгралось что-то нешуточное. После первого выстрела последовал второй, третий, четвертый... На мгновение ружейные огни озарили небольшое пространство, и солдаты на берегу увидели свой баркас, а впереди три лодки, гуськом мчавшиеся к берегу.

— Приготовьте фонари! — скомандовал Дуля.

Солдаты немедленно исполнили приказание и цепью растянулись вдоль откоса. Стрельба прекратилась. Не было никакого сомнения, что к берегу подплывали лодки, которые гнал военный баркас. Еще немного — и Рыжику показалось, что волны выбросили на берег две или три лодки с людьми. Несколько человеческих фигур темными силуэтами промелькнули вдаль и сейчас же исчезли. В ту же минуту солдаты навели свои фонари, повернув их стеклами к морю. Благодаря сильным рефлекторам свет от фонарей яркими полосами упал на берег и озарил место происшествия.

Одна полоса света упала туда, где вокруг лодок копошились какие-то бородатые люди в коротеньких тужурках. Но контрабандисты, поняв, что они попались, бросились врассыпную.

— Стой! — крикнул Дуля, увидав незнакомых людей. — Пли! — отчетливо скомандовал он.

В тот же момент раздалось шесть выстрелов. Когда треск ружей прекратился, вблизи, у самого откоса, раздалась чьи-то тихие стоны.

Солдаты подняли фонари и бросились к лесу, преследуя контрабандистов, которые уже успели скрыться из виду.

— Назад! — крикнул Иван Андреевич, и солдаты остановились. — Стойте здесь: Дормастук их сюда пригонит...

В это время стоны повторились почти совсем рядом со взводным.

— Эй, кто там, посвети! — крикнул Дуля.

Один из солдат подбежал с фонарем в руке.

— Да, никак, баба стонет, Иван Андреевич! — сказал солдат.

Дуля нагнулся и убедился, что солдат прав: на влажном песке, под лесным откосом, лежала женщина и жалобно стонала, произнося непонятные слова.

— Это ихняя, — проговорил Иван Андреевич, под словом «ихняя» подразумевая контрабандистов. — Ее в кордон нужно отправить. Она, должно быть, ранена... А, Санька! Ты не ушел? — вдруг воскликнул Дуля, увидав Рыжика. — Отлично... Сейчас я тебя конвойным сделаю. Ты кордон найдешь?

— Найду, — отвечал польщенный Рыжик.

— В таком разе отведи эту женщину и передай ее дневальному. Понял?

— Так точно! — по-солдатски ответил Санька, войдя в роль заправского вояки.

— Ну так ступай скорей!

Солдаты подняли женщину и передали ее Саньке.

— Идем! — коротко сказал он, положив палку на плечо.

Женщина, продолжая стонать, с трудом тронулась с места.

Когда Рыжик вместе с «пленницей» поднялся на вершину берегового обрыва, в лесу раздались свистки, выстрелы и человеческие голоса.

Женщина остановилась, молитвенно подняла к небу руки и что-то проговорила на непонятном для Саньки языке.

— Идем, идем! — проговорил Рыжик и дернул «пленницу» за рукав.

Та покорно последовала за ним. Не успел Санька дойти до кордона, как его догнали солдаты, быстро возвращавшиеся домой. Они возвращались победителями.

Восемь обезоруженных контрабандистов, окруженные всем взводом, безмолвно шагали к кордону.

Команда Дормастука в данном деле сыграла самую видную роль. Когда контрабандисты врезались в лес, их почти лицом к лицу встретил Дормастук со своими молодцами. Вот об этом-то именно всю дорогу и разговаривали солдаты, причем Дормастук особенно громко и подробно распространялся о своих действиях и о молодечестве его подчиненных.

— Ладно, будет звонить-то! — перебил его красноречие Дуля, который знал, о чем старается ефрейтор. — Буду завтра в Либаве, доложу о тебе ротмистру...

— Покорно благодарю, Иван Андреевич!.. Очень рад стараться! — весело проговорил Дормастук.

Контрабандистов ввели в казарму. Их, вместе с женщиной, было девять человек. Народ этот был коренастый, плотный, лица у них были загорелые, руки мускулистые, жилистые, и пахло от них морем.

— Ну, кто из вас по-русски понимает? — строго крикнул Иван Андреевич, обращаясь ко всем контрабандистам.

На первый раз ответа не последовало, а когда Дуля топнул ногой и более строгим голосом повторил свой вопрос, тогда один из пойманных кашлянул и проговорил:

— Я немножко поймать по-русски...

Дуля внимательно вглядывался в лицо говорившего.

Это был коренастый мужчина средних лет, с грубым, обветренным лицом бронзового оттенка и стальными, серыми глазами.

— Ты латыш? Твоя фамилия Бриглибен? Ты из Ирбена? — вдруг спросил его Дуля.

Эти вопросы, точно удары плетью, падали на контрабандиста, и он все ниже и ниже опускал голову...

— Ага, братец, узнал я тебя! — снова заговорил Иван Андреевич. — Ну, теперь нечего дурака валять... Расскажи-ка все по совести, что, где и как дело было. Рассказывай.

— Ваше благородие, не губите! — вдруг на чистом русском языке заговорил латыш. — Как перед богом, всю правду скажу... Эти немцы у меня лодки наняли... Я и не знал, для какой цели. Их судно в семи верстах стоит.

— Ладно, знаю я эти басни, — не дал ему договорить Дуля. — Ты и в прошлом году то же самое рассказывал... Завтра в таможне все разберут. Теперь скажи-ка мне, кто эта женщина и почему она стонет? Она ранена, что ли?

— Нет. Это она со страху... А вот этот — муж ее.

Латыш указал на одного из контрабандистов.

— Так она по бабьей, стало быть, привычке ноет? Ну, так тем лучше... Дормастук, отправь их всех в арестантскую и поставь часового! — обернулся унтер-офицер к ефрейтору.

— Слушаю!

Через час солдаты, за исключением часовых, сидели за столом и пили чай. Несмотря на поздний час, никому спать не хотелось. Все были очень возбуждены и оживлены. Разговаривали главным образом о только что совершенной поимке контрабандистов, вспоминали все подробности этого дела, незаметно восхваляя друг друга, и заранее делили барыши.[5]

— А сколько должен мой земляк получить? Ведь и он, братцы, был с нами и даже бабу в плен взял, — шутя проговорил Иван Андреевич.

У Рыжика при первых словах Дули глаза загорелись от радости.

— И он порох нюхал, — заметил Дормастук, — стало быть, и ему долю надо выдать...

— В таком разе я ему такую награду дам: завтра возьму его с собой в Либаву, а там знакомого латыша попрошу свезти его в Петербург, ежели судно будет отходить, а то пешком он на старости лет к Петербургу подойдет. И еще ему из общей кружки два рубля выдам. Согласны?

— Зачем два?... Уж давайте все три, — слышались голоса.

— Ладно... Ну, а ты, Санька, согласен? — добродушно улыбаясь, обратился земляк к Рыжику.

Тот от радости слова не мог вымолвить и ответил благодарным смеющимся взглядом да утвердительными кивками головы.

Кто не бывал в Петербурге, тому трудно вообразить себе, что такое представляет собою петербургская осень. Дожди, ветры, туманы и влажные, пронизывающие холода — вот чем дарит людей эта долгая, тоскливая осень. Петербуржцы иногда в продолжение нескольких недель солнца не видят и живут в каком-то беспросветном мраке. В эту пору года даже люди, живущие в тепле и довольстве, редко избегают простуды, а уж о бедняках, о бесприютных оборванцах и говорить нечего. В богатой, роскошной столице таких обездоленных видимо-невидимо. На каждом шагу попадаются они с протянутой рукой. Но не во все руки попадает милостыня: кому некогда останавливаться перед нищим, кому не хочется шубу расстегнуть, чтобы достать кошелек, а кому просто жаль с копейкой расстаться. А бедняк, не получивший помощи, очень часто проводит ночь под открытым небом. Человеку обеспеченному даже понять трудно, что значит в такую ночь остаться без крова.

Другое дело летом, когда в воздухе разлита мягкая теплота, когда ветерок гладит, ласкает, не студит, — тогда поспать под синим звездным небом и приятно и полезно. Рыжик, например, часто упрашивал Полфунта и других попутчиков не заходить в такие ночи в деревню, а поспать в лесу или около леса. Но тот же Рыжик почувствовал себя самым несчастным человеком, когда в одну из холодных октябрьских ночей очутился в Петербурге без копейки денег и без ночлега.

Саньке много приходилось страдать во время своих долгих странствований, но таких мучений он еще не испытывал.

Рыжик, точно волк, рыскал по многолюдным, шумным улицам столицы. Он уже второй день крошки не имел во рту. В Петербурге, этом огромном, богатом городе, где проедают и пропивают миллионы, Санька не мог найти куска черного хлеба.

Попал он сюда благодаря своему земляку. Тот нашел знакомого латыша и упросил взять Рыжика. Латыш согласился, и Санька через два дня был в Риге. Дальше, за неимением фрахта, судно не шло. Рыжик около двух недель проболтался в Риге, пока до последней копейки не прожил три рубля, полученные им от Ивана Андреевича.

В последний день, когда Санька уже стал отчаиваться, он встретил знакомого латыша, который привез его на своем судне из Либавы.

— Ты еще здесь? — спросил его латыш.

— Здесь.

— А в Петербург хочешь?

— Хочу! — воскликнул Санька, и в глазах у него засветилась надежда.

— А хочешь, так я тебя устрою. Тут есть мой родственник, он капитан парусного судна. Завтра он уходит в Петербург с алебастром. Ему нужен мальчик. Пойдем на пристань, я ему покажу тебя.

Рыжик с радостью последовал за ним.

На другой день рано утром Санька отплыл из Риги на грузовом двухмачтовом судне в качестве помощника кока.

В Петербурге судно причалило к берегу и стало выгружаться. Капитан приказал и Саньке принять участие в выгрузке алебаstra, обещав за это ему заплатить. Около трех недель

Рыжик работал изо всей силы, надеясь получить за свой труд.

Вытаскивать из глубокого трюма на берег тяжелые глыбы алебаstra — труд нелегкий и неблагодарный. В несколько дней Санька изорвал всю одежду и выбился из сил. А когда выгрузка закончилась, капитан, с неизменной трубкой в зубах, попросил Рыжика убраться вон.

— А деньги? — вырвалось восклицание у Рыжика.

— Какие деньги? — как ни в чем не бывало спросил, в свою очередь, капитан.

— Да за работу. Я весь оборвался, выгружая алебастр...

— Так вот ты какой молодец! — закричал капитан и сделался багровым от злости. — А ты мне заплатил за проезд да за корм?.. А паспорт твой где? Сейчас полицию позову...

При последних его словах Санька надел шапку, смахнул кулаком непрошенную слезу и прыгнул на берег.

К вечеру он уже бродил по главным улицам Петербурга и с видом праздного иностранца осматривал дома, витрины больших магазинов, памятники и разные другие украшения. Несмотря на то что погода была отвратительная, Санька вначале чувствовал себя довольно сносно. Он все еще надеялся встретить Полфунта, и, кроме того, ему очень понравился Петербург. Такого большого, красивого города он еще никогда не видал. У Аничкова моста он до тех пор глазел на знаменитые фигуры металлических коней, пока городской не попросил его убраться.

— Ты чего, как тумба, торчишь здесь? — услышал Санька повелительный, строгий голос.

Рыжик оглянулся, увидел огромного усатого городского и поспешно свернул в сторону.

С этого момента Санька как будто пришел в себя и сразу понял, в каком ужасном положении он находится. Петербург мгновенно потерял в его глазах всю прелесть. Он только теперь сообразил, что в таком многолюдном, огромном городе невозможно найти знакомого, когда не знаешь, где он живет.

Вечером Рыжик вспомнил, что весь день не ел, и он стал подолгу останавливаться у окон гастрономических магазинов и булочных. Глаза его жадно перебегали от одного яства к другому, и он беспрерывно глотал слюну. Сквозь зеркальные окна Санька хорошо видел, что делается в магазинах. Он с особенным интересом следил за тем, как приказчики длинными острыми ножами резали свежую, чуть ли не теплую колбасу, ветчину, балык, семгу... Рыжик ощущал вкус и запах этих соблазнительных кушаний и мучительно страдал. Ему почему-то все казалось, что кто-нибудь из покупателей непременно увидит его и подарит ему кусок колбасы или рыбы. Пуще всего Саньке хотелось колбасы. Он сам с собою бился об заклад, что съест десять фунтов чайной колбасы и пять пеклеванных хлебцев. Каждому, кто выходил из колбасной или булочной, он заглядывал в глаза, и лицо его при этом принимало умоляющее выражение. Но просительные взгляды голодного пропадали напрасно: никто на Рыжика не обращал внимания.

В полночь все магазины закрылись, и улицы опустели. Санькой овладела смертная тоска. Одиноким, заброшенным, бродил он по мокрым улицам, испытывая невыносимые муки голода и холода. Этот бесконечный каменный город пугал и давил его своей массивностью и бездушием. Рыжик понял, что здесь он никому не нужен и что никто его не заметит и не

пожалееет. Только холодная осенняя ночь протягивала ему свои мертвые объятия да ветер бросался навстречу и колот лицо снежными крупинками...

Позднее туманное утро, похожее на взгляд умирающего, только что забрезжило. Санька, измученный, усталый, бессознательно шагал по улице Пески. Как он попал в эту часть Петербурга, он и сам не знал. Всю ночь он бродил по городу, несколько раз засыпал то на одной, то на другой скамейке Лиговского бульвара, но каждый раз его кто-то будил и прогонял прочь. К утру Санька окончательно выбился из сил. Он с трудом передвигал ноги и совершенно пал духом.

— Умру, вот сейчас умру, — шептал Санька, и ему становилось жаль самого себя.

На 3-й Рождественской Рыжик увидал на тротуаре многочисленную партию оборванных людей, выстроенных попарно, как школьники. Санька собрал последние силы и перебежал на ту сторону, где стояли нищие.

Здесь он увидал небольшой деревянный домик, а над входом — вывеску, на которой черными буквами было написано: Народная столовая.

Голод сейчас же подсказал Рыжику, что здесь делается и чего ожидает народ. Недолго думая он подошел к дверям столовой и стал рядом с другими.

— Эй ты, рыжий, пошел назад! — услышал чей-то голос Санька.

— Встань подальше: здесь по очереди, — тихо проговорил над ухом Рыжика его сосед, высокий, худой оборванец с сизым носом, в рваной женской кофте.

Но Санька не трогался с места. Он быстро сообразил, что здесь кормят даром, и решил быть ближе к дверям.

— Эй ты, сизый нос, бабья кофта, чего смотришь? Дай ему в шею! — обратился кто-то уже к соседу Рыжика.

В толпе началось волнение. Упрямство Саньки, видимо, сильно возмутило нищих.

— Бей его! — вдруг крикнул кто-то.

И не успел Рыжик опомниться, как слетел с ног от удара, полученного в затылок.

— Ну и разбойники! — прошептал сосед Саньки и нагнулся к нему.

Тут Рыжик не выдержал. Все, что он перенес за последнее время, все муки, все обиды и невзгоды он излил в одном жалобном, протестующем вопле.

На крик Рыжика из ворот вышел дворник.

— Что тут за безобразие такое? — гаркнул дворник на всю улицу.

Санька, не переставая плакать, поднялся на ноги.

— Вот он же, рыжий, виноват, а сам плачет.

— Не в очередь становится и ревет еще, дьявол.

— Его «под шары» (в участок) за это надо.

Возгласы и воркотня сыпались со всех сторон.

— Я второй день не евши хожу... Умру сейчас... — глотая слезы, жаловался Рыжик дворнику.

— Разбойники, чисто разбойники! — возмущался высокий оборванец в бабьей кофте.

Дворник также пожалел Саньку и велел ему встать там, где он стоял, а нищим пригрозил метлой.

Через час, когда из столовой вышел последний платный посетитель, в дверях появился наконец один из служащих.

— Ну вы, кутилы, пожалуйста! — обратился он к оборванцам.

Толпа нищих, как один человек, ринулась к открытым дверям.

— Тише, тише! Сегодня всем хватит... — говорил служащий и в то же время сосчитывал входивших.

Когда прошел двадцать пятый человек, дверь сразу захлопнулась, и добрая половина голодных осталась на улице в ожидании следующей очереди.

Нищие сели за длинные столы, предварительно получив порцию хлеба. Потом им подали по миске горячего супа из перловых круп и картофеля. Народ был голодный и ел с жадностью. Быстро покраснели лица обедающих и засверкали глаза. В небольшой сравнительно комнате было тихо. Нищие ели молча и только усердно чавкали. Все они были одеты до невозможности плохо и производили даже на Рыжика грустное впечатление. Сам он набросился на пищу с такой жадностью, что человек с сизым носом, оказавшийся и тут его соседом, счел нужным дать ему совет.

— Ты, голубчик, не гони так, — тихо сказал он Саньке, — беда может приключиться... При большом голоде кушать надо вольготно... Один вот тоже в Москве трое суток не ел, а после, как попался ему кусок хлеба, он и набросился... Жевал, жевал и тут же помер...

Рыжик слушал соседа с туго набитым ртом и странно как-то поводил глазами. Обед приходил к концу.

— Голод — тяжелая штука, — монотонным голосом говорил сосед, наевшись, по-видимому, досыта. — Я раз в Нижнем голодал... Вспомнить страшно... Бывало, камушек поднимешь на улице и сосешь...

— А навоз не жрал ты? — вдруг громко, на всю столовую, обратился к говорившему седобородый старец, сидевший напротив.

Все невольно посмотрели на него и с любопытством ждали, что он скажет дальше.

— Да-с, ты только камушек сосал, а я, благородный человек и бывший домовладелец, изволил навозом питаться... Да-с! А все через водку проклятую.

— Эге, так у нас не полагается... — послышался голос одного из служащих.

Человек этот стоял возле Рыжика. На этот раз все взоры были обращены в ту сторону, где сидел Санька. Оказалось, что Рыжик, страшась за будущее, стащил со стола кусок хлеба и спрятал его в карман. Проделку эту заметил служащий и набросился на него.

— Здесь, брат, запасов не полагается делать, — продолжал служащий. — Наелся — и слава богу... Вон на улице сколько голодных...

Рыжик растерялся до того, что потерял всякое соображение. Машинально вытащил он из кармана украденный кусок хлеба и положил его на стол. Бедняга краснел до слез и не знал, куда глаза девать. Под градом злых насмешек и угроз он выскочил из столовой, точно из горячей бани. Ему было мучительно стыдно, и он готов был сквозь землю провалиться.

XIII

Герасим

— Ну и разбойники, чисто разбойники... — услышал Рыжик и оглянулся: рядом с ним вприпрыжку шел его сосед, обладатель сизого носа.

На этого человека смотреть было и жалко и смешно.

Лохмотья, висевшие на худом длинном теле, плохо согревали его, и он все время ежился и трясся, как в лихорадке. Он был обут в опорки, перевязанные бечевками. Женская кофта ключьями висела на его плечах.

Руки он прижал к груди, сам согнулся в дугу и, точно воробей, не ходил — подпрыгивал. После теплой столовой ему особенно показалось холодно на улице, и лицо его, худое, впалое, сделалось синим.

— И чего шуметь, — продолжал сосед, — из-за куска хлеба?.. Парень голода боится, ну он и хотел запастись... А они подняли вой... Экий народ бесшабашный!.. А тебе, голубчик, куда сейчас надо? — закончил он вопросом.

— Я не знаю... У меня теперь нет дороги, — печальным голосом ответил Санька и посмотрел на соседа доверчивым и просительным взглядом.

— Это, брат, плохо, когда нет дороги. Последнее, можно сказать, дело. А не хочешь ли со мной в ночлежку? Тут есть такая, где днем пускают... Уж, так и быть, поделюсь гривенником, — добавил сосед и крепко стиснул зубы, чтобы они не стучали.

Рыжик почувствовал великую благодарность к незнакомому человеку. Он с радостью согласился пойти с ним.

Через час оба они сидели на широкой наре частного ночлежного приюта и наслаждались теплом. Большая комната эта походила скорее на общую арестантскую камеру, нежели на ночлежный приют. Деревянные нары вдоль серых и влажных стен, низкий растресканный и закоптелый потолок, грязный неровный пол и единственное окно — все это, взятое вместе, должно было бы скверно подействовать на свежего человека, а Санька, наоборот, почувствовал себя счастливым, попав сюда.

— Хорошо под крышей сидеть! — восторженно повторял он. — Пусть себе ветер дует, а мне хоть бы что... Не правда ли?

— Да, это правда, — согласился сосед. — Без крова плохо остаться...

— Вот-вот, — перебил Санька. — Вчера, к примеру, я всю ночь по улицам шатался... Думал, пропаду...

— Неужто всю ночь?

— Всю!

— Да, горемыка и ты, я вижу...

— Здравствуй, Герасим! Что сегодня так рано пожаловал?

С таким приветствием обратился к соседу Рыжика вошедший мужик с окладистой русой бородой и бритым жирным затылком, хозяин ночлежки, как потом узнал Санька.

— Холодно, Прохор Степаныч, да вот еще товарища нашел, — виноватым голосом проговорил Герасим и указал на Рыжика.

— Что ж, и для него места хватит... Да вот с полицией мне беда: не позволяет днем пускать вашего брата, хоть ты что тут, — не позволяет, да и только.

Говоря это, хозяин подошел к наре и получил с Герасима гривенник. Потом он тяжело вздохнул, почесал затылок и ушел.

— Я в Питере, когда бываю, завсегда тут ночую. Хозяин здешний мне сродственником приходится, — сказал Герасим, обращаясь к Рыжику.

— Каким? — заинтересовался Санька.

— Он брат моей маменьки, а мне, стало быть, дядя. Этот дом его собственный.

— А с тебя за ночлег берет! — воскликнул Рыжик, и нотка возмущения прозвучала в его голосе.

— Эх, милый мой, молод еще ты и многого не знаешь, — тихо и вдумчиво проговорил Герасим. — Ты думаешь, он гривенник сейчас взял с меня? Нет, голубчик, он человек добрый, только в нем лукавый сидит и мучит его. Вот этот-то лукавый и толкает его к деньгам, и сердце жиром заволакивает, и доброту от него отнимает. А человек без доброты что? Хуже скотины, можно сказать. Вот мне и жаль дядю-то: этаким славный человек, а погибает через богатство...

— А почему ты ему не скажешь об этом?

— Кому?

— Да дяде! Он бы с тебя за ночлег не брал...

— Голос у меня, голубчик, слабый, — грустно усмехнулся Герасим, — не услышит он меня.

Рыжик ничего на это не возразил. Наступило молчание. Санька стал позевывать и потягиваться. Он всем существом своим ощущал теплоту и несказанно был доволен. Временами, как тучки на ясном небе, появлялись в его голове грустные мысли о завтрашнем дне, но он все эти думы гнал прочь и наслаждался настоящим.

— Уйду я скоро на родину, вытребую себе паспорт, отправлюсь по святым местам, — протяжным, тихим голосом, каким говорят дети, когда мечтают вслух, проговорил Герасим и стал снимать с себя кофту.

— А где твоя родина? — спросил Рыжик.

— Я из Нижнего. Мещанин я сам. Моей душе дорога нужна, долгая, широкая дорога нужна... Я, голубчик ты мой, человек печальный... Во мне сызмальства большая грусть живет... И толкает меня печаль моя и не дает мне долго на одном месте сидеть...

Герасим говорил все тем же мечтательным, тихим голосом, а Рыжик внимательно слушал его и думал: «Какой он добрый да безобидный...»

— В Питер уж я третий раз прихожу, — продолжал Герасим. — В первый раз дядя принял хорошо. Служить к себе поставил, четыре целковых в месяц положил. Прожил я до весны, да и в Москву ушел... Во второй раз явился я сюда. Уж дядя, гляжу, серчает... Пожил маленько и пошел во Псков, а со Пскова в Варшаву... И вот в третий раз сюда явился. А дядя уж совсем осерчал... «Зачем шляешься? Зачем землю-матушку понапрасну ногами топчешь?» — спрашивает меня. А я, известное дело, молчу. Ну, тут дяденька и сказал мне, что я для него как бы чужой и ежели буду приходить ночевать, то платить должен... Я и плачу. И вот такой я шатун завсегда был. И чем я виноват, ежели печальный я человек?..

— Вот и мне вчера печально было, — заговорил Рыжик, — страсть как печально было... Холодно мне, а ночь долгая-долгая... Даже всплакнул малость. Обида меня взяла.

— Да, голубчик, горя на земле много, а доброты мало. Ежели б люди были добрые, никакого бы и горя не было... А ты сам откуда будешь? — неожиданно кончил Герасим вопросом.

Санька ответил не сразу. Он откашлялся, пальцами причесал красные кудри, успевшие отрасти после военной стрижки, и промолвил, стараясь заглянуть в лицо своему собеседнику:

— Я издалека. Я за лето в городах двадцати побывал.

— А по какой надобности? — спросил Герасим.

— Да вот по какой... Счастье искали мы, понимаешь? И опять же Полфунта потерял я... Теперь вот уж я не знаю, куда идти...

Последние слова Рыжик произнес тихим, упавшим голосом.

— А родом-то ты из какого города? — участливо продолжал расспрашивать Герасим.

Санька вместо ответа стал подробно рассказывать историю своих скитаний.

Долго рассказывал Рыжик, а Герасим безмолвно слушал его и только временами тяжело вздыхал и сочувственно покачивал головой. В ночлежке между тем становилось темнее. Из чайной, находившейся рядом, стали приходить ночлежники. Среди пришедших Санька узнал несколько человек, бывших в столовой.

— А, хлебокрад! — воскликнул один из них и ловким, привычным движением вскочил на нару.

Рыжик понял, к кому относится это восклицание, но сделал вид, что ничего не слышит, и продолжал свой рассказ. Когда он кончил, ночлежка уж вся была набита оборванцами, и в комнате становилось душно, тесно и смрадно.

— Н-да!.. — протянул Герасим, выслушав до конца рассказ Саньки. — Человека, ежели он затеряется, трудно найти. Да и искать тебе этого самого Полфунта не для чего. Будешь ходить — он сам навстречу попадется, а искать — труд напрасный. И вот еще я что скажу тебе: уйду я скоро в Нижний, — вот потеплеет, и уйду. Дорогу я знаю, через Москву пойду, и ежели хочешь, пойдем вместе...

— Да я во как хочу! — воскликнул Санька и затрепетал от радости.

— Ну и хорошо! А до тепла как-нибудь проживем. Уж я двадцать лет так живу, а всего мне от роду тридцать пять. Вот и сосчитай: стало быть, пятнадцать мне было, когда землю-то

топтать пошел...

— А из Москвы есть дорога на Житомир? — перебил Герасима Рыжик.

У него в голове зародились новые мечты и планы.

— От Москвы и до Москвы все пути по пути. Она, голубушка, всем городам указ и приказ. Вот какая она, Москва-то! — восторженно проговорил Герасим и улыбнулся доброй, детской улыбкой.

Рыжик ответил ему такой же улыбкой и как-то мгновенно заснул, растянувшись на наре возле Герасима. Как раз в это время сторож ночлежки, хромой и жалкий мужичонка в ярко-красной рубахе навыпуск, принес небольшую зажженную лампочку и повесил ее над дверьми. Тусклый, слабый свет разлился по комнате. В ночлежку вошел хозяин и стал с ночлежников взимать пятаки. Послышался звон монет, говор, спор и просьбы.

— Прохор Степаныч, будь отцом родным... Вот те Христос, принесу завтра!

— Ступай вон, у меня не богадельня! — слышался сухой, отрывистый голос хозяина.

— Голубчик, благодетель, Прохор Степаныч!.. Ведь холод, холод-то какой... Пропади я пропадом, ежели не принесу завтра...

— Да что вы насели на меня! — закричал хозяин. — Какой я вам благодетель?.. Пятака нет, а прет сюда, что в общественный дом... Вон, говорю, а то полицию позову!

Герасим видел, как с нар сошел тот самый старик, который в столовой рассказывал о том, как он навозом питался, и тихо направился к дверям.

— Злодей! Изверг! — закричал он, остановившись на мгновение перед хозяином. — Ты человека, как пса, на улицу выгоняешь... Так будь же ты проклят!

Старик взмахнул руками и вышел. А Прохор Степаныч вытер рукою бороду, усмехнулся и продолжал обходить голытьбу.

XIV

Тяжелый путь

Поздно ночью Санька проснулся сам не свой. Перед ним происходило что-то непонятное. Ночлежники, заспанные, рваные, жалкие, как безумные метались во все стороны, соскакивали с нар, подбегали к дверям, как будто искали спасения. Ужас моментально овладел Рыжиком, и он совершенно растерялся. Широко раскрытыми глазами глядел он вокруг себя и ничего не понимал. За дверьми ночлежки слышался топот множества ног, грубые голоса и какое-то странное позвякивание.

«Пожар!» — промелькнула мысль в голове Саньки, и он в одно мгновение вскочил на ноги.

А кругом шептали голоса: «Облава идет!.. Облава!..»

Рыжик видел, как некоторые ночлежники соскакивали на пол и заползали под нары.

— Что такое? Пожар? Да? — тревожно спросил он у Герасима, готовый при первом утвердительном кивке опрометью броситься вон из ночлежки.

Герасим, худой и бледный, в рваной кофте, стоял на наре и головой, казалось, подпирал потолок.

— Нет, голубчик, не пожар, а облава, — тихо ответил Герасим.

Санька заметил, что его новый друг чем-то сильно напуган.

— А это что такое — облава? — спросил Рыжик.

— Полиция пришла... Паспорта спрашивать будет... У кого нет, того заберут.

Невозможно передать, что сделалось с Санькой при последних словах Герасима. Его охватил какой-то непонятный ужас, и он весь загорелся желанием скорее куда-нибудь скрыться, спрятаться и, как многие ночлежники, заметался и забился, точно рыба в сети.

— Сойдем вниз, под нары... — торопливым шепотом проговорил он, подскочив к Герасиму. — Ну, что же ты стоишь?.. Идем, говорю, спрячемся.

И он насильно стащил друга с нар.

В ночлежку сразу вошло несколько человек. Рыжик, затаив дыхание, лежал под нарой за горами человеческих тел. С большим трудом ему удалось пробраться к самой стене. Как он ни трусил, но любопытство заставляло его время от времени поднимать голову и выглядывать из своего темного угла. Рыжик видел одни только ноги, или, вернее говоря, сапоги вошедших людей. По этим сапогам он в уме строил разные догадки и предположения. Вот смело и уверенно прошли лакированные ботфорты со шпорами, в кожаных калошах. «Это ноги пристава», — догадывался Санька. А вот уж более тяжело следуют за ботфортами ярко вычищенные сапоги в глубоких резиновых калошах — это, по мнению Рыжика, ноги околоточного.

А вот показались и ноги городских, большие, сильные, обутые в солдатские сапоги.

Ноги пристава остановились у самой нары, а вслед за тем раздался сильный, властный голос:

— Ты, што ли, хозяин?

— Так точно, ваше благородие! — отвечал тихий, слабенький голосок.

— На сколько человек у тебя помещение?.. Што? На сорок? А напихал-то ты сколько!.. Што? Я покажу тебе, каналья, как сто человек вместо сорока пускать...

Правый ботфорт топнул об пол. Зазвенела шпора, и в ночлежке наступила тишина. Рыжик слышал, как учащенно и тревожно стучали сердца у спрятавшихся под нарой оборванцев.

— Эй, приготовьте паспорта! — крикнул другой, какой-то простуженный голос, и ноги околоточного заходили вдоль нар.

Вслед за тем раздались чьи-то мольбы, жалобы и грозные окрики.

— Ваше благородие, не губите!..

— Я сам уйду, ваше благородие, смилосердитесь!..

— Ладно, знаю я, как вы сами уходите: вас из одного конца выгонишь, а вы через другой являетесь...

— Ваше благородие, верблюды и то через игольное ушко проходит, сказано в писании...

— Ладно, молчи!.. Ученый какой... Ну-с, хозяин, — продолжал все тот же голос, — а сколько под нарами народу спрятано?.. Што?.. Ефремов, зажги-ка спичку да погляди, што под нарами делается.

Санька закрыл глаза и замер.

Облава продолжалась довольно долго. Из-под нар один за другим были вытащены все спрятавшиеся, за исключением одного только Рыжика. Ему на этот раз посчастливилось. Потому ли, что он лежал у самой стены, или у Ефремова спичек не хватило, но только Саньку никто не потревожил, и он остался лежать на своем месте. Ему не хотелось вылезать из-под нар даже тогда, когда все уже кончилось и полиции не стало. Он слышал, как уходило начальство и как оставшиеся ночлежники говорили о тридцати беспаспортных, забранных полицией. Вылез Санька лишь после того, как окончательно убедился, что опасность миновала. Ночлежники, постепенно успокоившись, заснули крепким сном. Их тела неподвижными серыми комьями вырисовывались на желтоватом фоне деревянных нар. Теперь уже не было такой тесноты, и, где недавно спали беспаспортные, образовались пустые пространства. Помимо Рыжика, в ночлежке был еще один человек, который не спал, — это Герасим. Санька сейчас же его увидал, как только вылез из-под нар. Герасим сидел на краю нары и упорно смотрел на запертую дверь, точно он ожидал кого-то.

— Ты что? — обратился к нему Рыжик и с удивлением остановился перед ним.

Санька был рад, что его друга не арестовали, и в то же время удивлялся, как это могло случиться.

— Разве тебя не забрали? Ведь у тебя паспорта нет?

— Есть паспорт, да просрочен он у меня, голубчик ты мой, — проговорил Герасим. — Вот начальство и приказало дяде отправить меня, а дяденька серчает...

Последние слова Герасим проговорил со слезами в голосе.

Санька с изумлением посмотрел на него: такой, дескать, большой, а плачет.

— Ну, и пусть его сердится, — заметил Рыжик, — все равно он не помогает тебе. Какой он дядя!..

Он помолчал немного, а потом спросил:

— А ты как отправишься?

— Да пешком, должно быть... На Москву пойду. Хотел вот до тепла пожить здесь, а надо завтра в путь-дорогу пуститься...

— Знаешь что, — вдруг перебил Рыжик Герасима, — пойду и я с тобой! Что мне тут делать?.. Возьмешь меня?

— Отчего же не взять? Возьму, пожалуй... Только холодно будет. Гляди, замерзнешь в пути...

— Нет, не замерзну!.. Я, брат...

Санька не договорил: дверь с шумом неожиданно открылась, и в ночлежку вошел сам хозяин, Прохор Степаныч. В руках он держал овчинный полушубок, издававший противный кислый запах.

— На держи и уходи, сделай милость! — обратился хозяин к Герасиму и швырнул ему

полушубок. — Уходи, слышь, говорю, и не приходи больше. Убью!.. На держи и деньги, — добавил он и высыпал в руку племянника какую-то мелочь. — И ты, рыжий дьявол, убирайся вон! — вдруг набросился хозяин на Саньку. — Чего тут глазами хлопаешь?.. А тебе, Герасим, говорю: не приходи больше. Несчастье мне приносишь.

— Дяденька, Прохор Степаныч, простите Христа-ради! — вдруг возопил Герасим и упал к ногам хозяина.

Тот взмахнул руками и в каком-то страхе шарахнулся в сторону от упавшего к его ногам племянника, а затем быстро вышел вон.

— Ага, испугался, ирод! — злорадно пустил ему вдогонку Рыжик и бросился собирать монеты, выпавшие из рук Герасима.

Последний медленно поднялся с пола и ладонями стал вытирать свое мокрое от слез лицо.

— Вот, все собрал... И всего-то, изверг, двадцать три копейки дал, — проговорил Рыжик, передавая собранные монеты Герасиму.

— Держи у себя, все едино вместе пойдем, — сквозь слезы сказал Герасим и слегка отстранил руку Саньки.

Рыжик в душе очень обрадовался, что его берут с собою, и вместе с тем пожалел друга, которого, по его мнению, зверски обидел дядя.

— Шубу, видишь, подарил, — заворчал Санька, — а спроси, сколько эта шуба стоит?

Санька осторожно развернул полушубок, оказавшийся весь в заплатках и дырах, и примерил его.

— Так и носи его, — сказал Герасим, видя, что Рыжик хочет сбросить полушубок.

— А ты как же? — спросил Санька, обращаясь к Герасиму.

— Мне не надо — у меня вот эта штука теплая, — указал Герасим на свою ватную кофту.

— Ну, спасибо, ежели так, — промолвил Рыжик и прошелся в полушубке несколько раз взад и вперед.

Было восемь часов утра, когда Герасим и Санька вышли из ночлежки и направились к Московской заставе. Погода была ужасная. В синеватых сумерках рассвета кружились гонимые холодным ветром мелкие сухие снежинки.

— Вот и зима пришла! — воскликнул Рыжик и плотнее закутался в полушубок.

Герасим ничего на это восклицание не возразил. Его тощая, длинная фигура съежилась, согнулась, впалые щеки посинели, а нос, толстый и длинный, сделался совсем сизым.

Через два часа они сидели в чайной около Московских ворот и запасались теплом. Санька шестой стакан допивал и буквально обливался потом.

— Ну, теперь до самой Москвы дойду — не замерзну, — говорил Рыжик, — вон с меня как пар валит.

Он отер рукавом вспотевшее лицо, тряхнул красными кудрями и задорно посмотрел на друга.

— Не говори, голубчик, так, — заметил ему Герасим, — до Москвы путь тяжелый лежит. Вон у

меня отчего лицо такое синее да нос, как у пьющего? Потому оно у меня такое, что заморозил я его, лицо-то... Было такое дело...

— А дядя твой двадцать три копейки дал... Экий жадный!.. Ведь он знал, что путь нам трудный лежит, — сказал вдруг Рыжик, и глаза его загорелись злобным огоньком.

Герасим ласково положил ему руку на плечо и заговорил кротким, тихим голосом:

— Ты, голубчик, моего дядю не ругай: он человек несчастный, он сам для себя казнь готовит... И жалко мне его, во как жалко!.. Ведь он деньги-то копит, а себя топит... А что дороже? Ведь деньги-то от людей, а человек от кого? Грязную монету всяк принимает, хоть пусть она в крови, в слезах сиротских будет, а человека без совести никто не принимает. Пойми ты это, голубь мой... И жалко мне дядю, ох, как жалко!.. Вот уже третий раз прихожу к нему, все хочу об этом ему напомнить, а он серчает... Я в ноги падаю, а он серчает... Ослеп, совсем ослеп человек и не видит правды...

Санька слушал внимательно, но ничего не понял. Он не мог сообразить, как этот бедный, бездомный бродяга может жалеть богача-грабителя да еще от жалости в ноги ему падать.

К вечеру того же дня в двух верстах от первой деревни их застигла буря. Это было нечто ужасное. Что-то серое, непроницаемое упало перед путниками, и они потеряли дорогу. Ветер, свистя и воя, гнал и кружил тучи снежной пыли. Эта пыль врезывалась в лицо и глаза одиноких путников, а ветер не переставал кричать над их головами. Рыжик почувствовал сильную боль в пальцах ног и рук, точно кто булавками колол его под ногти.

Оба, и он и Герасим, хранили молчание. Ветер яростно бил их по щекам и обматывал их снежной пылью, будто саваном.

Санька почувствовал усталость. С каждым шагом силы его падали. Боль в пальцах исчезла, но зато ноги как-то вдруг отяжелели, точно водой налились. И холод не так его мучил, как вначале. К завываньям ветра он прислушивался, будто к песне, и временами кому-то улыбался. Потом ему захотелось спать. Несколько раз он хотел было об этом сказать своему спутнику, но не мог: лицо обледенело, и он не мог рта открыть. А еще спустя немного Рыжику вдруг сделалось тепло, приятно; ему почудилось, что он медленно опускается куда-то глубоко-глубоко...

Вечером благодаря Герасиму Рыжик был спасен. Его в бессознательном состоянии доставили в деревню и с большим трудом привели в чувство.

Так закончился первый день нового и трудного пути.

XV

Конец пути

На первый день пасхи Герасим и Рыжик пришли в Москву. Восторг Саньки невозможно передать словами. При виде Москвы его охватила безумная радость. Да и сама Москва встретила пришельцев праздничным весельем. Не успели они войти в город, как какая-то полная купчиха сама подозвала их и подарила по яйцу и по двугривенному.

— Вот так Москва! Вот это, я понимаю, город! — во весь голос кричал Санька.

А Герасим молча ухмылялся.

Друзья три дня прожили в Москве, собрали на церковных папертях около пяти рублей и ушли в Нижний Новгород.

Им сопутствовало яркое, теплое солнце, а весна молодой зеленью, будто бархатом, устилала путь. Весело и легко было путникам. Они с улыбкой вспоминали о мучительной, но уже пройденной дороге до Москвы и упивались чудными весенними днями. Свободные, как птицы, они не шли, а точно прогуливались. Время летело незаметно, и оба они немало удивились, когда в один знойный летний день подошли к Нижнему Новгороду.

— Вот оно, времечко, как бежит, — проговорил Герасим, подымаясь с последнего «отдыха».
— Ведь больше трех месяцев ушло, как мы Москву оставили.

— Летом завсегда скоро время идет, — заметил Рыжик, — летом и полежишь, и покупаешься, и вздремнешь в лесочке, ну, и не видишь, как время бежит... Так это вон тот город и есть Нижний? — переменял он разговор.

— Он самый, голубчик. Город наш хороший и древний. На двух реках стоит.

— Как — на двух?

— На Оке да на Волге. Обе они, как сестрицы, подошли друг к другу и слились вместе.

— А какая из них больше: Ока или Волга?

Герасим при этом вопросе рассмеялся тихим мелким смехом.

— Экий ты какой! — проговорил он сквозь смех, и вся его фигура, медленно выступавшая вперед, закачалась, как маятник. — Да разве можно Волгу и вдруг с Окой сравнить? Ока — река, Волга — царь-река! Вот она какая, наша матушка Волга! Такой реки во всем мире не найти. По дороге она нам не такой казалась, а вот придем сейчас в Нижний, да поднимемся на Косу, да оттуда как глянем вниз, вот тогда и ты поймешь, какая такая есть на свете река Волга, про которую, как про мать родную, говорят.

— А какая это Коса? — спросил Рыжик.

— В кремле она, ужо увидишь.

Часа через два Санька стоял на знаменитой Косе и в безмолвном восхищении смотрел на необъятную равнину, убегавшую в бесконечную даль. Здесь было на что смотреть.

На широкой поверхности обеих рек, точно по стеклу, скользили тысячи судов. С высоты кремля огромные, как дома, пароходы казались маленькими, а лодки — игрушечными. Сама Волга широкой сверкающей полосой мчалась в степь, разрезав землю на две части.

— А куда она идет? — после долгого молчания спросил у Герасима Рыжик.

— Волга-то? Она, голубушка, далеко ушла, до самого моря...

— Вот так река! Даже глазам больно стало глядеть, — проговорил Санька, а затем спросил:
— А где же ярмарка?

— Ярмарка вон где, за мостом...

— Ты пойдешь туда?

— Пойду, голубчик, потому мне домой через ярмарку надо: мы за вокзалом живем.

— Ты сегодня домой пойдешь?

— Сегодня, голубчик, сегодня.

Санька взглянул и умолк. Ему вдруг сделалось невыразимо грустно. Сегодня он должен был расстаться с Герасимом, к которому уже успел привязаться всей душой.

«Вот он домой пришел, а я?..» — думал Рыжик про себя, и чувство зависти невольно овладело им. «У всех есть дом, — продолжал он думать, — есть дорога, а у меня ни родных, ни пути, ни дороги...»

Печаль росла в душе Саньки, и он всю дорогу до самой ярмарки слова не вымолвил.

— Вот и ярмарка! — сказал Герасим, когда они прошли мост.

— Какая это ярмарка!.. — недовольным тоном проговорил Санька. — В Москве на любой улице больше народу. Да и дома здесь как в городе, а не как на ярмарке...

Его настроение духа немного улучшилось только тогда, когда они стали подходить к балаганам. Еще издали Санька услышал какое-то гуденье и невольно ускорил шаги. А когда он увидел площадь, битком набитую людьми, увидел флаги на шестах балаганов и услышал барабанный бой и хриплые звуки шарманки, он схватил Герасима за руку и врезался в толпу, как камень в воду. Громадная, многочисленная толпа слилась в одну плотную живую массу и почти незаметно двигалась то назад, то вперед. Перед толпой выстроилось в ряд не менее десяти балаганов, театров, каруселей.

Перед каждым балаганом на высоких деревянных помостах стояли «артисты» и зазывали публику.

Среди «артистов» были и клоуны с выпачканными мелом и сажей лицами, и певцы, осипшие и мокрые от пота, и певицы в коротеньких юбках, и музыканты-гармонисты, и фокусники, и балалаечники в лаптях... И на всех этих «артистах» и на их костюмах, на самих балаганах лежала печать нищеты и убожества. Толпа, обожженная горячим июльским солнцем, с жадностью ловила каждый жест паяцев, каждое слово. Стоило какому-нибудь клоуну упасть или высунуть язык, как она немедленно отвечала ему одобрительным смехом. Сначала первые ряды засмеются, потом волна смеха прокатится дальше и вся толпа загудит так, что и не разберешь: смеется эта масса людей или рычит. Только по отдельным лицам можно было догадаться, что толпе весело. Вон молодая круглолицая баба, в ситцевом платочке с красными, как кровь, цветами, быстро, как белка, грызет подсолнухи белыми, крепкими зубами и смеется тихим внутренним смехом. Она заражает стоящую рядом старуху, у которой смех густо сбил морщины на впалых, сухих щеках и обнажил беззубые десны. А вон, как безумный, заливается молодой деревенский парень, а ему вторит маленькая босоногая девчонка, которую смешит не клоун, а этот наивный парень.

Площадь вся залита ярким, знойным светом, живет полной жизнью.

Смех и говор толпы, песни и крики «артистов», оглушительные марши шарманок и военных оркестров, барабанная дробь и крики осла из зверинца слились в один сплошной сильный гул, в котором нет возможности разобраться.

Санька, попав в это царство зрелищ, смеха и веселья, почувствовал себя, как рыба в воде. Бедный Герасим едва за ним поспевал.

— Вот здесь посмотрим... А гляди-ка, что такое?.. Вот так рожа!.. — беспрерывно повторял Рыжик, перебегая от одного зрелища к другому.

Перед одним из балаганов на узеньких деревянных мостках проделывали разные штуки акробаты — отец и сын, как говорили в толпе. Отец был старик высокого роста, лысый и

костлявый, а сын — малокровный, бледный мальчик лет семи, с большими наивными глазами и синими жилками на исхудалом лице. Старик был одет в убогое трико, которое прилипло к его мокрому, потному телу. Это трико когда-то было кремовое, но от времени и грязных пятен оно сделалось серым; во многих местах оно было заштопано, зачинено и свидетельствовало о крайней бедности. Тело акробата от старости уже не гнулось, и он, как легко можно было догадаться, нестерпимо страдал, когда из-за куска хлеба в угоду толпе должен был сгибаться и ходить колесом. Когда Санька подошел к балагану, старый акробат, стоя затылком к толпе, медленно и с трудом выгибал назад туловище. На оголенных загорелых руках жилы вздулись и сделались синими, лицо опрокинулось к спине. Лицо это, плохо выбритое, с жидкими длинными усами, по мере того как опускалось к ногам, становилось коричневым, а глаза, смотревшие в небо, и острый подбородок наливались кровью. С большим трудом старику удалось достать помост и таким образом представить из себя нечто вроде колеса. В этой неестественной позе старик был ужасен. Его лысая голова почти касалась досок, на которых он стоял; сухие ребра, будто обручи, отчетливо выступали сквозь мокрое и грязное трико. Акробат тяжело дышал, и выгнутые в дугу живот, грудь и длинные, худые ноги лихорадочно и нервно дрожали... Вдруг сын акробата всплеснул ручонками, вскрикнул и одним прыжком вскочил отцу на живот, где и принялся показывать разные штуки. Толпа приходила в восторг от этих жалких людей и как будто радовалась их страданиям. А рядом с акробатом стоял толстый, безобразный клоун с выпачканным лицом и дурацким колпаком на голове. Он рукой вертел перед животом своим, изображая шарманку, и хриплым голосом выкрикивал песню собственного сочинения, глупую и чрезвычайно бессмысленную.

А рядом, перед другим балаганом, лезли из кожи «артисты»-конкуренты, всячески стараясь привлечь внимание зрителей на свою сторону.

У Рыжика глаза разбегались, и он не знал, на что раньше смотреть. У него даже зародилась надежда самому попасть в число «артистов».

— Послушай, голубчик, — обратился к нему Герасим, — мне домой пора. Прощай и не поминай лихом...

— Ты что, домой? — на минуту остановился Санька. — Ну, прощай, спасибо!.. А я, кажись, поступлю куда-нибудь здесь, — добавил Рыжик и указал глазами на балаганы.

Спутники расстались.

Санька крепко пожал другу руку и сейчас же повернул в другую сторону. Но не успел он сделать и двух шагов, как услышал позади себя какой-то гул и необычайный шум. Рыжик оглянулся и увидел, что толпа чем-то встревожилась. Санька, как большой любитель всякого рода скандалов, бросился назад. На бегу он успел схватить несколько отдельных восклицаний и фраз:

— Фокусника задавило...

— Не одного... Весь тياتер провалился...

— Доски-то проломились, ну и того...

Эти отрывочные разговоры еще сильнее раздражили любопытство Рыжика, и он энергичней заработал локтями. Минуты через две он был уже на месте происшествия.

Случилось вот что. Вся труппа «франко-русского театра» стояла на мостках и зазывала публику. Вдруг доски обломились, и вся труппа вместе с помостом упала на землю. Все думали, что все обошлось благополучно: «артисты» со смехом вскочили на ноги и посылали воздушные поцелуи, делая вид, что все случившееся входило в «программу». Толпа неистово захохотала, а некоторые захлопали в ладоши и закричали «бис», как вдруг из-под

досок раздались чьи-то стоны. Сухощавая кассирша, в маленькой шляпке с гусиным пером, первая услышала эти стоны и подняла тревогу. Оказалось, что фокусник того же театра проходил под мостками в тот момент, когда последние обломились. Он не успел отскочить и был задавлен.

Санька прибежал в ту минуту, когда несчастного усаживали в экипаж, с тем чтобы отправить в ярмарочный барак.

Без содрогания нельзя было взглянуть на пострадавшего. Этот маленький, тощий человек был измят, исковеркан до невозможности. Старенький фрак клочьями висел на узеньких плечах. Бумажный воротничок «монополь» был расстегнут и одним концом упирался в острый подбородок. Лицо было окровавлено и безжизненно. Руки и ноги, когда его несли, болтались, как плети.

Рыжик забежал вперед и заглянул в лицо фокуснику. Дикий, нечеловеческий крик вырвался из груди Саньки: в раздавленном, изувеченном человеке он узнал Полфунта!..

Только на другой день, и то после долгих просьб и слез, Рыжика впустили в барак к Полфунту. Своего лучшего и единственного друга Санька нашел при смерти. Он лежал на койке весь забинтованный, с полузакрытыми глазами. Когда Рыжик подошел к кровати, Полфунта приподнял веки и слабо, едва заметно улыбнулся. Санька смахнул рукой слезы и подошел к изголовью. По всему было видно, что больной мучительно страдал. По лицу его то и дело пробегали корчи, а глаза плакали. Прошло несколько секунд. Ни тот, ни другой не промолвил ни слова. Но вот Полфунта как-то особенно взглянул на Рыжика и чуть слышно прошептал:

— Я искал тебя... Саша...

Больше он ничего не мог сказать. Лицо его исказилось от боли. Рыжик стоял перед койкой и угрюмо молчал.

Собравшись с силами, Полфунта снова заговорил тихим, прерывающимся голосом:

— Вот и конец пути... Саша... Я умираю... Слушай... Не надо так жить... Иди домой, сделайся человеком... Жить для жизни надо... Пойми, мы около жизни ходили, а в середине ее не были... Трудись... будь полезен другим... Вот счастье... Шататься не надо... Бродяги не нужны миру... Саша...

Рыжик наклонился к больному, но ничего не услышал: он уже не мог говорить.

Санька до самого вечера пробыл у больного. Полфунту с каждым часом становилось хуже.

На другой день Санька чуть свет прибежал в больницу, но не успел он переступить порог, как ему сообщили о смерти друга.

— В самую полночь скончался, — несколько раз повторил сторож.

Рыжик прижался к стене, закрыл лицо руками и заплакал жалобным, тихим плачем.

Примечания

1

Родимчиками промысловые нищие называли детей, которых они заставляли выпрашивать милостыню. Такие дети попадали к нищим различным путем: их воровали, сманивали или же брали у бедных родителей на прокат. (Примеч. автора.)

2

Биндюжники — ломовые извозчики.

3

Родоканаки — известные в то время в Одессе греки-миллионеры. (Примеч. автора.)

4

Клоповник — ночлежный приют. (Примеч. автора.)

5

Солдаты пограничной стражи получали известный процент от суммы, вырученной от продажи отнятого у контрабандистов товара. (Примеч. автора.)